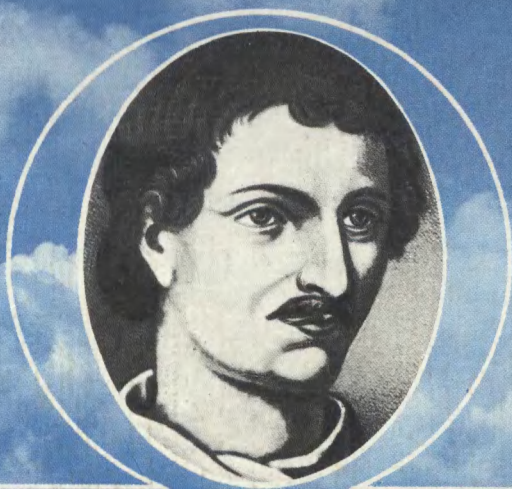

З. В. КАЛИНИЧЕВА

«Кристали
недес
мне
не преграда
доде...»

З.В.Калиничева

**«Кристалл
недес
лине
не преграда
доле...»**

*Исторические очерки
о закономерностях возникновения
и развития атеизма*

Лениздат • 1986

Автор этой книги — кандидат философских наук З. В. Калиничева — анализирует исторические причины зарождения и формирования атеистических взглядов. На конкретном материале показано, что истоки атеизма, развившегося в науку и являющегося органической частью духовной жизни общества, — в свободной мысли, рождение которой обусловлено самим ходом социального прогресса.

В первом разделе книги на материалах античности и европейского Возрождения раскрываются наиболее общие проявления социального прогресса, которые формируют атеистические воззрения. Второй раздел рассказывает о 60—90-х годах XVIII века — времени русского Просвещения, знакомит с атеистическими тенденциями отечественного искусства этого периода.

Книга рассчитана на массового читателя.

На второй и третьей стороне обложки — гравюра В. Патерсена «Вид на Зимний дворец и Эрмитаж со стрелки Васильевского острова» (1799),

На 4-й стороне обложки — портреты:

А. Ш. Карафф. Портрет Д. И. Фонвизина (1784).
Неизвестный автор. Портрет А. Н. Радищева (конец XVIII в.).
Д. Г. Левицкий. Портрет Н. А. Львова (1789).
Д. Г. Левицкий. Портрет Н. И. Новикова (до 1792).

Предисловие

а научный атеизм — составную часть марксистско-ленинского мировоззрения — империализм ведет систематические идейные атаки. Сегодня излюбленный тезис западной пропаганды такой: причина социальных язв и моральных пороков капитализма коренится якобы не в глубочайших противоречиях частнособственнической системы, а в «кризисе веры под натиском разнузданного материализма», то есть в широком распространении атеизма. Эти слова принадлежат главе католической церкви Иоанну Павлу II. И руководящие деятели США, ФРГ, других капиталистических стран все чаще и упорнее противопоставляют религиозные идеалы как «основные нравственные ценности» западного мира «безнравственным» идеалам атеизма, ценностям «безбожного» социалистического мира. В этом психологическом наступлении на атеизм он, понятное дело,

рисуются только черными красками. Но пожалуй, основной акцент делается на доводе о «случайности» атеизма, на том, что он, дескать, не имеет глубоких корней в историческом развитии общества, в его духовной жизни. Атеизм представляется таким неведь откуда взявшимся явлением, бредущим по обочинам человеческого общества, его истории, его духовного развития, чем-то вроде инфекции, заразившей здоровый организм человечества.

Нападки на атеизм являются частью общего идеологического наступления на коммунистическую идеологию. Если «доказывается» случайность атеизма — коренного мировоззренческого компонента научного коммунизма, то тем самым ставится под сомнение историческая обусловленность, закономерность возникновения и развития всей теории научного коммунизма.

Такое положение делает сегодня нужным и важным анализ исторических причин зарождения и формирования атеистических взглядов, раскрытия их неразрывной связи с общественным развитием.

В первом разделе книги на материалах античности и эпохи европейского Возрождения прослеживаются те наиболее общие проявления общественного прогресса, которые формируют атеистические воззрения, воздействуют на их рост и развитие. Во втором разделе мы рассматриваем эти же проявления социального прогресса на материалах 60—90-х годов XVIII столетия в России, в пору русского Просвещения, анализируем атеистические тенденции в русском искусстве.

В античной Греции VI—IV веков до н. э., в странах Европы в период Возрождения, в России во второй половине XVIII века — и это общепризнанный в науке факт — шло формирование и развитие атеистических воззрений. Разумеется, атеистические взгляды на различных исторических этапах в разных странах отличались глубиной философского осмысления, подкреплен-

ностью научными знаниями, смелостью критики религиозного мировоззрения. Это течение общественной мысли, возникшее не внезапно, вдруг, как цветок в пустыне, было обусловлено особенностями времени. Но что общего в социальном развитии античной Греции, европейского Возрождения или русского Просвещения? Знакомство с этими столь разными периодами показывает, что возникновение атеистических идей — плод неизбежный, и появился он на дереве общественного прогресса. Бурные темпы роста последнего — важнейшая черта исторического развития названных эпох. Социальный прогресс характеризовался быстрым развитием экономики, рыночных отношений, а также научных знаний. Подобный динамизм вызывал обострение классовой борьбы и рост прогрессивного сознания, неотъемлемым спутником которого и являлись атеистические воззрения.

Особое внимание в книге уделено формированию атеистических идей в России в период русского Просвещения. В преддверии тысячелетия начала принятия христианства на Руси (в качестве государственной религии православие было принято в 988 году) церковная пропаганда, особенно зарубежная, делает акцент на утверждении: религия всегда и везде, в России в частности, являлась основой духовной культуры, основой искусства. Защитники «религиозных ценностей» стремятся опорочить атеизм, доказывая, что он никак не связан с духовной культурой страны, он для нее якобы случаен, не имеет корней в ее истории. Отсюда делается вывод, что религия, поскольку она — в духовных корнях народа, вечна, а атеизм преходящ, исторически обречен. А далее следует и обобщение: христианская цивилизация — единственная истинная форма устройства русского общества. Разумеется, в подобных «доводах» полностью игнорируется тот факт, что атеистические воззрения в России во второй половине XVIII века коренились в самих условиях ее исторического развития.

Тезис о том, что религия благотворно влияет на процесс духовного творчества и что это якобы доказано историей русского искусства, имеет хождение среди некоторой части нашей молодежи и интеллигенции. Вызывает беспокойство, что в отдельных произведениях допускаются отступления от исторической правды, проскальзывают «богоискательские» мотивы, идеализация патриархальщины. На примере демократического искусства русского Просвещения, составившего национальное достояние и славу России, мы стремились проследить, что оно никак не было связано с религиозными идеалами. Напротив, оно объективно несло в себе атеистический заряд, активно влияя на уменьшение роли и значения религиозного мировоззрения в жизни общества.

Изучение истории нашей культуры опровергает «богоискательские» тезисы, показывает светскую направленность лучших достижений искусства Просвещения. Это имеет существенное значение для дела коммунистического воспитания, формирования научно-материалистического мировоззрения.

В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС, сказано: «Важнейшая составная часть атеистического воспитания — повышение трудовой и общественной активности людей, их просвещение...» Немалую роль в таком просвещении призвана сыграть разработка круга вопросов, связанных с духовной культурой человечества, раскрытие ее атеистического потенциала, исследование атеистической направленности исторического процесса в целом.

«Пришедшие дорогой инойтрудной...»

*„На небе боги есть...
Нет! Нет! Нет их!“*

В

одном из эпизодов романа известного советского писателя Нодара Думбадзе «Закон вечности» рассказывается о бывшем дьяке Арджеванидзе. Он украл из церкви крест, являвшийся национальным достоянием, и продал его. Таков был его «разрыв с религией». Когда священник церкви, откуда был украден крест, обвиняет бывшего дьяка в воровстве, тот, обращаясь к следователю, гордо объявляет себя атеистом: «Я, как человек, порвавший с религией и как член президиума атеистического общества, портрет которого вывешен на Красную доску в здании нашего общества...» Но разве здесь речь идет об атеизме и атеисте? Мы имеем дело с безнравственным человеком, полностью равнодушным к ценностям как религии, так и атеизма. Он научился ловко пользоваться уважаемыми терминами и понятиями для камуфляжа рвачества, аморальности, хищ-

ничества. Это о таких людях писал великий французский просветитель, материалист и атеист XVIII века Поль Гольбах: «Порочные люди, отделавшись от религии, часто бросаются в объятия разврата и преступления. Освободившись от рабства суеверий, они впадают в полную анархию; убедившись в призрачности религии, они считают все для себя дозволенным».

Такие, с позволения сказать, «атеисты» лишь дискредитируют атеизм и атеистов, возбуждают враждебное к ним отношение со стороны некоторых верующих, дают повод для обвинения атеизма в проповеди безнравственности, в разрушении моральных ценностей. Подобная ситуация характерна для западных стран, где последователи всевозможных нигилистических и анархических течений, типа пресловутых террористических «красных бригад» в Италии, прикрывают разнузданный эгоизм, отрицание всяких ценностей общественного поведения «атеистическими» лозунгами.

Происходящий распад духовных ценностей западного общества идеологи империализма и богословы нередко объясняют «губительным» воздействием атеизма. Папа римский Иоанн Павел II даже назвал атеизм в одном из своих выступлений «духовной драмой нашего времени», рисуя его как забвение духовных начал, как идейную основу разгула потребительских настроений, которые господствуют в капиталистическом мире. На самом же деле отнюдь не атеизм повинен в разгуле потребления, глубочайшего индивидуализма и эгоизма, а частнособственнические отношения, порождающие и превозносящие культ наживы, презрение к духовным ценностям, равнодушие к окружающим.

Негативные оценки атеистического воздействия на воспитание человека в буржуазной и клерикальной пропаганде самым широким образом используются для нападок на социализм, его политику, культуру, мораль, для идеологических атак на социалистическую действи-

тельность. Ложность доводов враждебной пропаганды доказывается положительным влиянием атеизма на формирование коммунистической личности, на повседневную практику нашего общества. Социалистическая действительность, в которой атеизм играет большую роль, опровергает утверждения буржуазных и клерикальных идеологов о том, что формирование нового человека — задача недостижимая, ибо индивидуализм, эгоизм, себялюбие, существование по принципу «своя рубашка ближе к телу» якобы извечны для человека, составляют его сущность. В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии, говорится: «Социализм обеспечил господство в духовной жизни советского общества научного мировоззрения». Мы успешно решаем задачи по **«формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»** и тем самым опровергаем утверждение, что только религия способствует становлению положительной личности.

Анархическое отрицание религии никогда не означало атеизма. И вообще отнюдь не всякая критика религии ведется с атеистических позиций, является атеистической. Ни в какой мере не тождествен атеизму, например, религиозный нигилизм. Так, обвиняя атеизм в разрушительных тенденциях и намерениях по отношению к духовной культуре человечества и человеку, критики атеизма приводят в пример ницшеанство. Немецкий философ XIX века Ф. Ницше отрицал не только религию, но и разум, науку, мораль, все общеустановленные ценности буржуазного общества. А взамен ницшеанство утверждало культ сверхчеловека, супермена, выживание сильнейших за счет неприспособленных. От имени персидского мудреца Заратустры Ницше заявлял: «Красота сверхчеловека явилась мне как тень. О, братья мои! Что мне теперь боги!» Ницшеанство, лежавшее в

основе «философии» фашизма, ничего общего не имеет с атеизмом. Атеизм никогда не отрицал разума, наоборот, всегда апеллировал к нему. Атеизм никогда не отвергал науки, напротив, в научном познании человеком мира он видит одну из важнейших задач человеческого бытия и всегда боролся за развитие научных знаний. Атеизм никогда не ратовал за уничтожение правил человеческого общежития и моральных норм, а всегда стремился к созданию в обществе высокогуманной и высоконравственной атмосферы, добрых отношений между людьми.

Так что же такое атеизм? Этот термин в переводе с греческого означает «безбожие» («theos» — бог, «а» — отрицательная частица). Он родился в античной Греции, где в V—IV веках до н. э. отрицание влияния богов на природу и человеческую жизнь, а порою и отрицание существования богов вообще стало довольно распространенным воззрением, что подтверждает, в частности, литература. Вот один из немногих дошедших до нас отрывков трагедии Еврипида «Беллерофонт»:

На небе боги есть... Так говорят.
Нет! Нет! Нет их! И у кого крупица
Хотя бы есть ума — не станет верить
Сказаньям старины. Чтобы моих вам слов
Не принимать на веру, докажу вам.

Когда понадобилось дать определение подобным взглядам, ставшим заметным течением общественной мысли, знаменитый греческий философ Платон (сам подобные мнения отнюдь не разделявший) назвал их атеизмом, безбожием.

Как и вся человеческая мысль, атеизм прошел долгий путь к зрелости, находился и находится в развитии.

В разные периоды своего существования он отличался по содержанию и формам выражения. Домарк-

систский атеизм не имел под собой подлинно научной базы в виде науки о закономерностях развития природы и общества, базировался больше на догадках, хотя порою и гениальных, чем на знании. В силу исторических обстоятельств он был больше сконцентрирован на критике религиозных воззрений, на отрицании религии и ее «ценностей». Он был недостаточно полон и последователен в этом отрицании и особенно в противопоставлении религиозным взглядам материалистических воззрений на природу и общество. Марксистский атеизм научен, потому что основывается на учении марксизма о природе и обществе. Он не только отвергает религиозные мировоззрение и практику, но полно и последовательно противопоставляет мнимым идеалам и ценностям религии ценности научно-материалистического миропонимания: научную картину мира, гуманистический идеал личности, коммунистическую мораль.

Вместе с тем в атеизме на любом этапе его развития можно выделить характерные качества. Во-первых, атеизм — не личное настроение того или иного человека, это явление общественной мысли, которое вызывается ходом общественного развития. Во-вторых, атеизм — не отдельная частная мысль, не какое-то сомнение в деталях религиозной веры, он направлен против самой сути религиозного мировоззрения, против веры в потусторонние силы. Об этом нелишне сказать, потому что сегодня на Западе атеизм нередко изображают как разновидность «ложной веры», как критику религии, которая ведется с целью ее «очищения» от устаревших форм, от содержания, не соответствующего современным условиям. Таким толкованием снимается мировоззренческая противоположность атеизма и религии, их идейная непримиримость. В-третьих, атеизм неразрывно связан с материализмом, является неотъемлемой составной частью материалистического видения мира. Он развивается по мере развития материалистической фи-

лософии, материалистических взглядов на мир. Этому ничуть не противоречит то, что в одних исторических обстоятельствах атеизм рождался и проявлялся полнее, как характерная черта материалистической философии, направленной на изучение природы, а в других — большее атеистическое звучание приобретало утверждение величия и значимости неподвластной потусторонним силам человеческой личности. И то и другое исходило из материалистического понимания природы и человека.

Более интенсивно материалистическое видение мира развивалось на тех переломных этапах истории, для которых характерно динамичное движение общества к прогрессу.

Именно на путях общественного прогресса следует искать условия и причины возникновения и роста атеистических воззрений.

На основе социального прогресса пересматриваются многие традиции, догмы и нормы «обыденного рассудка», в частности и те, которые отражены (и тем освящены в глазах верующих) в религии.

Социальный прогресс создает идеологию, важнейшей предпосылкой и условием развития которой является требование «переоценки ценностей» с позиций разума, что усиливает критическое переосмысление религиозных ценностей.

По мере развития общественного прогресса происходит рост теоретического, научного знания, чем подрывается господство религиозного мировоззрения.

Общественный прогресс способствует росту материалистического освоения мира, противостоящего религиозному его видению.

Прогресс предъявляет новые требования к человеку и его духовным качествам, находящиеся в прямой конфронтации с религиозным идеалом личности.

„Судьба Олимпа была решена“

„Вначале было Дело!“

Когда Фаусту, герою гениальной поэмы И. В. Гёте, предстояло сделать перевод Евангелия от Иоанна, начинающегося словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», то есть утверждающего, что первопричиной сущего, началом бытия явилось слово от бога, Фауст отверг эту мысль: «Я слово не могу высоко так ценить».

Он перебирает разные «начала начал» и мучительно ищет истину:

Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.

После колебаний, сомнений Фауст в ходе размышления находит ту «ниточку», вытянув которую, можно распутать весь клубок:

Но свет блеснул — и выход вижу смело,
Могу писать: «Вначале было Дело!»

Дело, труд, в ходе которого люди познавали мир, является фундаментом, началом начал и атеистических воззрений. Но атеизм возник лишь на определенном этапе развития Дела, в античной Греции VI—V веков до н. э. Дело же существовало и до этого. Вот Древний Египет. Узкой полоской вдоль Нила шли возделанные поля, кормившие всю страну. А кто не знает о знаменитых египетских пирамидах, поражающих воображение грандиозностью размеров и каменным великолепием! Замечательны произведения древнеегипетского иску-

ва, например золотая маска Тутанхамона или скульптурный портрет Нефертити, жены фараона (XIV в. до н. э.). Они рассказывают о великом мастерстве и высокой духовной культуре древних, раскрывают чувство прекрасного, может быть, неосознанное, инстинктивное, присущее таланту и нередко владевшее многими древними художниками.

Но атеизм в Египте не возник. И только ли атеизм? Много написано о Древнем Египте, его культуре, искусстве и о том, что в этой стране... не существовало науки. Но ведь возведение таких чудес строительного искусства, как пирамиды, требовало точнейших расчетов, огромного строительного мастерства, знания свойств материалов. Все это так, говорят египтологи, в Египте существовали накопленные веками знания, из поколения в поколение передавался и умножался сложившийся опыт. Но это были только подходы к науке, преднаука. Наука же как постижение сущности явлений, как раскрытие наиболее общих законов их развития, как выявление общих причинно-следственных связей между ними возникла не в Древнем Египте, а позднее. Она возникла в античной Греции.

Известный английский популяризатор истории Древнего Египта Л. Котрелл пишет: «Египтяне были практичными людьми. Их огромные успехи в архитектуре и скульптуре, астрономии и математике были обусловлены чисто утилитарными целями. В отличие от древних греков, которые восхищались ими, египтяне обладали, видимо, меньшей любознательностью... Абстрактные размышления были им чужды. Тем не менее греки очень многое заимствовали у них... обрели в Египте огромный запас полезных практических знаний, не строго научных в нашем понимании, а, скорее, сырьевой запас для науки»¹.

¹ Котрелл Л. Во времена фараонов. М., 1982, с. 292.

Египтяне не любили абстрактных размышлений... Но науки в точном значении этого понятия не существовало и в других древних цивилизациях — в Индии, Вавилоне, Ассирии. «Восток не имел науки», — констатировал А. И. Герцен в «Письмах об изучении природы». Что же, по всему Востоку все были практичны и неблуждательны?

В древних восточных цивилизациях не существовало и внерелигиозной философии, то есть как собственно философии, как учения, ищущего начало начал всего сущего, размышляющего над тем, как, откуда, почему берутся вещи и явления, каковы связи между ними и законы их развития. Раз не было философии с ее прогнозирующей ролью по отношению к накопленным знаниям, не возникло и науки как их системы. Ведь именно философия ставит те общие вопросы, на которые наука отвечает исследованиями и знаниями в конкретных областях, систематизирует и обобщает полученные знания, определяет задачи новых исследований и побуждает к раскрытию связей между предметами и явлениями, к выявлению закономерностей их развития. «Блаженства человеческие увеличены и в высшее достоинство приведены быть могут яснейшим и подробнейшим познанием натуры, которого источник есть натуральная философия», — говорил М. В. Ломоносов.

Натуральная философия, философия природы, появилась только в античной Греции, хотя зачатки ее, «предфилософию», можно обнаружить и в странах Древнего Востока. Но отдельные воззрения, отдельные попытки понять связи и закономерности развития бытия не слились там в систему взглядов, в учение. Еще в колыбели мысль на Востоке глохла и чахла под удушающим контролем религии и ее служителей, введших ее в жесткие рамки религиозных учений. Ответ на вопрос, почему философия, наука, а с ними и атеизм возникли в Элладе, а не в цивилизациях Востока, мы на-

ходим в общественной практике этих стран, при знакомстве с Делом, носившим в них различный характер.

В жизни древних египтян, как и в жизни народов других восточных цивилизаций, производительные силы развивались крайне медленно, орудия труда оставались неизменными на протяжении тысячелетий. Еще после второй мировой войны египетские крестьяне, феллахи, черпали из Нила воду примитивным журавлем — шадуфом точно так же, как это делали их праотцы, кормившие своим хлебом строителей пирамид. Торговля и обмен в стране едва теплились, развитие носило застойный характер. По выражению Герцена, жизнь восточных народов проходила «в косном покое однообразного повторения».

Знать процветала на безжалостной эксплуатации мелких земледельцев и огромных масс рабов и более всего боялась малейших перемен в установленных порядках. На помощь знати в укреплении жестко регламентированных общественных устоев призывались религия и духовенство, жрецы. Духовенство пользовалось огромным влиянием, большой политической властью, основу которой составляли громадные богатства: храмам принадлежали целые города и поселения, десятки тысяч рабов. Жрецы держали под контролем буквально все сферы жизни: политику, земледельческие работы, воспитание. Обучение велось в школах при храмах. Бдительное жреческое око следило, чтобы имеющиеся знания служили строго конкретному делу и чтобы каждый человек занимался только своим узкопрофессиональным трудом.

Раздумья над жизнью, возникавшие у древних египтян, строжайше контролировались храмами и жречеством, оформлялись в виде религиозно-этических концепций и поучений. Концепции выполняли определенный «социальный заказ» сильных мира сего: учили человека покорно и безропотно нести свою земную участь,

принимать бытие раз навсегда — согласно воле богов — установленным, не размышлять над ним. В одной из лучших работ, знакомящих с удивительным миром Древнего Востока, читаем о том, что древние египтяне «рассказывали мифы, вместо того чтобы производить анализ событий и делать выводы... отрешенное бесстрашие интеллектуального исследования здесь начисто отсутствует»¹. Жесткий контроль над мыслями, требование слепой покорности традициям, прежде всего религиозным, характерные для восточных цивилизаций, не давали простора интеллектуальному исследованию. В этих условиях не было общественной потребности в философии как мысленном анализе сущего. А без нее накопленные в ходе конкретных трудовых действий знания, умения, навыки оставались складом прикладных сведений, не обобщенных в систему, которая осмысливала бы мир в целом, искала бы закономерности его развития.

Подобное застойное общественное развитие, объяснявшееся, по словам К. Маркса, «простотой производственного механизма», было характерно и для других древних восточных цивилизаций. Там также не было нужды в осмысляющей и обобщающей роли философии, в науке. Следовательно, не могло возникнуть и атеизма как части материалистической философии, как способа мышления, рождающегося вместе с исследованием природы. Но зачатки свободомыслия и атеистических представлений существовали и там как результат, в первую очередь, трудовой деятельности людей. Само опытное знание носило стихийно-материалистический характер, рождалось в ходе освоения и познания качеств конкретной вещи или явления, поэтому возникало закономер-

¹ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984, с. 27, 29.

ное сомнение в том, чего нельзя увидеть, пощупать, измерить. Например, более трех тысяч лет тому назад в древнеегипетских книгах «Песнь арфиста», «Беседа разочарованного со своей душой» выражалось сомнение в существовании загробного мира. Кроме того, жизнь простых людей была чрезвычайно тяжела, и отрицание каких-то религиозных установок нередко рождалось как стихийный протест против существовавшей системы с ее засилием жречества и религиозных предписаний, которые опутывали неимущего человека бесконечным количеством запретов в интересах власти имущих. Символично, например, что название древнего индийского стихийно-материалистического учения Лоакята переводится как «взгляды простых людей». Но элементы свободомыслия и атеистических воззрений не имели под собой философской базы, не являлись следствием материалистического видения мира, были отдельны и разрозненны, как еле различимые огоньки в море.

В античной Греции, в Элладе, атеизм как философское направление мысли, отвергавшей религиозно-мифологическую картину мира, возник закономерно как исторически обусловленное явление в ходе бурного развития Дела, всей общественной практики. Ее отличали подвижность, динамизм развития, поступательный ход социального прогресса бурными по тем временам темпами. Это и породило невиданный прежде расцвет мысли, знания, искусства, вызвало к жизни философию, науку, все то, что нередко называют греческим чудом.

Рождению этого чуда в определенной мере способствовало географическое положение греческих островов. В городах-государствах, расположенных на берегу Эгейского моря, быстро развивалась торговля сначала между островами, а потом и со всем известным тогда миром. Этому способствовало мореплавание. Изделия ремесленников и плоды земледелия были основными предметами торговли. Развитие торгово-денежных отно-

шений в Древней Греции привело к своего рода культу денег, о чем убедительно свидетельствует отрывок из рукописи той поры: «Эпихарм (греческий философ V в. до н. э.—З. К.) говорит, что боги суть ветры, вода, земля, солнце, огонь, звезды. Я же пришел к выводу, что богами, приносящими нам пользу, являются только золотая и серебряная монеты».

Бороздившие моря греческие купцы и путешественники усваивали богатую и разностороннюю культуру древнего мира — египтян, вавилонян, финикийн, использовали их знания и достижения. Все это опрокидывало сложившуюся мифологическую картину мира, так как в рамках религиозно-мифологических представлений невозможно было дать ответы на огромное количество практических вопросов, порожденных запросами экономики. Возникающую потребность в выяснении связей между предметами и явлениями бытия, в познании законов развития вещей начинает решать рождающаяся философия, прошедшая длительный путь становления.

Она возникает в VI веке до н. э. в Ионии — экономически и культурно развитой части Греции. Термин «философия» — «любовь к мудрости», «любомудрие» также возник в Ионии, когда Пифагор, один из первых великих греческих мудрецов, желая подчеркнуть скромность своих притязаний, назвал себя не мудрецом, а любителем мудрости — философом. С тех пор у греков этим словом стали называться люди, чьим профессиональным занятием стало размышление над бытием. Они пользовались у древних греков великим почетом и уважением. Учение же о бытии и его наиболее общих законах и связях стало с тех пор называться философией.

Первоначально греческие философы размышления над природой соединяли с наблюдениями над нею и с решением конкретных вопросов практической жизни. Как правило, все они были математиками, занимались астрономией и навигацией (Фалес был строителем пер-

вого в Греции маяка, Анаксимандр впервые составил модель небесной сферы, создал солнечные часы и т. д.). Много позднее знаменитый римский государственный деятель и оратор Цицерон, видимо, имел основание утверждать: «Те семеро, кого греки называли мудрецами, почти все, как я вижу, вращались в центре государственных дел». Долгое время философия и науки существовали в Греции нераздельно. Философия вбирала в себя и собственно размышления, и начатки наук, становилась фундаментом их развития, определяла русло, в котором эти науки должны были накапливать знания, помогавшие осмыслению тех или иных явлений.

Римский поэт Овидий в поэме «Метаморфозы», в которой воспет Пифагор, писал о том, что задача греческой философии — понять:

Что есть бог; и откуда снега; отчего происходят
Молнии — бог ли гремит или ветры в разъявшихся тучах;
Землю трясет отчего, что движет созвездия ночи;
Все, чем таинственен мир.

К. Маркс называл философию духовной квинтэссенцией данной эпохи Г. В. Гегель оценивал ее как эпоху, выраженную в мыслях. Это означает, что в самом круге осмысливаемых философами вопросов стоят проблемы, которые волнуют данное время и данное общество.

Греческая философия, достигшая вершины в период расцвета рабовладельческой демократии в V—IV веках до н. э., смело и открыто занялась изучением природы, что привело к возникновению материалистических концепций природы и человека. Именно греческая философия дала повод Марксу сказать, что первой основой философии является смелый свободный дух научного исследования. Вместо представлений о действии в окружающем мире сверхъестественных сил философы утверждали воззрения о материальных, в самой природе

находящихся источниках явлений. Так, мифы объявляли, что громовержец Зевс мечет гром и молнию на землю, собирает и разгоняет тучи, посылает на землю дождь, град, снег. А иониец Анаксимандр назвал причиной дождя испарения, а грома и молнии — действие ветра. Этими взглядами философы выводили богов за рамки воздействия на природу, подрывали веру в них, умаляли влияние религиозно-мифологических взглядов. Роль греческой философии была с тонкой наблюдательностью отмечена А. И. Герценом, который писал, что первый ученый Греции, Фалес из Ионии (VI в. до н. э.), занявшись поисками «начала начал» в природе, бросил «вызов богам»: «Судьба Олимпа была решена в ту минуту, как Фалес обратился к природе; отыскивая в ней истину, он, как и другие ионийцы, выразил свое воззрение независимо от языческих (то есть религиозных. — З. К.) представлений».

Быстрый экономический расцвет Эллады определил подвижность ее политического развития, что способствовало росту авторитета и влияния философии и науки. В греческих городах-государствах кипела напряженная классовая борьба. Демос — народ — боролся против старой родовой земельной знати, одновременно шла борьба между старой знатью и торгово-промышленной верхушкой. Борьба эта не раз меняла свои направления и формы, но не меняла интенсивности. Она делала политическую жизнь бурной, постоянно меняющейся. Этой подвижностью отвергались жестко очерченные рамки поведения и мышления свободных людей. Разумеется, эти рамки существовали, освященные традицией, мнением предков, религиозной мифологией, но роль традиций в целом не являлась такой строгой в жизни греческого общества. Демократизм и подвижность политической жизни не требовали существования строго регламентированных религиозных догм, политического и духовного диктата жречества. В Древней Гре-

ции мифы о богах толковались вольно, небожителям приписывались как человеческие достоинства, так и человеческие недостатки и пороки. Существовала даже возможность создания мифов о богах не жрецами, а простыми людьми: Гесиод, изложивший в поэтической форме мифы о «творении» богами земли, был крестьянином из Беотии.

В период наивысшего расцвета рабовладельческой демократии все свободные граждане могли равно участвовать в решении политических дел, в публичном их обсуждении на форумах — площадях городов. Успех государственных деятелей в этих условиях во многом определялся их личными качествами — умом, знаниями, ораторским искусством. Многие из них занимались философией в специальных школах, куда принимались свободные граждане-мужчины. Ссылкой на обычай или волю богов убедить в чем-либо граждан греческого города становилось все труднее. Все чаще боги стали «выводиться» за рамки действующих сил при решении политических и житейских вопросов. В V веке философ Протагор открыто выразил скептическое отношение к их существованию: «О богах я не умею сказать, существуют они или нет, и каковы они по виду».

Греческое Дело, следовательно, и в экономике, и в политике требовало энергичных, инициативных, знающих людей, а излишний страх перед богами мешал формированию такого человеческого типа. Философия и вырабатывает взгляд на человека как «на меру всех вещей» — по выражению того же Протагора. Наряду с мотивами беспомощности человека перед судьбой и богами мотив человеческого величия все чаще начинает звучать в искусстве Греции. Настоящий гимн человеку — стихи великого драматурга Греции Эсхила:

Много в мире сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего,

Итак, античная философия ставит вопрос о «причине всех вещей». Уже сама постановка вопроса отвергала признание религиозно-мифологической картины мира как единственно верной. В ответах же многие философы не находили богам места в «акте творения» природы и человека, отказывали им во власти над ними, приходили к отрицанию существования потусторонних сил. Разумеется, эпоха античности сложна и противоречива, как и всякая историческая эпоха. Отдавая должное расцвету, который переживала Эллада, следует помнить и о том, что он зиждился на несправедливости и угнетении десятков тысяч рабов, что занятия философией были уделом немногих избранных свободных мужчин. Безусловно и то, что свободомыслие и атеистические представления отнюдь не носили массового характера.

Однако именно греческая действительность впервые наглядно продемонстрировала: динамизм общественного развития неизбежно ведет к познанию реальной действительности, в ходе которого рождаются философия, наука, а с ними и атеистические представления. «Смело смотреть в глаза истине, верить в силу духа — вот первое условие философии», — писал Гегель. Это-то умение оказывается обязательно направленным против религиозного видения мира, против религиозных установок на могущество потусторонних сил и ничтожность и бессилие человека перед ними.

*„Мы свободные люди,
а не рабы Ксанфа“*

Общественный прогресс обязательно приводил к пересмотру господствовавших норм и стереотипов мышления, к атакам на так называемое обыденное сознание. Философия явилась скачком в развитии самого сознания, переходом его на другой, качественно более высокий уровень, и на этапах своего развития она бросала

вызов старым стандартам восприятия и осмысления жизни. Тем самым создавался стиль мышления, который своим острием оказывался направленным против религии как квинтэссенции и апологии консервативного, застойного массового сознания. Формировавшееся за счет жизненного опыта и мудрости людей, испытывавших страх и неуверенность перед условиями своего существования, в подавляющем большинстве невежественных, массовое сознание содержало в себе их страх перед судьбой и сильными мира сего, их предрассудки и суеверия. К тому же оно покоилось на традициях предшествующих поколений, на предрассудках, суевериях и догмах мифологического мышления, родившегося на заре человечества и передававшегося из века в век. Консервативное и агрессивное, жестоко боровшееся против любого проявления самостоятельного мышления общее мнение могло бы сказать о себе словами небезызвестного Козьмы Пруtkова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Нормы обыденного сознания были освящены в религии как воля сверхъестественных сил, как «божественные истины». Догмы религии всячески укреплялись в интересах правящих классов церковью и духовенством. «Всякая церковь,— писал Гегель,— выдает свою веру за *pop plus ultra*¹ всей истины... любая церковь утверждает, что на целом свете нет ничего более простого, чем обретение истины: стоит только на память заучить соответствующий катехизис».

Философия не могла не бросить вызова общему мнению именно потому, что она является осмыслением всего сущего, не нападать на нормы религии. Замечательно сказал об этом К. Маркс: «Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце

¹ Крайний предел (лат.).

бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам:

«Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

Философия этого не скрывает. Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу,
есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов...»¹

Первой в атаку на слепую веру в богов, на мнения предков и установившиеся авторитеты кинулась греческая философия. За этот подвиг одни, как Сократ, заплатили жизнями, другие подверглись преследованиям. Ведь власть общего мнения в Греции была не так уж мала. Например, существование молвы, слухов и рассказов о событиях считалось в народе доказательством их достоверности: «О нем говорят, значит, оно было». Философия же провозгласила девизом слова Эпихарма: «Умей не верить. В этом смысл науки всей». Позицию греческих философов Герцен изложил в формуле: «Мы свободные люди, а не рабы Ксанфа², не нужно нам облекать истину в мифы!»

Великий греческий врач и мыслитель Гиппократ, утверждавший с материалистических позиций причинную обусловленность болезни нарушением естественных процессов в организме, в то время как общее мнение считало ее результатом действия богов или демонов, говорил, что наука и мнение исключают друг друга. Первая рождает знание, второе — невежество. За вызов мнению толпы, за «непризнание богов, которых призна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 40, с. 153.

² Рабом Ксанфа был великий греческий баснописец Эзоп, из-за своего подневольного положения вынужденный облекать критические оценки и размышления в форму иносказаний и мифов. Отсюда и родилось выражение «эзопов язык».

ет город», был осужден на смерть Сократ. Он не являлся атеистом, но призывал иметь собственное мнение обо всем и учил размышлять над тем, что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, учил людей не застывать самодовольно на привычных представлениях и оценках, в мертвой неподвижности «окончательных истин». Характеризуя греческую философию, Герцен отметил, что Протагор и Сократ «смело направили свою мысль против всего существовавшего и все подвергли разбору; ими наука... оборотилась вдруг назад ко всей ходячей сумме истин, принимаемых и передаваемых общественным мнением... Сократ нанес существующему порядку в Греции тяжелейший удар».

Пересмотр догм обыденного мышления коснулся и самой веры в богов. Она также подверглась критическому переосмыслению. Так, Критий (V в. до н. э.), например, пришел к выводу, что религия — изобретение государственных деятелей, создана с целью ввести поведение человека в определенные рамки, обуздать людей страхом перед богами и их наказанием, чтобы они боялись «преступить закон». Эта мысль заслуживает особого внимания. В ней проступает скептическое отношение к существованию богов, выделена, пусть наивно, важнейшая функция религии: регуляция с помощью веры поведения людей, так называемая регулятивная функция. Эпикур, которого К. Маркс назвал «подлинным радикальным просветителем древности», высмеивал тех, «которые думают, что человек нуждается в небе; и самого Атланта, на которого опирается небо, он видит в человеческой глупости и в суеверии»¹. Действительно, Эпикур утверждал, что небожители являются воплощением человеческих желаний, так как содержат надежды людей, их призывы о помощи.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 40, с. 191.

**„Подлинная доблесть сопряжена
с разумом“**

Важнейшие требования греческой философии — суждение обо всем с позиций разума, утверждение права на рационалистическое переосмысление суммы установленных истин. Выдвинутые философией Эллады, они явились ответом на запросы времени. Греческая действительность периода расцвета страны не удовлетворялась истинами религиозно-мифологического мышления, нуждалась в суждении о вещах на основании знания о них, размышления об их месте в общей системе бытия. Отсюда — такое огромное уважение к разуму, который Маркс определил как универсальную «независимость мысли, которая относится ко *всякой вещи* так, как то-го требует *сущность самой вещи*»¹.

Античная философия провозгласила принципиальную возможность разума человека постичь закономерности бытия, его развития. Религия также была положена на весы разума. Так, Ксенофан, философ и поэт VI—V веков до н. э., не являвшийся атеистом, но с позиций разума осмысливавший существовавшие мифы, саркастически заметил, что люди создают богов по своему образу и подобию: у эфиопов боги черны по цвету кожи, а у фракийцев они голубоглазы и рыжеваты, как они сами. Ксенофан писал: «А если кони, быки, львы могли бы рисовать и ваять, как люди, то они изобразили бы своих богов так, что тогда походили бы боги на тех, кто их создал».

Рационалистическое осмысление религиозных представлений привело философов к сомнениям в нравственной ценности их. Эпикур характеризовал религию как лживый домысел, как оковы человека, угрожающие его счастью и спокойствию. Он имел в виду следующее: страхи и суеверия, порождаемые верой в могуществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 7.

ных богов, вносят дисгармонию в жизнь человека, разрушают его душевный покой. Эпикур пришел к чисто атеистическому выводу: если мысль человека и его действия свободны от санкции богов, человек полагается только на свои силы, что позволяет ему раскрыть свои способности и возможности. Эта мысль является одной из вершин античного атеизма, потому что в ней зафиксировано не только отрицание богов, но утверждается, как заметил К. Маркс, посредством этого отрицания человек.

Эпикур считал, что основой победы над верою в богов, над страхами людей является человеческий разум, который должен не просто все осмысливать и переосмысливать, но и бороться с невежеством, с суевериями. Сам Эпикур, не боясь бросить вызов общепринятому мнению, создал философскую школу, где впервые в истории античной Греции обучал философии и другим наукам женщин и рабов. Школа эта получила название «Сад», так как находилась в саду. Этой просветительской деятельностью Эпикур продемонстрировал не только образец разума, активно боровшегося с предрассудками, но и человеческого мужества.

Мы все это время говорим о великой классической греческой философии. Но в Элладе существовала также хотя и не столь развитая, но вполне сложившаяся идеология рабов и обездоленной бедноты — киническая философия. Ее отличал рационализм: «Рационализм, традиционное свойство греческого гения, был классовым оружием киников, критерием истинной ценности (наряду с трудом) человека... Разум нужен, чтобы все поставить под его нелицеприятный суд, чтобы самому с его помощью все проверить и взвесить, не полагаясь на чужое мнение или авторитет. Рационализм — враг мракобесия, суеверий, религии, всего иррационально-го»¹.

¹ Нахов И. М. Философия киников. М., 1982, с. 93.

Закончить разговор о важной роли разума, высокой оценке его в греческой философии, что не могло, в свою очередь, не вести к пересмотру установок религиозно-мифологического мышления, хотелось бы прекрасной фразой Сократа: «Нет, существует лишь одна правильная монета — разумение, и лишь в обмен на нее должно все отдавать: лишь в этом случае будут неподдельны и мужество, и воздержанность, и справедливость; одним словом, подлинная доблесть сопряжена с разумом».

„Тогда наука черпалась из жизни“

Ход общественного прогресса действительно требовал познания окружающего мира. Изучение его позволило античным философам и ученым сделать вывод: природа — развитие форм материи, а не следствие «божественной воли». Основное внимание они уделяли природе, занимаясь непосредственными наблюдениями за нею. «Тогда наука черпалась из жизни и тотчас погружалась в нее», — писал Герцен. Большинство философских произведений античности так и называлось — «О природе».

Наблюдая, как тучнеют при орошении поля и какие бедствия несет засуха, как ничто не может прожить без воды, изучая жизнь моря, Фалес пришел к выводу, что первооснова всего сущего — вода. Эта идея была высказана еще в Древнем Египте, но не получила развития. Фалес же создал учение о том, что материальное первоначало всех вещей составляют различные виды превращений воды, ее сгущение, разряжение и т. д. Другой иониец Анаксимен в качестве такой первоосновы выдвигал воздух.

Знаменитого философа из Эфеса Гераклита, жившего на рубеже VI—V веков до н. э., называли Гераклитом Темным за непонятный порою смысл его высказы-

ваний. Может быть, действительно не существовало еще разработанного аппарата философских понятий, и Гераклиту трудно было найти соответствующие выражения для поднятых им вопросов бытия... Не только его современники, но и люди последующих поколений размышляли над афоризмами Гераклита, многие из которых звучат очень красиво, например этот: «Человек в ночи зажигает себе свет». Так и кажется, что это сказано о стремлении людей проникнуть мыслью в тайны бытия. О материальной первооснове жизни Гераклит высказался просто и доступно: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся, мерами потухающим».

В чем бы ни видели начала жизни мудрецы античности — в огне, воде или воздухе, — в одном они были единодушны: основа мира материальна, мир — это развитие и превращение форм материи, он вечен, у него нет начала и конца. Эти мнения исключали богов в качестве первопричины бытия и отвергали религиозно-мифологическую картину мира и его творения.

Не скованный предрассудками свободный разум античных философов стремился осмыслить все явления жизни. На рубеже еще VII—VI веков до н. э. милетец Анаксимандр изучал строение рыб, проводя много часов на берегу моря, наблюдая за его жизнью, и пришел к мысли... что люди произошли от рыб и уж во всяком случае прошли долгий путь к самим себе из животного мира: «Первоначально человек произошел от животных другого вида, так как прочие животные скоро начинают самостоятельно добывать себе пищу, человек же один только нуждается в продолжительном кормлении грудью. Вследствие этого, первый человек, будучи таковым, не мог бы выжить». Это утверждение категорически отвергло мифологическую картину созда-

ния богами людей. И только через двадцать пять веков Чарлз Дарвин научно обосновал теорию происхождения и эволюции человека из животного мира.

Более двадцати веков потребовалось и на то, чтобы подтвердить другую гениальную догадку — материалистическое учение Левкиппа и Демокрита о том, что все сущее состоит из мельчайших материальных частиц — атомов. Это сделала атомистика XIX—XX веков. Благодаря силе человеческого разума мысль античных мудрецов проникала в глубины бытия, догадывалась о великих его тайнах. Материалистическое мышление, материалистическое видение греческих философов было чрезвычайно последовательным, они ни для чего не делали исключения, все рассматривая как те или иные формы материи. Так, говоря о душе, Демокрит предполагал, что она состоит из материальных атомов, только круглых, гладких, мелких и подвижных, подобных атомам огня, то есть особо динамичных материальных частиц. Эпикур также рассматривал душу как тончайшее тело. Следовательно, многие античные философы представляли человека, его сознание неотрывной частью всей окружающей природы. Этим логически отрицалось участие богов в «творении» людей, самая возможность «всемогущих» влиять на жизнь, поведение, сознание человека.

„Поступать иначе я не буду“

Освоение мира ведет к развитию материалистических представлений и научного знания, что сопровождается ростом атеизма. Это вовсе не случайно.

Много написано о принципиальной несовместимости науки и религии. Хотя в разные времена их взаимоотношения были различны, одно оставалось и остается неизменным: наука и религия — противоположны по целям и задачам, по применяемым средствам системы ос-

воения мира. Наука вырастает из общественной потребности познать и практически освоить природу и мир, она возникает по мере накопления у людей знаний и навыков в ходе их трудовой деятельности. Еще великий греческий ученый Аристотель (IV в. до н. э.) свое сочинение «Этика» начал словами: «Все люди стремятся к знанию — такова их природа».

Современные научные данные позволяют говорить о том, что в человеке как в виде заложена потребность в познании нового. Известный советский психофизиолог профессор П. В. Симонов подчеркивает тот факт, что наряду с биологическими и социальными потребностями третья «группу исходных потребностей составляют *идеальные потребности познания* в самом широком смысле: познания окружающего мира в целом, в его отдельных частностях и своего места в нем, познания и смысла и назначения своего существования на земле... Потребность познания ведет свое происхождение от универсальной потребности в информации, изначально присущей всему живому, наряду с потребностью в притоке вещества и энергии. Удовлетворение любой потребности требует информации о путях и способах достижения цели. Вместе с тем существует потребность в информации как стремление к новому, ранее неизвестному, безотносительно к его прагматическому значению в смысле удовлетворения каких-либо биологических и социальных нужд»¹. Опыты на животных показали, что существование этой группы потребностей, получаемое человеком удовольствие от новизны имеют свою химическую основу. Было установлено, что новизна повышает содержание в мозгу эндогенных эндорфинов, вырабатываемых мозгом веществ, доставляющих человеку чувство наслаждения.

¹ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984, с. 28—30.

Профессор Симонов приходит к выводу: «Его загадочность (мира.— З. К.) так трудно переносится человеком, что он готов навязать миру мифическое, фантастическое объяснение, лишь бы избавиться от бремени непонимания, даже если это непонимание не грозит человеку какими-либо конкретными бедами: голодом, лишениями, опасностью для жизни»¹. Когда же человек постигает законы окружающего его мира, выявляет причинно-следственные связи между вещами и явлениями, рождается наука.

Если наука — стремление победить, освоить непознанное, неизвестное, пока непонятное, то религия — способ приспособления к миру бессильного, угнетенного человеческого сознания. Поэтому в истории человеческой цивилизации возвышение науки всегда означало умаление религии и ее влияния, следовательно, рост атеизма. Корень конфронтации науки и религии обусловлен именно самой природой этих двух противоположных систем освоения мира. Отсюда — борьба религии против науки, стремление ограничить свободное исследование мира, ввести его в русло жестко очерченных идеалистических рамок, что лишает науку возможности развиваться. С ее становлением выявилась закономерность: чем смелее ученый ориентируется на прогрессивную философию, культуру, тем более важные научные открытия он в состоянии совершить. Достижения античной науки были связаны с тем, что она служила запросам передовых кругов общества, ориентировалась на них. Античность показала нам и то, что служение науке вырабатывает у людей жажду истины и готовность верно служить ей, не бояться авторитетов и ложных кумиров, отстаивать в борьбе полученные данные. Научные знания придавали философам и ученым уверенность в

¹ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность, с. 28—30.

своих силах, внушали чувство собственного достоинства, делали независимыми от общего мнения. Они укрепляли ощущение неподвластности воле богов или во все лишали веры в их существование. Эти качества, как и жажда знаний, вдохновляли на изучение окружающего мира. Они поддерживали их мужество перед лицом смерти по приговору тиранов или толпы.

По преданию, один из первых греческих мудрецов элейский философ Зенон на вопрос тирана Элеи о том, что такое философия, гордо ответил: «Презрение к смерти». За бесстрашные выступления против тирании Зенон был предан мучительной и страшной казни: истолчен в ступе. Символична та часть предания, которая повествует, что казнь Зенона вызвала такой гнев элейцев, что они свергли тирана, чего не решались сделать раньше. Своим мужеством в отстаивании истины Зенон пробудил у сограждан стремление к свободе, чувство собственного достоинства. Ценою жизни заплатил и Сократ за право на собственное мнение и свободное суждение о вещах. Он знал, что ему достаточно раскаяться, пообещать думать как все, и он будет свободен. Но Сократ обратился к согражданам: «Афиныяне... отпустите меня или нет, но поступать иначе я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз».

К подлинным ученым, а их было немало в античности, в полной мере могут быть отнесены известные слова Гегеля о Сократе: «Такие личности не созданы природой, а самостоятельно сделали себя тем, чем они были; они стали тем, чем хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни».

„Все выше, чем человек могуч...“

Мефистофель Гёте, раздумывая над тем, как бы запустить в свои сети Фауста, выбирает следующий путь:

Лишь презирай свой ум да знанья светлый луч, —
Все высшее, чем человек могуч...
Тогда ты мой, без дальних слов!

Именно отказ человека от таких подлинно человеческих качеств, как ум и знания, отдаст его в руки дьявола, то есть глупости, невежества, слепого страха. Но прошли долгие столетия развития человеческой цивилизации, прежде чем сформировалось такое понимание качеств и достоинств личности. И формировалось оно в упорной борьбе с религиозными взглядами.

В ходе общественного прогресса происходит все большее утверждение ценности личности, ее возможности, независимости и суверенности.

Впервые в истории цивилизации человек получил возможность почувствовать себя личностью (это относилось только к свободным мужчинам) в античной Греции — общественная практика нуждалась во всемерном раскрытии индивидуальных способностей человека. В древних цивилизациях (например, Вавилон, Египет) человек требовался не как личность с ее индивидуальными качествами, а как исполнитель социальной роли. Эта роль определялась сословной или кастовой принадлежностью — писец, жрец, крестьянин... В массе своей личность не могла сформироваться в таких условиях в нечто неповторимое, индивидуальное, что, собственно, и является для нее определяющим.

Греческая философия впервые выдвинула проблему «человек — общество», поставив вопросы о том, что такое человек, что может и что должен он делать для общества, какова его роль в нем. Сама философия Эллады была ярким явлением, ее расцвет во многом определяли античные философы с их умом и характером, теориями и мнениями. В философии Эллады становление независимого от воли богов, самостоятельного в своем индивидуальном развитии человека вступало в конфликт с представлениями религиозно-мифологиче-

ского мышления о человеке. Эти представления рисовали человека бессильным перед волей богов, обязанным с покорностью принимать свою участь. Религиозное миропонимание нашло отражение во многих произведениях греческого искусства. Образно выразил его Эсхил в трагедии «Орестея»:

Благостно небесное насилие,
Руль миров держащее в руке.

Мы уже говорили, что философ V века до н. э. Протагор провозгласил человека «мерой всех вещей». Сократ вообще ограничивал предмет философии только человеком, объявив лишь его объектом философского познания и размышления. Сократ не был ни материалистом, ни атеистом, но люди рассматривались им как независимое от богов явление бытия, самостоятельный предмет изучения. Он говорил, что возможности человека зависят не от воли богов, а находятся во власти самих людей. Этим он выводил жизненный путь человека из-под влияния небес, мыслил его зависящим от самого человека.

Важнейшим инструментом совершенствования человека древние греки считали знания, которые расширяли видение, кругозор, избавляли людей от невежества, ограниченности, обогащали духовный мир. Античные философы были убеждены, что знания могут сделать человека доброжелательнее, гуманнее, заботливее к ближним, и жизнь общества улучшится в целом. Эпикур говорил: «Изучение природы создает не хвастливых и велеречивых и выставляющих напоказ образование, предмет соперничества в глазах толпы, но людей смелых... гордящихся своими личными благами, а не благами, которые им даны обстоятельствами».

Человек, вооруженный знаниями, сознающий свои возможности, не мог не восстать против идеи о всемо-

гуществе богов. Это образно выразил тот же Эпикур: «Глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить».

***„Чудотворны бывают
в истории мгновенья“***

Атеистическую направленность общественного прогресса можно проследить и на примере более близкого нам, чем античность, времени европейского Возрождения. Эта сложная, богатая событиями эпоха охватывает период с XIV века до начала XVII. Он отмечен динамизмом экономического и политического развития, бурным ходом общественного прогресса. В долгой и кровавой борьбе Возрождение победило средневековье, пришло ему на смену.

Средневековье в Европе — время полного господства католической церкви во всех сферах жизни. Оно ознаменовано жестоким преследованием свободного мышления и научного познания, установлением полного контроля церкви над воспитанием и образованием, над умами и душами людей в интересах правящих классов и самой церкви — крупнейшего в ту пору феодала Европы. Философии было запрещено заниматься изучением природы, под гнетом церкви она выродилась в схоластику — религиозную философию, содержанием которой являлись абстрактные богословские рассуждения. Характеризуя схоластику, Герцен отмечал, что более всего она боялась самобытности мысли. Такое вырождение философии объяснялось «социальным заказом» феодализма, его страхом перед всем, что могло угрожать неподвижности и застойности феодального строя.

Экономика феодализма, на которой держалось средневековье, характеризовалась господством натурально-

го хозяйства, слабым развитием ремесел, торговли, денежного обмена. Подобная экономика — мы видели это на примере Древнего Египта — не нуждалась в развитии знания и науки, не испытывала потребности в философии. Мир феодальных привилегий, религиозных фанатизма и аскетизма, насаждавшихся церковью, держался на жестоком преследовании всякого инакомыслия. Его видели во всем: в размышлениях над природой и бытием, в опытном изучении природы, в выступлении против общего мнения. Все могло стать опасным для существующих устоев. Блистательно феодальные порядки обрисованы Гёте в «Фаусте»:

...Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святые
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдет.
За то им земли государь дает.

Но в XIII—XIV веках в недрах феодального общества Западной Европы формируются буржуазные отношения. Возрождение началось в Италии. Во многом ее развитие той поры напоминает развитие Эллады. Расположенная на побережье юга Европы, Италия являлась посредником в мировой торговле между Востоком и Западом. Генуя и Венеция держали в руках всю заморскую торговлю, росли и богатели. Флоренция стала центром шерстяной промышленности и других ремесел, а также банковского капитала. Экономика пробуждается от спячки, на смену натуральному хозяйству все энергичнее начинает приходить рыночное. Развиваются мореплавание и судостроение. Горожане все успешнее борются против феодалов, междоусобных войн и непомерных налогов, что мешало расцвету ремесел и торговли.

Отстояв независимость в длительной, упорной и кровавой борьбе с феодалами, города, которые К. Маркс

охарактеризовал как «наиболее яркий цветок средневековья», стали местом возникновения движения Возрождения. Для раннего Возрождения (XIV—XV вв.), когда в жестокой идейной схватке со средневеково-религиозными взглядами формируется основа мировоззрения всей эпохи — гуманизм, характерно развитие поэзии, искусства, гуманитарных наук. Они утверждали величие человека, его духовных возможностей. В позднем Возрождении (XVI—начало XVII в.) интенсивнее развивались философия и точные науки, особенно естествознание.

В борьбе против средневеково-религиозного мировоззрения, идеологического оплота феодализма, представители прогрессивной городской культуры использовали великое наследие античности. Оно явилось своего рода отправной точкой для развития культуры Возрождения, предоставив в ее распоряжение философские идеи, систему сложившихся нравственных установок, великие произведения искусства. Среди мрака средневековья, заковавшего жизнь человека в железные рамки религиозных догм, ярким светом вспыхнуло искусство светское, утверждающее красоту и величие человеческого духа. Культура античности, для которой были характерны реальные, земные устремления, светлый, оптимистический взгляд на мир, служила утверждению права человека на счастье, на земные радости. Именно это, в противовес феодально-христианскому мировоззрению, провозглашал гуманизм эпохи Возрождения. В условиях средневековья утверждение ценностей античности являлось открытым вызовом христианскому взгляду на мир, на человека. Недаром в течение долгих веков рукописи и произведения искусства античности уничтожались в католических монастырях, преследовались, находились под запретом. Самый дух античности с ее гимном человеческому разуму был враждебен средневековью и христианству.

Впервые Европа получила доступ к ценностям античной культуры в ходе крестовых походов, проходивших в XI—XIII веках. Ряд походов был направлен против цветущих арабских халифатов Ближнего Востока под предлогом «освобождения гроба господня от неверных» (мусульман) в Иерусалиме. Халифаты располагались на месте бывших провинций Римской империи, и античная культура, многое от которой еще сохранилось, была здесь в большой чести. Христианские крестоносцы сожгли и уничтожили немало бесценных сокровищ древности, но среди награбленного и привезенного в Европу имущества оказались и рукописи античности, и предметы греческого и римского искусства. Один из крестовых походов (всего их состоялось восемь) был направлен против торгового соперника папства — христианской православной Византии (1204). Из Византии (бывшего Константинополя, столицы Восточной Римской империи с 395 года), которая была разграблена и сожжена, в Европу попало много произведений античной культуры. Огромный интерес к ценностям античности вспыхнул в первую очередь среди прогрессивных кругов Италии. Энгельс писал о роли обретенной античной культуры в борьбе против средневековья: «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья...»¹

Новый взгляд на личность, являвшийся открытой идеологической оппозицией христианскому мировоззрению и позиции церкви, был продиктован ходом общественного прогресса. В возникавшем буржуазном обществе перед человеком открывались широкие перспективы. В мире деловых отношений в экономике, в кон-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 345—346.

курентной борьбе за прибыли, доходы все зависело не от сословного происхождения человека, как при феодализме, а от личных качеств купца и предпринимателя. Успех определялся умом, знанием дела, предприимчивостью. Бурная политическая борьба между городами и феодалами, между буржуазными верхами и низами — мелкими подмастерьями, наемными рабочими внутри городов определяла потребность в развитии ораторского искусства, без которого было немыслимо увлечь за собой людей. Складывается светская интеллигенция, пришедшая на смену церковно-монашеской и принимающая самое активное участие в политической борьбе. Слово — устное, письменное, позднее печатное — становится, как некогда в публичных диспутах античности, могучим оружием политической борьбы. Это вызывает расцвет общественной мысли, гуманитарных наук, литературы.

Экономический и политический подъем сопровождался бурным расцветом искусства. Одна только Флоренция явила миру Данте, Петрарку, Боккаччо, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Макиавелли и еще многих других великих и менее великих. Стефан Цвейг писал: «Чудотворны бывают в истории мгновенья, когда гений отдельного человека вступает в союз с гением эпохи, когда отдельная личность проникается творческим томлением своего времени». Эпоха Возрождения и стала таким чудотворным мгновением истории. Ее «спрос» на личность породил людей, которых Ф. Энгельс характеризовал как титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Деятельность их подрывала господство религиозного мировоззрения, роль церкви и духовенства, против феодальных привилегий и всеобъемлющей власти которых они нередко открыто вступали в борьбу, как, например, Данте или Макиавелли. «Герои того времени... — писал Энгельс, — почти все живут в самой гуще интересов сво-

его времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми»¹.

Одним из самых ранних и ярких примеров идеологической оппозиции религиозно-аскетическому фанатизму, церкви, духовенству, феодальным порядкам, ими освящавшимся, является творчество великого итальянского гуманиста Джованни Боккаччо (1313—1375). Для него, как и для многих его современников, характерен новый, гуманистический подход к действительности. Боккаччо был неутомимым исследователем и пропагандистом античной культуры, прекрасно владел греческим языком. Свыше 20 лет он работал над сочинением «Генеалогия богов», где изложил греческие мифы о богах и героях, стремясь раскрыть реальную основу мифов, видя в них отражение явлений природы, бессилие людей перед этими явлениями или просто какие-либо житейские истории. Так, трактуя греческий миф о Тифее, могучем огнедышащем существе, Боккаччо видит в нем фантастическое отражение вулканических сил, вызывающих землетрясения.

И конечно, против феодальных порядков и христианских взглядов на мир и человека, против католической церкви и духовенства был направлен знаменитый «Декамерон». Боккаччо написал это произведение в форме новелл, которые рассказывают друг другу молодые люди, удалившиеся в загородное имение от эпидемии чумы, свирепствовавшей во Флоренции в 1348 году. «Декамерон» славит жизнь, любовь, умение наслаждаться радостями земной действительности, которые он воспекает. Книга глубоко демократична, потому что проповедует равенство людей независимо от их проис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 347.

хождения, ее герои — не только аристократы, но и купцы, крестьяне, ремесленники. В книге бесконечно варьируется мысль о том, что достоин называться знатным лишь тот, кто благороден в своих поступках, а не просто знатен от рождения, что право на счастье имеют все люди, какого бы сословия они ни были.

Разоблачение и сатирическое осмеяние католического духовенства, протест против господства церкви и духовенства, их удушающего контроля над всеми сферами жизни, направленный на ослабление этого всевластия, пронизывают произведение. Изрядно достается в нем и самому папскому двору. Вот отрывок из новеллы первого дня рассказов. Благочестивый еврей посетил двор папы в Риме: «Я не видел там ни в одном клирике ни святости, ни благочестия, ни добрых дел... а любострастие, обжорство, любостяжание, обман, зависть, гордыня и тому подобные и худшие пороки (если может быть что-либо хуже этого) показались мне в такой чести у всех, что Рим представился мне местом скорее дьявольских, чем божьих начинаний». Боккаччо видит вину монахов и священников не в том, что они пользуются земными благами, а в том, что их дела противоречат словам, что они лицемерят и ханжествуют, а главное — насаждают несовместимые с земными устремлениями людей аскетические идеалы. Но ведь эти идеалы провозглашены самим учением христианства, в котором призыв к аскетизму, убиению плоти, отказу от земных радостей занимает важнейшее место!

Гуманисты, выступая против католицизма как основного идеологического оплота феодального мира, подвергли церковь и папство яростному обличению. Блестящий представитель итальянского гуманизма Леонардо Бруни (1369—1444), переводчик Платона, Аристотеля, Гомера, в памфлете «Против лицемеров», обличавшем монашество, писал, что «длинные хламы» и «огромные капюшоны» монахи изобрели только для того,

чтобы «прятать под ними свои бесконечные пороки»: Сапожник из Нюрнберга Ганс Сакс (1496—1576), германский гуманист и талантливый поэт, автор нескольких тысяч стихотворений, поэм, поговорок, сказок, тоже не обошел духовенство молчанием:

Толпа церковников жадна.
Привыкнув грабить издавна,
Живя бессовестным обманом,
Церковник ловко лжет мирянам:
За мощи выдав зуб быка,
Он им притронется слегка
К болящему — и дань сберет...
Страдает от попов народ...

Одной из самых ярких фигур в борьбе против католицизма был другой германский гуманист Ульрих фон Гуттен (1488—1523). Родившийся в бедной рыцарской семье, в шестнадцать лет фон Гуттен сбежал из монастырской школы и сделался бродячим поэтом-сатириком. Вся жизнь он руководствовался девизом «Напролом!». Фон Гуттен был одним из авторов сатиры «Письма темных людей», написанной кружком гуманистов в Эрфурте и язвительно высмеивающей тупость и невежество богословов. Как и памфлеты самого фон Гуттена, это произведение наносило серьезные удары по католическому богословию, разоблачало его никчемность и бессодержательность. Так, в одном из писем обсуждалось, можно ли в постный день есть яйцо, в котором находится зародыш цыпленка: мясо или не мясо этот зародыш? А съесть сыр, когда в нем черви,— смертный грех или нет?

Досталось папству, монашеству, католическому богословию и в памфлете «Похвальное слово глупости», написанном великим голландским гуманистом Гергардом Гергардсом (1466—1536), вошедшим в историю культуры под именем Эразма Роттердамского. В молодости он провел несколько лет в монастыре и хорошо

знал предмет изображения. Едко и остроумно Эразм высмеял феодальные общественные порядки, схоластику, фанатизм, аскетизм, невежество и мракобесие духовенства. Он писал о монахах: «Они навлекли на себя такую единоклубную ненависть, что даже случайная встреча с монахом почитается за худшую примету, а между тем сами они вполне собою довольны... они уверены, что наивысшее благочестие состоит в воздержании от всех наук, так что лучше даже вовсе не знать грамоты». Богословов и монахов Эразм называл «главной армией глупости», царящей над миром, ее излюбленными избранниками.

Конечно, в раннем Возрождении критика церкви и духовенства носила в основном антиклерикальный (clerical — церковный) характер, но вместе с тем в ряде произведений удар наносился не только по католическому богословию и духовенству, но и по основным установкам и ценностям христианства. Гуманисты подвергали критике главное — христианское прославление мира «горнего», потустороннего, и умаление, уничтожение мира «дольного», земного, его ценностей, его бед и радостей. Они бросали вызов христианскому взгляду на человека, христианской морали с ее аскетизмом и отказом от земных удовольствий. Все это расшатывало устой религиозного мировоззрения в целом, уменьшало его влияние. В раннем Возрождении не происходило сознательного утверждения атеистических ценностей, но в то же время шло их формирование, они возникали и развивались.

В XVI—начале XVII века в связи с потребностями экономики в Западной Европе усиленно развиваются науки, в первую очередь естествознание. Но получению точных знаний о природе препятствовала теперь не только католическая, но и протестантская церковь. Протестантизм — буржуазное направление христианства, под религиозными лозунгами которого шли выступле-

ния против феодализма и католицизма. Поскольку оформившейся светской идеологии в Европе еще не существовало, политические и социальные движения проходили в рамках религиозных требований, под которыми крылись политические и экономические интересы различных классов и групп. В ходе Реформации — широкого антикатолического движения XVI века — протестантизм победил в значительной части Германии, в Англии, Швейцарии, Голландии и других странах. Формальной датой возникновения протестантизма считается 1517 год, когда один из его основателей — Мартин Лютер (1483—1546) призвал немецкий народ ко всеобщей борьбе против папства. Учение протестантизма освятило требования буржуазии на дешевую и простую церковь, что отвечало интересам бюргерства. Как католическая, так и протестантская церкви отстаивали твердую схему представлений о природе, основанную на Библии и на приспособленном к христианству учении великого греческого философа Аристотеля.

Оба течения христианства считали Землю центром Вселенной и опирались на учение греческого астронома Птолемея о том, что все небесные тела обращаются вокруг Земли. Церковь и духовенство обоих течений, боясь умаления безраздельного господства религиозных воззрений и опровержения хоть одного из них, что могло породить сомнение в непререкаемости «божественных истин», отчаянно боролись против опытного изучения природы. Оно расценивалось как колебание в вере, недоверие библейской картине мира.

Развитие экономики, однако, вело к накоплению новых наблюдений над природой, рос опыт мастеров и изобретателей, открывались неведомые прежде земли, все больше опровергалась библейская конструкция мира и все настоятельнее возникала необходимость осмыслить, обобщить, систематизировать то, что давала практика. Рождается общественная потребность в фи-

лософии как общей научной теории. Образно выразил эту потребность Леонардо да Винчи: «Увлекающийся практикой без науки — словно кормчий, вступающий на корабль без руля или компаса... Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории...»

Перед философией стояла задача — дать путеводную нить в опытном изучении природы, найти веские доводы для освобождения этого изучения от контроля религии и церкви, что и было сделано в двух философских системах Возрождения — пантеизме и скептицизме. Пантеизм (его последователем был, например, Джордано Бруно) утверждал, что природа и есть воплощение божественного начала. Тем самым обосновывалось право философов и ученых отставить в сторону бога и изучать саму природу как самостоятельный предмет исследования, имеющий собственные законы. Пантеизм становился, как правило, формой материализма, ибо изучение природы приводило к материалистическим взглядам. Скептицизм, призывавший сомневаться во всем, ничего не принимать на веру, также обосновывал право науки на опытное, экспериментальное изучение природы. Энгельс отмечал, что скептицизм расчищал дорогу для материализма и практического атеизма: «Мы не можем знать,— рассуждают представители этого мировоззрения,— существует ли какой-нибудь бог, если же какой-либо и существует, то всякое общение с нами для него невозможно, а значит нам нужно строить нашу практику так, как будто никакого бога и не существует»¹.

Скептицизм осветил лучом разума, поставил под сомнение и саму веру как не познаваемую опытным путем, в ощущениях. «Все наше познание начинается с ощущений. Мысленные вещи, не прошедшие через ощущение, пусты и не порождают никакой истины, а разве

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 601.

только вымыслы», — размышлял, например, Леонардо да Винчи.

Стремлением раскрыть с помощью опытного познания и разума тайны природы как самоценной сущности проникнуто все позднее Возрождение. Оно передано во многих произведениях искусства. Прочитируем отрывок из сонета Микеланджело:

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, — и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.

Разумеется, как и античность, время Возрождения сложно и противоречиво. Культура Возрождения, учение гуманизма носили элитарный характер, были достоинством общественных верхов. И в высших сферах под тонким налетом буржуазной культуры гнездились грубейшие суеверия, процветали вера в колдовство, астрология, магия. Далеко не все философы стояли на позициях материализма (пусть и ограниченного, стихийного, наивного), а тем более сознательного атеизма. Народные же массы, жившие в нищете и бесправии, в своем подавляющем большинстве продолжали оставаться во власти невежества и религии.

Именно в эту пору усилилась борьба с феодально-церковной идеологией, с религиозным мировоззрением, как таковым. Гуманизм по сути своей был направлен против мракобесия и невежества, одним из столпов которого является религия. «Невежество — лучшая в мире наука, она дается без труда и не печалит душу!» — язвительно-саркастически нападал на веру Джордано Бруно. К произведениям и личности этого гениального человека — философа и мыслителя Возрождения, астронома, поэта, математика, драматурга — мы не раз будем обращаться на страницах этой книги, само название которой — строка из его стихотворения.

Джордано Бруно родился в 1548 году в маленьком городке Нола под Неаполем и окончил свою жизнь в 1600 году в Риме после семи лет заключения, пыток и истязаний на костре инквизиции. Он навсегда вошел в историю как непримиримый борец за истину, за торжество науки, как бесстрашный воитель против глупости, ханжества, подлости. Величие его духа, мужество волнуют, потрясают и сегодня. Как и другие его современники, Бруно видел в религии врага разума, прислужницу глупости, силу, приносящую несчастье человечеству. Пародируя в одном из памфлетов поучения, с которыми христианство обращается к своим ревностным приверженцам, он с иронией и сарказмом вскрывает самую суть религиозной веры: «Бегите от вашего зла и найдите ваше благо, изгоните гибельную гордыню сердца, погрузитесь в нищету духа, принизьте мысль, откажитесь от разума, погасите жгучий свет ума... бегите от всех степеней знания, которые только увеличивают ваши горести, отрекитесь от всякого смысла, станьте пленниками святой веры».

Бруно писал эти строки в протестантской Англии, куда бежал от преследований католической инквизиции (в тот раз это ему удалось), после унижительного и страшного судилища над ним в протестантской консistorии в Женеве. Его судили за смелые мысли о природе и человеке, за выступления против тех, кто мнил себя учеными, оставаясь «пленниками святой веры», «бежал от знания», «гасил свет ума». Бруно имел полное право сказать, что вера — гасительница разума, что она враждебна человеку, его силе, его вере в себя, его жажде познания. Он был одним из первых среди тех «титанов духа», как сказал Энгельс, которые прокладывали дорогу новому, боролись с прошлым, его мертвой неподвижностью, с его давившими все думающее и живое традициями и общим мнением, с духовной авторитарностью религии и церкви.

„Настала эпоха переделывания“

Пересмотр традиционных установок и догм мышления, освященных в религиозном мировоззрении, был характерной чертой эпохи Возрождения. Он приводил к отрицанию ряда религиозных ценностей, уменьшению влияния других, к развитию атеистических представлений.

Христианство в Западной Европе в пору средневековья являлось столпом консерватизма во всех сферах жизни. Всей мощью своей организации оно обрушивалось на тех, кто осмеливался сомневаться в каких-либо религиозных установлениях и вытекавших из них норм поведения и мышления. Оно учило, что «божественные» истины непостижимы разумом, «надразумны», постигаются только верой. «Верую, потому что нелепо» (*Credo, quia absurdum*), — провозгласил в IV веке христианский богослов Тертуллиан. Английский поэт XVII века Джон Драйден так переложил его изречение на язык поэзии:

Бог так установил: чтоб верили тому,
Что недоступно чувству и уму.

Общее мнение и церковь в средние века поддерживали самые нелепые предрассудки и суеверия, существование которых стоило жизни сотням тысяч людей и животных. Например, возможность отношений женщин с «нечистой силой» в принципе считалась аксиомой, не требовавшей доказательств. Еще в XVI и даже XVII веках пылали костры инквизиции, на которых сжигали женщин, обвиненных в колдовстве и в сношениях с дьяволом. В германском городе Марбурге, когда там учился Ломоносов, существовал «ручей еретиков», куда бросали пепел сожженных на кострах «святой службы». В бессмертном романе Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле» мать Неле Катлина была обвинена в колдовстве только на том основании, что корова, которую она лечила, умерла. Это полностью соответствова-

ло тому, что происходило в жизни средневековой Европы. Обвиненных подвергали жесточайшим пыткам (в романе де Костера Катлина сошла от них с ума). Устраивались массовые кошачьи аутодафе (публичные казни обвиненных в ереси или колдовстве), казнили по обвинению в сношениях с нечистой силой коров, лошадей, собак. Доносы и обвинения в ереси (кстати, половина имущества осужденного передавалась в качестве награды доносчику, так что их всегда хватало), пытки и казни, костры и виселицы, угрожавшие представителям всех слоев, имели целью запугать людей, чтобы никто и не помышлял о пересмотре существующих образа мыслей и правления. Это было главной задачей. Недаром, определяя для папских посланников отношение церкви к ереси, известный болонский юрист (XIV в.) Ольдорано да Понта дал им такое «руководство к действию»: «Еретик тот, кто создает или усваивает новое мнение».

По мере развития буржуазных отношений в недрах феодального общества общественные потребности в пересмотре устоявшихся истин, в открытии новых оказались столь велики, что инквизиция и «здравый рассудок» были бессильны. Защитники «общепринятого» преследовали и травили новое. Это испытали на себе почти все выдающиеся философы и мыслители Возрождения. Джордано Бруно, в конце концов выданный инквизиции одним из ее «верных сынов», как именовал себя доносчик, писал: «Если бы владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания. Но я измеряю поле природы, стараюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исследую навыки интеллекта — вот почему, кто на меня смотрит, тот угрожает мне, кто наблюдает за мной — нападает на меня, кто догоняет — кусает меня, кто меня хватает — пожирает меня, и это не один или немногие, но многие и почти все».

Неудержимый процесс переоценки ценностей шел, однако, своим путем. Как точно заметил Герцен, «после тысячелетнего беспокойного сна человечество собрало новые силы на новый подвиг мысли; в XV в. пробуждаются иные требования, тянет утренним воздухом. Настала эпоха переделывания». Философы и мыслители начали наступление на философскую базу католицизма (а позднее и протестантизма) — на «не подлежащий критике», «вечный», «неизменный» аристотелизм. Средневековый латинский текст Аристотеля, который был возведен в ранг «непогрешимой истины», является не столько переводом подлинного Аристотеля, сколько переделкой его, приспособленной к нуждам богословия. Когда Леонардо Бруни впервые дал точный перевод Аристотеля, то ему пришлось выдержать многочисленные нападки со стороны богословов.

Пересмотру «вечных истин» христианства способствовали, прежде всего, полученные новые знания. Например, средневековые представления, существовавшие в соответствии с данными Аристотеля о том, что на экваторе и ниже нет людей, были опровергнуты экспедициями Магеллана, Колумба и других мореплавателей. Один из видных философов Возрождения Пьетро Помпонаци (1462—1524), читавший студентам лекции в университете, узнав из письма спутника Магеллана о существовании людей на экваторе, тотчас же дал студентам такие комментарии к письму: «Стало быть, то, что... говорит Аристотель,— чепуха».

Переоценка ценностей в эпоху Возрождения затронула все сферы жизни: философские вопросы, политику, мораль, религию. Стремление переосмыслить сложившиеся мнения, жажда понять сущее во всей его сложности, противоречивости пронизывали и искусство. Эти мотивы уже можно найти в лирике одного из первых итальянских гуманистов Франческо Петрарки (1304—1374):

И мира нет — и нет нигде врагов;
Страшусь — надеюсь, стыну — и пылаю;
В пыли влачусь — и в небесах витаю;
Всем в мире чужд — и мир обнять готов.

Тяга к свободному мышлению и необходимость в силу этого отбросить догмы общего мнения, переосмыслить их стали одним из залогов развития науки. Джордано Бруно считал этот вызов общему мнению одним из важнейших моментов в получении знания: «...пусть удалится от меня привычка к вере и установлениям властей и предков и даже то общее мнение, которое (о чем я сам могу свидетельствовать) многожды и разнообразно сбивает нас с толку и вводит в заблуждение, чтобы никогда в философии я не высказывался необдуманно и безрассудно, но в равной мере подвергал сомнению и то, что считается бессмысленным и нелепым, и то, что принимают как твердо установленное и очевиднейшее... низко думать чужим умом; продажно, раболепно и недостойно человеческой свободы — покоряться; глупо верить по обычаю; бессмысленно соглашаться с мнением толпы».

Великий немецкий ученый Иоганн Кеплер (1571—1630), астроном, механик, физик, как великое достоинство отметил в Копернике именно ту способность к переосмыслению общепринятых истин, которая привела к «коперниканской революции» в науке: «Коперник—человек высшего гения, и, что в этих вопросах особенно важно, свободного мышления». А уж Кеплер на собственном опыте испытал, какую угрозу со стороны толпы и церкви несет стремление к свободному мышлению. Он выступал защитником своей матери, которую обвиняли в колдовстве, что подрывало его положение, бросало тень на репутацию. Кеплер сумел, что было большой редкостью, выиграть этот процесс, но сколько сил это отняло, сколько времени страшная угроза жесточайшей казни матери висела над ним!

Настоящим ученым приходилось воевать и против схоластов, занимавших прочные позиции в официальной науке. Схоластика предписывала науке лишь богопознание и тем душила ее ростки. «Схоластическая философия поставляла обществу в изобилии начетчиков и педантов, „унылых наборщиков здравого смысла“... мысль которых пульсировала четко, как часовой механизм, и ритмично вращалась по циферблату строго отработанных догматов — все на одном месте»¹. Творческое бесплодие тех, кто послушно следовал духовному диктату религиозных догм и церкви, легко объяснимо.

Для ученого чрезвычайно важно, на базе каких — материалистических или идеалистических — философских концепций он стоит, каких результатов ожидает от своей работы, в рамках какого мировоззрения собирается интерпретировать данные, полученные в ходе изучения природы. Многие ученые и до Коперника наблюдали ход небесных светил, но не осмеливались усомниться в истинах Библии и церкви, провозглашавших движение солнца вокруг земли. А «наборщиков здравого смысла» всегда хватало, и они мнили себя учеными. Говоря о современных ему философах-схоластах, Леонардо да Винчи горько констатировал: «Они расхаживают, чванные и напыщенные, разряженные и разукрашенные не своими, но чужими трудами, а в моих мне же самому отказывают». Но он отдал им должное: «А если меня, изобретателя, презирают, насколько же более должны быть порицаемы сами — не изобретатели, а трубачи и пересказчики чужих произведений!»

В 1610 году — уже в XVII веке! — Галилео Галилей пишет своему другу Иоганну Кеплеру из Пизы, грустно иронизируя по поводу господства обывательских представлений в ученых кругах: «Посмеемся, мой Кеплер,

¹ Волков Г. У колыбели науки. М., 1971, с. 12.

великой глупости людской. Что сказать о первых философах здешней гимназии, которые с каким-то упорством аспиды, несмотря на тысячекратные приглашения, не желают даже взглянуть ни на планеты, ни на луну в мой телескоп. Поистине, как у аспиды нет ушей, так закрыты и у этих философов глаза для света истины. Удивительно, но меня это не удивило. Этот род людей думает, что наука — книга вроде «Энеиды» или «Одиссеи» и что истину надо искать не в мире, не в природе, а в сличении текстов». Борьба, которую повели ученые во всеоружии вновь добытых научных данных против общего мнения, религиозных представлений, способствовала росту научных знаний.

Коперник, Галилей, Кеплер, Бруно разрушили казавшуюся раз навсегда установленной христианскую картину Вселенной. Вышли работы А. Везалия, М. Серветта, А. Чезальпино (Цезальпино) о строении человека, системе его кровообращения. Немецкий минералог Георг Агрикола в 1528 году опубликовал труд о минералах, выпускались работы ботаников, изучавших свойства растений, зоологов, занимавшихся познанием животного мира. Шло систематическое научное освоение мира, и оно, как и пересмотр отношения к личности, опрокидывало «вечные» истины церковного учения, его взгляды на мир и человека, способствовало становлению научно-материалистических и атеистических воззрений.

„Разум — вот вождь правильной воли...“

Культура Возрождения выступила с настоящим гимном человеческому разуму. Великий английский ученый XIII века Роджер Бэкон, намного опередивший свое время, в пору гонений на разум со стороны правящих классов и католической церкви посвятил ему востор-

женные строки: «Разум — вот вождь правильной воли; он направляет ее к спасению. Чтобы делать добро, надо его знать; чтобы избегать зла, надо его различать. Пока длится невежество, человек не находит средств против зла... Нет ничего достойнее изучения мудрости, прогоняющей мрак невежества — от этого зависит благосостояние всего мира». Эти слова были брошены церковным авторитетам, утверждавшим, что церковь точно знает, что такое добро и зло, рекомендовавшим по всем вопросам бытия обращаться только к ней. Эти слова были адресованы невежественному и алчному духовенству, неутомимому в гонении на разум.

Особенно настойчиво звучало требование осмыслить явления природы, Вселенную. «Судить и отдавать отчет об отсутствующих вещах и отдаленных от нас как во времени, так и пространстве, должен разум», — заявлял Бруно. Он обличал бессодержательные ответы, которые давала на эти вопросы схоластика:

Что же — я жажду узнать — лежит за пределами неба?
Смысла лишенная речь софиста звучит мне ответом:
Вечное там божество, бесконечно блаженная сущность,
Самодовлеющий ум, извне управляющий миром.

Бруно не принимает этого ответа, так как такой ответ — типичное принятие на веру «истин откровения». «Так отвечает мудрец, из философа ставший пророком», — говорит Бруно и утверждает: «Умственная сила никогда не успокоится, никогда не остановится на познанной истине, но всегда будет идти вперед и дальше, к непознанной истине».

Требование осмыслить разумом явления природы выдвигал и Леонардо да Винчи, высмеивавший учение о «надразумных истинах». Осуждая яростные выступления католической церкви против инакомыслящих, он отмечал, что церковь не в состоянии ответить на вопросы разума и стремится насаждать слепую, нерассуждающую веру: «И поистине всегда там, где недостает

разумных доводов, там их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными». Иронически-пренебрежительно относился Леонардо к методу церкви «найтием» ведать «все тайны». «Найтию» он противопоставлял доводы разума, основанные на опытном исследовании, на знаниях о предмете. Он отвергал суеверия, веру в чудеса, колдовство, столь широко распространенные в ту эпоху, как и все то, что «человеческая мысль неспособна вместить и что не может быть подтверждено никаким примером, почерпнутым из природы».

С рационалистических позиций рассматривал природу Джулио Ванини (1586—1619). В дошедшем до нас произведении с символическим названием «Об удивительных тайнах природы, царицы и богини смертных» Ванини отрицал акт «божественного творения» природы, бессмертие души, божественность Христа, влияние божественного «промысла» на жизнь людей. Он давал рационалистическое толкование чудесам, описанным в Библии, как природным естественным явлениям, суеверно истолкованным невежественными людьми, которые полны страха перед всем непонятным.

Не только Бруно, Ванини, но и многие другие ученые и философы отвергали или, по крайней мере, подвергали сомнению самый акт «божественного творения» земли, людей, животных. Среди тех, кто с рационалистических позиций размышлял над этой проблемой, был и представитель философии пантеизма Пьер Анджело Мандзолли, автор недостаточно у нас известный. В 1534 году он опубликовал под псевдонимом философскую поэму «Зодиак жизни». В Италии она была сразу же занесена в список запрещенных книг, считавшихся особо опасными для католицизма. Но в Европе, особенно во времена Просвещения, поэма издавалась более шестидесяти раз на различных языках. Не сумев при жизни автора, о котором нам известно чрезвычайно мало, раскрыть его псевдоним, инквизиция добралась

до праха Мандзолли, который был вырыт из могилы, сожжен и развеян в наказание за «богохульные деяния».

Мандзолли писал в своей поэме:

Но возражают иные, что мир этот создан был богом
Из ничего, отрицая материи существование
Прежде, чем создан был мир по слову и воле господней.

Он размышляет, пытаясь разумом постичь «творенье», и в своих размышлениях — не очень высокого мнения о могуществе творца:

Ибо зачем не всегда этот мир пребывал? Потому ли,
Что не умел и не мог сотворить его бог? А позднее,
Ставши ученым, сумел научиться искусству творенья?¹

В эпоху Возрождения осмыслению с позиций разума подверглись вопросы общественного развития и политики. Наиболее весомый вклад в это дело внес выдающийся мыслитель, крупный политический деятель Флоренции Никколо Макиавелли. Маркс давал самые высокие оценки Макиавелли и его произведениям. В одном из писем Энгельсу он писал: «...я лучше привезу тебе том Макиавелли. Его история Флоренции, это — шедевр»². Энгельс в свою очередь особо отметил антицерковную направленность этой книги: «Еще Макиавелли в своей «Истории Флоренции» видел в господстве папы источник упадка Италии»³.

Макиавелли, мечтавший о создании единого итальянского государства, в своей знаменитой книге «Государь» (в других переводах — «Князь») излагал идеи и средства создания такого государства, которое он считал лучшей формой политического устройства. Он анализировал и отвергал идею, «будто дела мира направ-

¹ Цит. по кн.: Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980, с. 193.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 29, с. 154.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 13, с. 444.

ляются судьбой и богом, что люди с их умом ничего изменить в этом не могут, а наоборот, в этом совершенно беспомощны». Он доказывал, что история и политика — не «ход вещей», установленный провидением, а та совокупность условий и обстоятельств, в которых человек действует и где он должен разумом оценить эти обстоятельства, суметь в них ориентироваться, противостоять им, если надо — изменять их. Это было открытое отрицание с позиций разума христианской идеи провиденциализма, концепции богоустановленности общественных отношений и порядка.

Рассматривая религию, христианство в частности, с рационалистических позиций, Макиавелли отрицал какое бы то ни было «божественное» происхождение религиозных верований. Он расценивал их как людское изобретение, считая, что религия установлена людьми для обеспечения единства людей и народов. В частности, он считал католицизм основой, на которой должна быть объединена Италия. Но, мудрый политик, он видел, что католицизм, напротив, в своекорыстных интересах стремится к разъединению Италии, и публично критиковал папство. По сей день на сценах многих театров мира идет остросатирическая талантливая пьеса Макиавелли «Мандрагора», где бичуются пороки церкви и духовенства. За эту критику Макиавелли подвергся преследованиям и был изгнан из родной Флоренции.

Гораздо опаснее для христианства в целом, для религии вообще была критика Макиавелли самих основ христианского мировоззрения, моральной программы христианства. Макиавелли отмечал, что христианство не в состоянии выполнять своей регулятивно-объединительной роли, что в христианских странах процветают войны, грабительство, насилие. Он указывал, что виной тому основополагающие принципы христианства: идеи терпения, смирения, покорности, проповеди презрения ко всему мирскому и требования отречения от жизнен-

ных радостей и благ. Они мешают людям создать достойное государственное устройство, ставят под угрозу личную жизнь. «Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное попрание»,— писал он. Макиавелли обращал внимание своих читателей на то, что, направляя дела и помыслы людей на сверхъестественное, потустороннее, заставляя их больше заботиться о мире загробном, христианство парализует ум, волю и энергию человека, которые можно было бы употребить на объединение людей для достижения общего блага, на решение общих целей и задач.

Макиавелли нанес религиозному мировоззрению в Западной Европе незаживающие раны. Он выводил из сферы влияния потусторонних сил общественную жизнь, деятельность людей, утверждал роль человеческого разума.

Многие деятели Возрождения подвергли уничтожающей критике христианство за его глубоко отрицательное воздействие на общественную жизнь, распространяя эту критику нередко на религию вообще. «Нет худшего страха для человека, чем... этот пустой и холодный страх перед богами»,— писал известный итальянский гуманист Дж. Понтано. «Что такое бог?»— спрашивает Джулио Ванини и отвечает с издевкой: «Если бы я это знал, я сам был бы богом, так как никто не знает бога и не знает, что такое бог, кроме самого бога». Ванини считал религию результатом обмана, выгодного правителям, учение о бессмертии души объявлял созданным для того, чтобы с его помощью держать народ в повиновении.

Самым страстным обличителем антигуманной роли религии в эпоху Возрождения был великий поборник разума Джордано из Нолы (под этим именем Филиппо Бруно принял монашеский постриг). Бруно писал в памфлете «Тайна Пегаса»: «Глупцы мира были твор-

цами религии, обрядов, закона, веры, правил жизни; величайшие ослы мира те, что, будучи лишены всякой мысли и знаний, далекие от жизни и цивилизации, загнивают в вечном педантизме, реформируют по милости неба безрассудную испорченную веру, лечат язвы прогнившей религии... Они не относятся к числу тех, кто с безбожным любопытством исследует или когда-либо будет исследовать тайны природы и подсчитывать смены звезд. Смотрите, разве их беспокоят или когда-либо беспокоят скрытые причины вещей? Разве они пощаждают любые государства от распада, народы — от рассеяния? Что им пожары, кровь, развалины и истребление? Пусть из-за них погибнет весь мир, лишь бы спасена была бедная душа, лишь бы воздвигнуто было здание на небесах, лишь бы умножилось сокровище в том блаженном отечестве!»

Бруно прозорливо вскрывал самую сущность веры, обличая религию, а не католицизм или протестантизм. То, что религия принципиально несовместима со свободным исследованием мира, враждебна разуму, во времена Бруно (XVI в.) было особенно наглядно видно на примере протестантизма, который установился в связи с победой буржуазии в ряде стран как религия капиталистического общества. Его вожди основным своим врагом считали разум: он освещал своим лучом социальные язвы и моральные пороки капиталистического строя, звал к размышлениям и недовольству, угрожал устоям победившего капитализма. «Разум — потаскуха дьявола», «Отказываясь от разума, мы приносим богу самую приемлемую жертву», «Разум есть блудница дьявола, только позорящая и оскверняющая то, что говорит и делает бог», — вот только некоторые из высказываний одного из вождей Реформации Мартина Лютера. Именно такому отношению к разуму, свойственному всем течениям христианства, объявили войну деятели Возрождения.

***„И правду точностью явлений
доказал“***

В эпоху Возрождения шло интенсивное освоение и научное изучение окружающей действительности, что приводило к росту материалистических представлений, к материалистическому видению мира. Именно поэтому церковь восставала против опытного, экспериментально-го изучения природы.

В XII веке римский папа Александр III запретил духовенству всякие занятия физикой. В XIII веке руководители ордена доминиканцев (в его ведении находилась организованная в XIII веке инквизиция) запретили своим членам пользоваться методами наблюдения над природой, заниматься опытным ее изучением. Другие монашеские ордена последовали примеру доминиканцев. Единственным источником «истин» и знания должны были оставаться Библия и труды Аристотеля. Образование в ту пору было только церковным, поэтому лишь духовенство могло проводить научные опыты. Такое запрещение лишало ученых в монашеской тоге возможностей заниматься наукой. А такие ученые были.

Монах-францисканец, великий английский ученый XIII века Роджер Бэкон усиленно пропагандировал необходимость экспериментального исследования природы, важность непосредственных наблюдений и ощущений. Он язвительно высмеивал чванливых и невежественных богословов и схоластов, упорно призывал к изучению античных авторов. Будучи человеком правдивым и мужественным, Бэкон не боялся доказывать, что язычники античности по своим моральным качествам были много выше современных ему христиан. А если говорить о вкладе Бэкона в науку, то можно только поражаться мощи человеческого разума! Он предсказал создание летательных аппаратов, внес большой вклад в математику, физику, оптику. Более десяти лет провел Бэкон в застенках монастырской тюрьмы.

Сегодня руководители католической церкви стремятся объяснить жесточайшие преследования ученых в эпоху средневековья и позднее, в годы Возрождения, исключительно религиозным фанатизмом, невежеством духовенства той поры. Ныне Ватикан реабилитировал Джордано Бруно, в 1983 году проводились «Галилеевские торжества», на которых была признана несправедливость обвинения Галилея малообразованным духовенством, не сумевшим, дескать, подняться до величия открытий ученого. На самом деле церковь стремилась задушить науку и живую мысль потому, что они угрожали ее господству и авторитету, подрывали самые основы веры.

«Наука — капитан, и практика — солдаты», — провозгласил Леонардо да Винчи, отстаивая право ученых на опытное познание мира, на обобщение полученных данных в науках, в теории, позволяющей создать целостную картину мира, раскрыть законы его развития.

Как прежде античность, эпоха Возрождения убедительно доказала, что экспериментальное изучение природы ведет к отрицанию религиозного видения мира. Быть может, одним из самых доказательных примеров такой зависимости является пример гениального Леонардо. Предоставим ему слово: «И если мы подвергаем сомнению достоверность всякой ощущаемой вещи, то тем более должны мы подвергать сомнению то, что восстает против ощущений, каковы, например, вопросы о сущности бога, души, и тому подобные». А теперь обратимся к другому свидетельству. Флорентинец Джорджо Вазари, архитектор и живописец XVI века, строитель знаменитого музея Флоренции — галереи Уффици и автор фресок не менее знаменитого палаццо Веккио, пожалуй, более всего прославлен в веках книгой «Жизнеописание». В ней Вазари излагает биографии своих современников, великих художников эпохи Возрождения, в том числе Леонардо да Винчи. Прочитаем вни-

мательно следующие строки из первого издания книги Вазари, посвященные Леонардо: «Занимаясь философией явлений природы, он пытался распознать особые свойства растений и настойчиво наблюдал за круговращением неба, бегом луны и вращением солнца. Вот почему он создал в уме своем еретический взгляд на вещи, не согласный ни с какой религией, предпочитая, по видимому, быть философом, а не христианином»¹. Итак, быть философом, по свидетельству Вазари, значит приходить «к еретическому взгляду на вещи», то есть к сомнениям в вере, к отрицанию ее.

Изучение природы привело к материалистическим и атеистическим воззрениям Джулио Ванини.

Джордано Бруно указывал, что религия по самой своей мировоззренческой сути противостоит изучению природы, науке, знанию. Имея в виду общее отношение христианства к знанию, символом которого могут стать слова Нового завета: «Мудрость мира сего есть безумие перед богом», Бруно писал: «Бог избрал слабое, чтобы сокрушить силы мира, вознес глупое к вершине уважения, так как то, что не могло быть оправдано знанием, защищается святой глупостью и невежеством, и этим осуждается мудрость мудрых и разумение разумных». С точки зрения Бруно, религия и церковь воспитывают в пастве «священную ослиность, святое отупение». И далее он иронизирует в своем памфлете:

Ведь не приносят пользы ни ум, ни обучение,
Бесплоден труд познания, бессильно вдохновенье,
Философов мудрейших бесцельно созерцанье,
И в небеса проникнуть напрасно их старанье...

Воспитанная в «пресвятой глупости, блаженном незнание», паства удивляется:

Любители науки! А вам-то что за горе!
Зачем вы знать стремитесь, каков закон вселенной,

¹ Цит. по кн.: *Зубов В. П.* Леонардо да Винчи. М., 1961, с. 115.

И есть ли в сфере звездной земля, огонь и море?
...вечный мир дарован блаженному покою,
Чем бог нас награждает за гробовой доскою.

Разумеется, далеко не все философы и ученые эпохи Возрождения были последовательны в материалистических и атеистических выводах. Но одно несомненно — изучение природы приводило к материалистическим воззрениям, порождало неверие в бога.

Бернардино Телезио (1509—1588), один из наиболее влиятельных философов той поры, в своем родном городе Козенце близ Неаполя организовал общество по изучению природы — Академию. По образцу ставшей знаменитой телезианской Академии в Италии было создано еще несколько таких обществ, что способствовало освобождению науки от церковных оков. Позднее по распоряжению папы римского Академия была закрыта, над Телезио нависла угроза расправы со стороны инквизиции.

Телезио не был материалистом до конца, он признавал существование бессмертной души, имеющей божественное происхождение, и т. д. Но в своей натурфилософии (Телезио так и озаглавил книгу: «О природе вещей, согласно их собственным принципам») он объявил бога предметом исследования в будущем, вневременном существовании. Главной задачей философ объявил исследование природы, при этом основным источником познания провозгласил опыт, чувственное изучение вещей и предметов. И в результате он лишил богословие права на существование, потому что бог недоступен ощущению, необъясним разумом как явление. Телезио в своих воззрениях вывел бога не только из сферы познания и изучения. Он отказал ему в праве «творца», рассматривая природу как взаимодействие сугубо материальных стихий — тепла и холода, света и темноты и т. д. В их взаимодействии и борьбе видел философ «начало начал» и закономерность существования всех

естественных тел. Телезио и «дух», «душу» понимал как особо тонкую, теплую и подвижную материю.

Возможно, его и других ученых-материалистов эпохи Возрождения имел в виду гениальный поэт и великий натуралист Гёте, когда писал в «Фаусте»:

Природа, дух — таких речей не знают
У христиан. За это ведь сжигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа — грех, а дух есть сатана:
Они лелеют в нас сомнение,
Любимое сил адских порожденье.

Атеистический пафос материалистического видения мира, таким образом, был наглядно продемонстрирован не только античностью, но и временем Возрождения. И, «правду точностью явлений доказав», как писал в своих стихах о науке М. В. Ломоносов, философия и наука эпохи Возрождения привели к опровержению религиозной картины мира, к росту и развитию атеистических взглядов.

„Дорога в космос шла через костер“

Острая конфронтация науки и религии, жестокая идейная схватка между опытным естествознанием и христианской догматикой, между философией и богословием характеризовала всю эпоху Возрождения. В период ожесточенной борьбы между уходящим феодальным и идущим ему на смену буржуазным миром она была особенно жестокой и кровопролитной для науки. Ученые боролись не против католицизма или протестантизма, но против религиозной картины мира, против духовного авторитаризма религии и церкви, деятели же церкви выступали против науки как мировоззрения именно с целью защиты религиозных взглядов.

Забота об удушении науки во времена европейского Возрождения была одной из важнейших для католической церкви. Образование находилось полностью в ее

руках, наукой могло заниматься лишь духовенство. Те, кто, подобно Роджеру Бэкону, Джулио Ванини, Джордано Бруно, горел неукротимой жаждой познания, вынуждены были принимать монашеский постриг, ведь, кроме как в монастыре, припасть к источнику знания было негде. Но церковь, как мы видели, пыталась запретить экспериментальное изучение природы в стенах монастырей. Там строго следили, чтобы живая человеческая мысль не пробилась сквозь схоластические словопрения. И тогда, преследуемые невежественными и подозрительными ко всякому размышлению «братьями», обвиненные в «еретических» настроениях и мыслях, Бруно, Ванини, Кампанелла, многие другие бежали из монастырей.

Католическая церковь неустанно боролась с традициями античного преклонения перед ученостью, перед философией и экспериментальными занятиями наукой, которые еще некоторое время сохранялись среди образованных христиан и после падения античного Рима в V веке. Уже в VI веке римский папа Григорий I, почитаемый католической церковью как один из «столпов» и именуемый «Великим», писал епископу, пытавшемуся разобраться с помощью научных опытов в физических явлениях: «Итак, если вы докажете ясно, что все рассказанное о вас ложно, что вы не занимаетесь вздорными светскими науками, тогда мы будем прославлять господа нашего, который не допустил оскверниться устам вашим богохульственной хвалою такого, о чем нельзя и молвить». Герцен пронизательно подметил: «Какая же действительная наука могла развиваться в этой душной и узкой атмосфере?» И дал ответ: «Одна формалистика — бледный плющ, выросший на тюремной ограде, прозябала в ней... Ученые занятия, в это время, получили характер чисто книжный... кто хотел знать, развертывал книгу, от жизни же и от природы отворачивался».

Если в XIV веке итальянское Возрождение проби- валось сквозь толщу католического мракобесия без тех кровавых жертв инквизиционных процессов, которыми так богаты XV—XVII века, то в этом сыграли свою роль особые исторические обстоятельства. В течение по- чти всего XIV столетия, более 70 лет, римские папы бы- ли пленниками французских королей и жили не в Ри- ме, а во французском городке Авиньоне (так называе- мое Авиньонское пленение пап). Всесилие папства ме- шало становлению абсолютной монархии во Франции, так как церковь поддерживала феодалов в борьбе про- тив королевской власти, и авиньонское пленение озна- чало временное ослабление папства. В этих условиях католическая церковь не могла себе позволить жесто- кие расправы с инакомыслящими, что настроило бы против нее жителей Италии, родины и оплота католи- цизма. Однако и в период своего ослабления католи- цизм оставался врагом философии и науки.

Материалистическая философия Возрождения, став- шая фундаментом научного познания в ту пору, выра- стала вне университетских кафедр с их господством школьной учености и схоластики. Университеты находи- лись под контролем церкви и выполняли «социальный заказ» феодализма и церкви, поддерживая косную бо- гословскую традицию. Сами мыслители Возрождения едко высмеяли и средневековых схоластов, и то, как готовятся в рамках схоластики «ученые мудрецы». Пет- рарка сатирически изобразил процесс присвоения уче- ной степени в средневековом университете: «Наше вре- мя счастливее древности, так как теперь насчитывают не одного, не двух, не семь мудрецов, но в каждом го- роде их, как скотов, целые стада. И неудивительно, что их так много, потому что их делают так легко. В храм доктора приходит глупый юноша, чтобы получить зна- ки мудрости. Он всходит на кафедру и, смотря на всех с высоты, бормочет что-то непонятное... По свершении

этого с кафедры сходит мудрецом тот, кто взошел на нее дураком,— удивительное превращение...

Жажду познания, бесконечное стремление к истине, силу и мужество мысли, уверенность в способностях человека, питаемую развивавшейся наукой, нестигаемость духа продемонстрировали многие философы и ученые Возрождения. Герцен писал: «Это принятие в кровь и плоть своих убеждений придало им их личную мощь, поддержало их в борьбе внешней: гонимые, скитальцы из страны в страну, окруженные опасностями — они не зарыли из благоразумного страха истины, о которой были призваны свидетельствовать, они высказывали ее везде»... Ничто не могло сломить воли и мужества Джордано Бруно. Под угрозой жесточайшей расправы с ним католической и протестантской церкви он создает ряд острейших памфлетов, которые убийственно метко обличали «ученое незнание» схоластов, религию, пропагандировали учение Коперника, идеи о множественности и материальности миров. Бруно не признавал преград в борьбе против глупости, невежества, устоявшихся истин и их защитников — религии и церкви. Пародируя рассуждения теологов и церковных проповедников, он раскрывает вражду христианства к мысли, к философии и науке: «Нет средства, которое более действенно низвергало бы нас в глубь адской пучины, чем философические и рациональные созерцания, рождающиеся из ощущений, растущие со способностью человека к рассуждению и созревающие в уме человека».

Итак, старайтесь сделаться ослами вы, которые еще являетесь людьми! А вы, ставшие уже ослами... приспособляйтесь действовать все лучше и лучше, чтобы достигнуть тех пределов, тех достоинств, которые приобретаются не знанием и делами, сколь угодно великими, но верою, теряются же не вследствие невежества и дурных дел... но... вследствие неверия».

Великое мужество требовалось, чтобы во всеуслышание заявить в пору полного господства религиозного мировоззрения и засилия церкви и духовенства в Европе, в самый разгар свирепой деятельности «священного трибунала», инквизиции, что религия делает человека «ослом», стремясь лишить его способности к рассуждению и собственного мнения. Такое же мужество проявил Бруно, когда позднее был выдан предателем инквизиции. Он не отрекся от своих взглядов и после зачитания ему смертного приговора о сожжении на костре заявил судьям: «Вы с бóльшим страхом объявляете мне приговор, чем я выслушиваю его!»

За пропаганду атеистических воззрений был казнен в Тулузе Джулио Ванини, младший современник Бруно. В самой известной своей книге «Амфитеатр» Ванини говорил, например, что бог или не хочет устранить зло или не может; второе положение подтверждает доводы атеистов, первое делает бога источником зла. Ванини, так же как и Бруно, бежал от преследований итальянской инквизиции, вел скитальческую и полную лишений жизнь, деятельно боролся со схоластикой и религиозным мировоззрением. По преданию, выслушав приговор инквизиции, Ванини заявил своим палачам: «Не существует ни бога, ни черта! Но если бы бог существовал, я молил бы его о том, чтобы он метнул молнию в этот несправедный и мерзкий парламент. А если бы существовал дьявол, я молился бы ему, чтобы он проглотил это судилище. Но я этого не делаю, потому что ни бога, ни черта нет».

Католическая церковь, угрожая пытками и кострами, стремилась удушить всякую свободную дискуссию, выжечь ту атмосферу, в которой мысль могла бы родиться, пыталась прервать само ее течение и развитие, передачу слушателям и читателям. В 1559 году появился первый список запрещенных книг — «Index prohibitorum» (затем такие списки издавались систематиче-

ски). В него вошли лучшие произведения человеческой мысли, более 8 тысяч книг, в том числе произведения Алигьери Данте и Джованни Боккаччо, Франсуа Рабле и Ульриха фон Гуттена, Эразма Роттердамского и Никколо Макиавелли, Поджо Брачолини и Бонавантюра Деперье и многих других.

Против самой мысли, против разума яростно боролись и руководители протестантизма. Эразм Роттердамский метко заметил в 1530 году: «Науки умерли везде, где установилось лютеранство». Почувствовав, что научное знание становится суверенным, уходит из-под контроля религии, деятели протестантизма в преследовании науки присоединились к своим «смертным врагам» — католическим собратьям. Лютер с пеной у рта нападал на учение Коперника: «Этот глупец пытается пересмотреть всю науку астрономии, но Священное писание говорит нам, что Иисус Навин приказал остановиться солнцу, а не земле». Ему вторил другой протестантский богослов Жан Кальвин: «Кто отважится поставить авторитет Коперника выше авторитета святого духа?» Слова Кальвина отдавали не пустой угрозой. Возглавляя магистрат Женевы в течение долгих лет, он сделал все, чтобы убить мысль и рассуждение. Формально протестантской инквизиции не существовало, но в Женеве ее функции с успехом исполняла протестантская консистория. По приказанию Кальвина на медленном огне в Женеве был сожжен спасавшийся от преследований католической инквизиции испанский прогрессивный мыслитель и ученый Мигель Сервет, высказавший идею существования малого круга кровообращения. Он был не единственной жертвой протестантских костров. Энгельс имел все основания сказать, что «протестанты перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения природы»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 347.

В протестантской Женеве статут университета запрещал малейшее отклонение от той же доктрины Аристотеля, на которой покоилась философия католицизма. Правила ведения диспутов в Женевском университете устанавливали: выступающие должны «воздерживаться от ложных учений, опасных умствований, суетного любопытства и трактовать предмет спора благочестиво и религиозно». И в протестантской Англии, где в 1583 году в знаменитом Оксфордском университете недолго читал лекции Джордано Бруно, специальный декрет обязывал лектора следовать традиции и Аристотелю. За нападки на его учение был установлен специальный денежный штраф. Бруно лишили права преподавать в Оксфорде именно за свержение установленных «идолов» аристотелизма, за смелость мысли, за нападки на «богооткровение».

Вопросы устройства и функционирования общества стали все больше занимать набиравшую силы материалистическую философию. К. Маркс отмечал: «Философия сделала в политике то же, что физика, математика, медицина и всякая другая наука сделали в своей области... центр тяжести государства был найден в нем самом... Макиавелли, Кампанелла... стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии. Они следовали примеру Коперника, которого несколько не смущало то обстоятельство, что Иисус Навин велел остановиться солнцу в Гедеоне и луне — в долине Аялонской»¹.

Смелый, свободный дух исследования грозил пересмотром социальной роли религии в обществе, поэтому духовенство так отчаянно боролось против науки, пытаясь остановить ее развитие. Достижения естествознания привели к отрицанию учения Аристотеля о принципах

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 111.

альной разнице небесной и земной субстанций. Тем самым была отвергнута философская база, на основе которой христианство противопоставляло «нетленную» душу и «бренное» тело, мир «дольний» и мир «горний». Но ведь именно это противопоставление освящало и утверждало социальную практику эксплуататорского строя, делающую религию необходимой массам в качестве утешительницы в земной «юдоли слез». Идея об угодности страданий на земле богу, который «отплатит» за них в небесных высях «райским блаженством», делала религию и церковь мощнейшим регулятором общественных отношений.

Астрономическое учение Коперника, его последователей оказывалось направленным против основ религиозного учения, против роли религии и церкви, подрывало их могущество, грозило авторитету и влиянию. «Коперниканская революция», нанеся удар по религиозной картине мира и дав мощный импульс развитию естественных и общественных наук, открыла широкий путь для развития материалистических и атеистических воззрений на природу, общество, религию как форму общественного сознания. Она зажгла сотни молодых умов верой в безграничные возможности науки, в способность людей познать разумом и свое бытие, и всю Вселенную. Этот восторг познания неведомого замечательно выразил Джордано Бруно:

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?
Века ль, года, недели, дни ль, часы ли,
(Твое оружие, время!) — их потока
Сталь и алмаз не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.
Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Разрушивши его, подъямлюсь в бесконечность.

*„Мощь человека почти подобна
божественной природе“*

Учение античных философов о человеке явилось сильнейшим оружием против религиозного мировоззрения. К нему обратились гуманисты эпохи Возрождения, стремясь утвердить право личности на свободу и достоинство. В самом названии «гуманизм» отражена не только борьба деятелей Возрождения против феодального закрепощения личности, в нем видится и более глубокий смысл: вера в человека, его силу и красоту, в высокое достоинство. Провозглашение права людей на земное счастье — основа миросозерцания гуманизма.

Средневеково-аскетические взгляды католицизма на человека основывались на Библии. Воздействие внешнего мира на личность рассматривалось лишь в одном плане — как умножение грехов, как источник соблазна. К этим «опасностям» учение церкви добавляло еще и дьявола, единственным занятием которого является вовлечение человека в скверну. Такой взгляд порождал призыв интересоваться только «божественным» и презирать все мирское. Ум, знания, интеллект считались опасным излишеством, которое могло привести к смертному греху — дьявольской гордыне, под чем подразумевалось осознание человеком своей ценности и значимости. Протестантизм также рассматривал человека как «тварное создание», ни к чему доброму не склонное. Библейский миф о «творении» весьма невысоко ставил «создание всевышнего». Очень точно подметил суть мифа известный русский поэт А. К. Толстой. В своих насмешливых стихах, с которыми он обратился к цензору, запретившему публикацию книги Дарвина о происхождении видов, как принижающей человека с его «божественной» душой и заставляющей сомневаться в акте «творения», поэт писал:

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мнения, —

Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотвореньи?

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

Христианство, по выражению Маркса, превознесло «трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни»...¹

Гуманизм утвердил тот идеал человека, который знаменовал собою освобождение личности от удушающего контроля религии и церкви. Марсилио Фичино, медик и философ XV века, автор едва ли не первого в истории трактата о гигиене умственного труда, возглавлявший во Флоренции платоновскую Академию, утверждал, что «мощь человека почти подобна божественной природе». Свою мысль Фичино аргументировал тем, что человек один во всем земном бытии управляет материальным миром, способен к управлению собой и своей семьей, в состоянии создавать государства, познавать и постигать разумом даже небеса. Философ считал, что человек «некоторым образом мог бы даже создать небеса, если бы получил в свое распоряжение орудия и небесную материю». Джулио Ванини произнес подлинный гимн человеку: «Я не побоялся бы поместить человека выше небес!» Такого рода взгляды и идеи подрывали христианскую концепцию личности, господствовавшую в средневековье, способствовали развитию атеистических представлений. Как подметил видный исследователь Возрождения М. С. Корелин, у самих гуманистов, особенно в XVI—XVII веках, можно отметить «в религиозном отношении... полное равнодушие к религиозным вопросам, скептическое и насмешливое неверие — у большинства». Это неверие распро-

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 4, с. 204.

странялось и ширилось в обществе. Оно представляло собой не только отрицание религиозных воззрений на человека, но несло в себе утверждение личности.

Противопоставляя смиренному и безликому «рабу божьему» человека во всем блеске его талантов и страстей, гуманисты доказывали, что формирует личность и раскрывает ее возможности прежде всего активная деятельность, труд. «В ком есть блеск добродетелей, в том обретается благородство... приобретенное своими бдениями, трудами, занятиями», — писал Поджо Брачоллини (1380—1459), один из первых итальянских гуманистов. Со страниц трактатов, художественных произведений, знаменитых портретов вырисовывается идеал человека — всесторонне развитого интеллектуально и физически, преданного общественным интересам, активного, предприимчивого, инициативного.

Гуманисты утверждали, что человек по натуре существо нравственное, и потому важно найти пути совершенствования всего лучшего, что в нем заложено. Как и философы античности, в науке, в знании они видели орудие совершенствования человека. Они утверждали, что любовь к истине возвышает человека, страсть к познанию воспитывает бескорыстие, стремление принести пользу людям, мужество и способность к преодолению трудностей развивают таланты и волю, раздвигают горизонты и позволяют видеть шире, глубже, ярче. Джордано Бруно почетное место в достижении людьми счастья отводил философии и науке: «Между видами философии тот наилучший, который... выражает совершенство человеческого интеллекта и наиболее соответствует истине природы и, насколько возможно, сотрудничает с нею, угадывая или устанавливая законы и преобразуя нравы».

Гуманисты посягнули на христианские представления о женщине как существе низшем и греховном. Они видели в ней человека, личность. Католическая церковь

в средние века объявляла женщину исчадием ада, в котором сидит дьявол, врагом мира, источником всякого зла. Уделом женщины была только семья, где она полностью зависела от воли отца или мужа. Гуманисты создали программу женского образования, чтобы сделать женщину полноправным членом общества. Во времена, когда подавляющее большинство женщин было неграмотно, Леонардо Бруни разработал первую программу женского образования, где рассматривалась методика обучения женщин древним языкам, математике, философии, физике и т. д. В этой программе признавалась способность женщин к активной научной и литературной деятельности.

Боккаччо пишет сочинение «О знаменитых женщинах», где прославляет их добродетели, ум, различные таланты. Его «Декамерон», как написал сам автор, предназначен для развлечения и утешения дам. Символично вступление к одной из новелл, рассказывающее о молодом отшельнике, который провел детство в пустыне. Когда он пришел в город и впервые увидел женщин, то решил, что они лучшие в мире создания. Эта восторженная хвала женщинам находилась в полном и открытом несогласии с христианскими взглядами на них.

Гуманисты не только теоретически отстаивали достоинство женщин. В свой круг они приняли первую итальянскую гуманистку Изотту Ногаролу, жившую в XV веке. Она посвятила свою жизнь занятиям наукой, искусством, находилась в теснейшей переписке с видными философами и учеными Италии.

Провозглашая человека центром мироздания, гуманисты понимали, что до практического осуществления их идеала личности в реальной действительности очень далеко, предстоит длительная и упорная борьба за человека. Многие не без горечи и боли отмечали, что в существовавшем вокруг них обществе человек далеко

не тот «земной бог», каким он может и должен быть. Данте писал в «Божественной комедии» о жалких душах, которые прожили, не зная ни славы, ни позора смертных дел:

Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!

Леонардо да Винчи не раз, например, сетовал в это противоречивое и кровавое время на жестокость людей по отношению друг к другу, на то, что именно мудрецы и люди достойные более всего подвергаются преследованиям.

Именно в свержении религиозных воззрений, воспитывавших ничтожного «раба божьего», в утверждении величия и нравственных достоинств человека — великая заслуга гуманистов, их вклад в решение философской проблемы «личность — общество», в теорию и практику атеизма.

* * *

Из всего, о чем говорилось, с очевидностью следует: атеизм является не только составной и неразрывной частью научно-материалистического мировоззрения, но и частью идеологии прогрессивных классов и слоев. Он органически связан с их борьбой за общественный прогресс. В идейной борьбе — этом важном факторе общественной жизни любой эпохи — с того времени, как родилась общественная мысль, свободомыслие и атеизм являлись рупором и знаменем прогрессивных сил, частью демократических идей и формой их выражения.

Анализ античной кинической философии показывает, что первыми идеологами трудящихся были атеисты. Киники отвергали религию, а «в классической древности более, чем в любое другое время, критика религии смыкалась с критикой существующего строя, ибо рели-

гия здесь не отделялась от государства, освящала существующий правопорядок и была строго общественным, гражданским, а не личным делом»¹. Это означает, что «своей атеистической пропагандой киники объективно подрывали веру в любых богов и тем содействовали созданию подлинно научного материалистического мировоззрения»².

Становление и развитие античной классической философии с ее материалистическими и атеистическими идеями шло наиболее интенсивно в период расцвета греческой рабовладельческой демократии. С ее загниванием философские взгляды, атеизм, выступления против традиционной религии стали преследоваться все более жестоко. Сомнения в существовании богов или их могуществе становятся сомнениями в существующем порядке вещей и оказываются все более опасными для самих устоев рабовладельческих отношений. Поэтому терпимая, казалось бы, античность так сурово ополчилась против философов-материалистов. Многие из них были обвинены именно в атеизме и подверглись за это ожесточенным гонениям. В 411 году за безбожие изгнали из Афин Протагора, чье произведение «О богах» было публично сожжено на главной площади. В атеизме были обвинены Анаксимен и Анаксагор, в «нечестии» — Гиппон, Диоген Аполлонийский и другие. Суд Афин заочно приговорил к смертной казни за атеизм, в частности за язвительные насмешки над религиозными обрядами, Диагора Мелосского. Он вошел в историю под именем Атеист и действительно радикальнее многих философов античности отрицал само существование богов.

Страх перед свержением традиционных ценностей, борьбу против которых вели прогрессивные силы, вы-

¹ Нахов И. М. Философия киников, с. 94—95.

² Там же, с. 97.

зывал такую ярость со стороны консервативных кругов, что в «нечестии» обвинялись не только философы. Порою узда для «устрашения» одевалась и просто на неординарных людей. Великий греческий скульптор Фидий (V в. до н. э.) — автор знаменитых и прославленных самими афинянами скульптур Зевса и Афины — был обвинен в оскорблении божества, заключен в тюрьму и там умер. Поводом к обвинению явилось то, что на щите изваянной им Афины он поставил профили — свой и государственного деятеля Афин Перикла.

При обострении противоречий внутри рабовладельческого строя жрецы и защитники старых порядков стали активно выступать и против новых научных открытий и мнений, поскольку они колебали традиции и «мнения предков». Преследованиям подвергся Аристарх Самосский (IV—III вв. до н. э.), гениально предвосхищавший открытие гелиоцентрической системы мира, позднее обоснованной Коперником. Его обвинили в том, что он «сдвинул с места центр Вселенной» и тем бросил вызов «принятым мнениям». М. В. Ломоносов писал, что преследование Аристарха и его идей на многие столетия отодвинуло познание истины и прогресс науки:

Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти...

Чем явственнее становилось, что материализм и атеизм являются идейным оружием прогрессивных сил в борьбе против старых порядков и консерватизма, тем чаще защитники религии и «установленных богами обычаев» шли в атаку на безбожников, тем активнее они требовали расправы с ними. Эти требования через века дошли до нас в комедии Аристофана «Облака»:

Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное — они богов бесчестили.

В средневековой Европе материализм и атеизм также были знаменем прогрессивных сил, сражавшихся против феодализма и католицизма. Феодальное мировоззрение недаром видело в них своих злейших врагов. Именно поэтому, расправляясь с философами и учеными, опрокидывавшими «незыблемые» постулаты аристотелизма, с крестьянами и горожанами, выступавшими против светских и церковных властей, феодализм казнил их как еретиков, покушавшихся на бога. Католическая церковь залила кровью Европу, защищая незыблемость «богоданных» порядков, а позднее к ней присоединилась и протестантская.

Когда пишешь о том времени, невозможно не повторить того, что уже известно, не отдать долг мученикам науки и борцам за свободу. В 33 года погиб на костре инквизиции флорентийский астроном Чекко д'Асколи за пропаганду идей о шарообразности земли, в 34 года по приговору инквизиции распростился с жизнью Джулио Ванини, в 37 лет сгорел в пламени костра Этьен Доле, издатель книги Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и антицерковных памфлетов. Приговорен был инквизицией к казни, но помилован и отправлен в «покаянное» путешествие, в котором погиб, замечательный анатом и хирург Андреас Везалий. Боясь нависшей угрозы — суда «святой службы», покончил с собой затравленный преследованиями церкви талантливый писатель и смелый французский мыслитель Бонавантюр Деперье (1500—1544). В своем известном произведении «Кимвал мира» (в вольном переводе «Трезвон на весь мир») Деперье в аллегорической, но весьма прозрачной и понятной современникам форме писал, что все религии уже давно и бесплодно спорят между собой за право исключительного обладания истиной. Каждая по своему права, но это значит, что не права ни одна — истины нет ни у кого. Парижский парламент осудил

эту книгу как еретическую, а ее издатель Морен был заключен в тюрьму.

Двадцать семь лет провел в застенках инквизиции подвергавшийся жесточайшим, изощреннейшим пыткам, одна из которых продолжалась непрерывно более сорока часов, великий мечтатель о светлом будущем человечества, автор утопии «Город солнца» Томмазо Кампанелла. Эта книга была написана в тюрьме. Кампанелла не был последовательным атеистом, он с позиций пантеизма защищал право человека на исследование природы, на устройство своими силами справедливой общественной системы. Выходец из народа, он в 1599 году встал во главе народного движения в родной Калабрии.

Кампанелла язвительно заметил по поводу «загробного воздаяния»: «Защитники религии расхваливают потусторонний мир, оставляя для себя мир посюсторонний. Напрашивается подозрение, что так же обстояло дело и в историях древних святых».

После семилетних пыток в застенках инквизиции откасался отречься от своих идей о шарообразности земли, множественности миров и других «ересей» Джордано Бруно. А тысячи других? Имена многих из них история нам просто не сохранила. Они искали истину, страдали и не сдавались, отдавали свои жизни во имя прогресса, «за гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племя людей» (О. Мандельштам).

Но остановить прогресс было невозможно, хотя террор и задерживал его развитие. «Является,— по словам Герцена,— торжественная и не прерывающаяся процессия людей мощных и сильных... Главный характер этих великих деятелей состоит... во всепоглощающем стремлении к истине». Это стремление к истине, характеризовавшее прогрессивную идеологию, неизбежно вело к пересмотру религиозных концепций и ценностей, сопровождалось неверием, носившим в тех условиях атеисти-

ческий характер, рождением подлинно атеистических воззрений.

Примеры античности, Возрождения убедительно демонстрируют нам, что общественный прогресс приводит к познанию мира, раскрепощению сил и возможностей человека, возникновению философии, науки, атеистических представлений. История человечества в этом смысле является путем от бессилия человеческого рода к утверждению силы человека, путем от религии к атеизму.

«Для жизни жизнь людей...»

*„Он выше всех на свете благ
общественное благо ставил“*

Жак во времена античности и Возрождения, так и в России во второй половине XVIII века основой возникновения материалистических философских идей, свободомыслия и атеистических воззрений стал динамизм экономического и политического развития, имевший, разумеется, свои специфические особенности. Существование русского свободомыслия и атеизма защитники буржуазных концепций развития общественной мысли в России, как правило, отрицали. Они утверждали, как это утверждает и сейчас большинство авторов, издающих на Западе работы по истории философии и общественной мысли России, что в нашу страну материалистические и атеистические идеи были привнесены извне, явились результатом влияния прежде всего французского Просвещения. Русский народ в этих работах характеризуется исключительно как «народ-богоносец» и

утверждается, что «сутью России до самого 1917 г. во всяком случае было православие»¹. Тезис о случайности атеизма в России в XVIII веке призван подтвердить: атеизм якобы явление наносное и неорганичное в русской истории, определяющую роль в историческом процессе в нашей стране, в развитии ее духовной культуры сыграл религиозно-церковный фактор. Отсюда делается далеко идущий вывод о случайности научно-материалистических преобразований в нашей стране, о том, что рано или поздно их сменит религиозно-церковное возрождение, как имеющее якобы основу в самих исторических корнях и традициях русского народа.

На самом деле антиклерикальные, антирелигиозные воззрения второй половины XVIII века коренились в демократической идеологии прогрессивных слоев, боровшихся за преобразование общественных отношений, против крепостничества, деспотизма, произвола, против тех, кто противился каким-либо социальным переменам и чьей охранительной идеологией являлась религия с ее утверждением косности и застоя. Существование антирелигиозных, атеистических идей, возникавших во второй половине XVIII века в России как следствие, как итог обстоятельств русской жизни, является неоспоримым фактом.

Что такое вторая половина XVIII века в России? Великий русский поэт Г. Р. Державин в оде «Бог» писал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Это кричащее противоречие в оценке человеком самого себя, выраженное Державиным, может стать эпиграфом к характеристике тех лет. Время было действительно чрезвычайно сложное и противоречивое. С одной

¹ Цит. по кн.: Аргументы, М., 1982, с. 24.

стороны, становление огромного государства, пользующегося все большим авторитетом на международной арене, воинские победы, высокое развитие патриотического чувства. С другой — растущее закрепощение, практически рабство подавляющего большинства населения. Тут же взяточничество, казнокрадство, произвол судебных и прочих чиновников, отсутствие твердых законов. «Секущее» дворянство, чуть ли не наслаждающееся истязаниями крепостных: вовсе не таким уж исключением из правила являлась печально известная Салтычиха, насмерть замучившая 75 «душ». И — представители того же дворянства, взывающие к свободе и обличающие ужасы крепостного права, стремящиеся ограничить абсолютизм, добиться справедливого законодательства и неукоснительного его исполнения. Дворянин А. Н. Радищев писал в оде «Вольность»:

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Позднее поэт-декабрист К. Ф. Рылеев, размышляя над историей русской литературы, скажет о Г. Р. Державине:

Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил.

Эти слова можно отнести не к одному Державину, а к большому числу людей его поколения. Они, эти слова, выявляют типическое в период 60—90-х годов XVIII века в России. Время это вошло в нашу историю под названием русского Просвещения.

Русское Просвещение — широкое и богатое идейное течение, характерное выходом на арену общественной жизни ярких, талантливых людей, полных гражданского мужества и стремления к полезной государству деятельности. Имена великого нашего драматурга Дениса

Ивановича Фонвизина (1745—1792) и первого русского революционера, автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева (1749—1802) соседствуют со многими другими замечательными именами. Здесь, в этой когорте, Николай Иванович Новиков (1744—1818) — великий русский просветитель, положивший жизнь и состояние на дело борьбы с невежеством и пропаганду высоких нравственных идеалов. В издававшихся им журналах «Трутенъ», «Живописец» сотрудничали наиболее талантливые писатели и публицисты последней трети века, они обличали социальные пороки и нравственные язвы общества, смело критиковали Екатерину II. В журналах печатались также переводы статей и книг античных авторов и писателей французского Просвещения, известных философов Возрождения. Новиков вел огромную издательскую деятельность, публикуя переводные произведения и ценнейшие историко-культурные памятники России. Показательно, что в библиотеках декабристов в Сибири хранились новиковские издания. В 1779 году по почину Новикова на средства его и его друзей в Москве была открыта учительская семинария — первое в России педагогическое учебное заведение.

Нельзя не упомянуть Якова Павловича Козельского — мужественного человека, одаренного писателя, философа, смело выступавшего против деспотизма и крепостного права. В основной своей работе «Философические предложения» (1768) он выступил как философ-материалист. В это же время жил Александр Федорович Бестужев, отец будущих четырех декабристов. Один из его сыновей — Александр Бестужев-Марлинский вошел в историю нашей литературы, другой — Николай, человек редкого благородства и душевной щедрости, отличался многосторонностью своих талантов — моряк, писатель, живописец, механик, этнограф. Пример сыновья могли брать с отца — высокообразованного, ода-

ренного, высоконравственного человека. А. Ф. Бестужев вместе с И. П. Пниным в 1793 году издавал «Санкт-Петербургский журнал». Статьи, помещенные в журнале, пропагандировали необходимость просвещения, нравственного воспитания на основах разума, защищали идеи равенства в обществе людей нравственно благородных, независимо от их происхождения.

Два сына русского писателя и общественного деятеля, попечителя Московского университета в конце века Михаила Никитича Муравьева также станут декабристами, причем Никита — одною из самых ярких и значительных фигур декабристского движения. Декабристом станет и сын родной сестры М. Н. Муравьева — Михаил Лунин. Наверно, это не случайно. Не перечислить всех имен отцов декабристов. Многие из них вновь и вновь будут появляться на страницах этой книги.

Справедливую, на наш взгляд, характеристику этого поколения дал советский ученый Б. И. Краснобаев: «Многое из того, о чем думали, спорили, пытались решить люди, жившие в последней трети XVIII и начале XIX в., сохранило свое значение на протяжении многих десятилетий. Они задали будущему больше вопросов, чем смогли дать ответов. Во многом они ошибались, порой теряли веру в разум, прогресс, погружались в отчаяние, мистику. Но лучшие из них напряженно искали истину, боролись за просвещение, искали пути сближения с народной жизнью»¹.

В этот период налицо почти полная неграмотность населения, невежество дворянства, обучаемого дьячками или иностранцами, как правило, кучерами или солдатами в прошлом. Цыфиркин, Вральман в фонвизинском «Недоросле», воспитатели Митрофанушки, или Бопре в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина — отра-

¹ Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983, с. 189.

жение в литературе массовых в ту пору явлений жизни. Еще кичатся дикостью многочисленные простаковы и скотинины. И Фонвизин воспроизводит в «Недоросле» монолог Простаковой, взятый прямо из жизни: «Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. Кстати ли, покойник-свет и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволит закричать: проклян у ребенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет». Но своему Митрофанушке Простакова учителя нанимает: «Да ныне век другой, батюшка!» Полупросвещение, по выражению А. С. Пушкина, многочисленных дворянских недорослей, получивших образование у цыфиркиных, вральманов и им подобных, рождало не только в провинции, но и в столицах, даже у руля общественного мнения, немало тех, кто, как писал Д. И. Фонвизин в «Послании к Ямщикову»:

Не ищет различать и весить колких слов,
Без грамоты пнит, без мыслей философ.
Он, не читав Руссо, с ним тотчас согласился,
Что чрез науки свет лишь только развратился.

Но толкуют-то уже о Руссо, о науке, о философии!

Все противоречиво в этом времени. С одной стороны — неограниченная монархия, екатерининский фаворитизм, полный произвол власть имущих, с другой — выступления Новикова, Радищева, Козельского против деспотизма, становление общественного мнения, с которым уже вынуждена была считаться Екатерина II. В устоявшийся быт, образ мышления, традиции вторгся век иной, еще с петровских времен начавший набирать скорость, с его подвижностью, гибкостью, со всем тем, что мы и называем динамизмом общественного развития. В недрах крепостнического хозяйства России интенсивно развивались производительные силы, начинал оформляться капитализм, усиленно росли промышлен-

ность и торговля, зарождались фундаментальные и прикладные науки, появилась техническая интеллигенция. Шло бурное формирование национальной культуры, развивалась не только наука, большого расцвета достигло искусство — литература, живопись, музыка, скульптура, архитектура.

Становление эпохи проходило в процессе острой классовой борьбы — прежде всего крестьянства против помещичьего угнетения. «Столетье безумно и мудро» — так охарактеризовал тогда свое время А. Н. Радищев (в те годы «безумный» означало: без ума, глупый, дурной). Яркую характеристику тех лет дал В. Г. Белинский: «Да — чудно, дивно было это время, но еще чуднее и дивнее было это общество! Какая смесь, пестрота, разнообразие! Сколько элементов разнородных... но одушевленных единым духом! Безбожие и изуверство, грубость и утонченность, материализм и набожность, страсть к новизне и упорный фанатизм к старине...»

Феодално-крепостническая русская монархия второй половины XVIII века таила в себе неразрешимые в рамках феодалной формации глубокие противоречия. Они сказывались на ходе общественного прогресса, замедляя его, потому и развитие науки, философии, атеистических представлений не было логически непрерывным процессом. Феодалная экономика в целом не нуждалась в науке как системе знаний, не нуждалась в передовой философии, эту экономику интересовали лишь отдельные технологические результаты. Но одновременно с развитием производительных сил в России внутри феодалной системы возникала капиталистическая формация. В связи с этим росла потребность в науке, в той философии, которая могла бы являться базой ее развития. Само государство, набиравшее все большую мощь, было заинтересовано в росте производительных сил и, следовательно, в росте науки. В рамках

этих противоречий и шло развитие русской действительности.

В жизни и культуре еще феодального в целом общества огромную роль играли религиозное мировоззрение и православная церковь. Кажется, что известные слова Маркса «Религия есть общая теория этого мира... его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания»¹ написаны и о российской жизни второй половины XVIII века. Религия и церковь сопровождали человека от первого его детского крика до гробовой доски. Они являлись одной из основных опор самодержавно-крепостнического государства. Незыблемость сословно-крепостнических отношений прямо утверждалась и освящалась именем бога. В написанной по заказу Екатерины II книге для чтения в народных училищах «О должностях человека и гражданина», педагогическом манифесте самодержавия, говорилось: «Во всяком звании можно быть благополучным... Благость божия ни единого человека не исключила от благополучия: граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могут быть благополучными людьми...

Что господом дано, ты тем и наслаждайся,
Чего же не дано, о том не сокрушайся».

Неисполнение церковных обрядов влекло государственные санкции, правовые последствия, касавшиеся самого существования людей. Общеизвестно, что нецерковный брак не признавался, дети от него считались незаконнорожденными, ущемлялись в правах и т. д. Строго контролировалось посещение исповеди и богослужений. Религиозные праздники и традиции пронизывали повседневность: они определяли семейное воспитание, давали пищу эмоциональному и эстетическому восприя-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 414.

тию. Для подавляющего большинства населения иконы, музыка, хоровое пение в церкви, гулянья на масленицу, рождество и т. д. были основным источником внебытовых чувств и эмоций.

Но именно во второй половине XVIII века растут антиклерикальные, антирелигиозные настроения, усиливается свободомыслие, появляются философские материалистические идеи и связанные с ними атеистические воззрения, прослеживаются атеистические мотивы и тенденции в культуре, в частности в литературе, искусстве.

Многое в антиклерикальных, антирелигиозных настроениях русского Просвещения было пока еще традиционно. Современники критиковали церковь и духовенство за корыстолюбие, косность, сопротивление всякой новизне, особо отмечали невежество духовенства. В известных стихах Д. И. Фонвизина «Послание слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» подмечается, например, насколько выгоден церкви и духовенству установленный порядок вещей:

Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.

Язвительное перо Фонвизина обличало религиозное лицемерие и ханжество, которыми прикрывается самый настоящий разбой. В неоконченном своем произведении «Повествование мнимого глухого и немого» великий сатирик рисует провинциального помещика Варуху Язвина: тот «был в равной степени бездушник и ханжа», и, украв у соседа-помещика двенадцать лучших лошадей из его табуна, «на другой день со всею своею окаянною семьею на тех же краденых лошадях отправился в Ростов богу молиться».

Высмеиваются также аскетические идеалы христианства, как несовместимые с живым человеческим началом. Ломоносов требует:

Возьмите прочь Сенеку¹,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Но рядом с традиционными обличениями появляются и новые мотивы. Они отражают более высокую, чем прежде, ступень развития и осмысления действительности. Критикуются уже действия церкви и духовенства, не столь явно лежащие на поверхности, но пагубно влияющие на важные моменты жизни общества. В замечательных стихах «Письмо о пользе стекла», носящих характер философского размышления о путях развития науки, М. В. Ломоносов показывает, как античные жрецы, католическая церковь на протяжении всей своей истории в своекорыстных целях препятствовали развитию науки, познанию мира, природы:

Под видом ложных сих почтения богов
Закрит был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры.

Вся жизнь великого нашего соотечественника была пронизана борьбой с церковью и духовенством. Он стремился избавить русскую науку от их удушающего контроля, невежественного вмешательства. Это дает основания полагать, что Ломоносов, говоря о лицемерах,

¹ Сенека Луций Анней — римский философ I века, представитель философской школы стоиков, утверждавших превосходство духовного начала над плотским. Идеи Сенеки оказали значительное влияние на формирование христианства. Энгельс писал, что если Филона можно считать отцом христианского учения, то «дядей его был Сенека. Некоторые места из Нового завета как будто списаны почти дословно с его сочинений».

имел в виду прежде всего православие и русскую церковь. В этих же стихах Ломоносов, вновь прибегая к примерам античности и католицизма, говорит о том, что самый дух и стиль религиозного мышления мешают развитию познания, сковывают его заранее поставленными рамками непререкаемых истин богооткровения. Ломоносов пишет о том, как один из наиболее авторитетных христианских богословов и «учителей» церкви Аврелий Августин (354—430) в своей книге на основании «слова божьего» отрицал существование неизвестных материков, не описанных в Библии людей, утверждал неизменяемость видов животных. Ломоносов уверен, что истоки ошибок Августина — в преклонении перед Библией, вере в ее безошибочность, что ограничивало саму его мысль, а если бы он «разумну тварь толь тесно не включал», «без Математики вселенной бы не мерил», то есть отдавал науке предпочтение перед Библией, то не допустил бы таких просчетов.

В самой недвусмысленной форме мысль о том, что на протяжении всей человеческой истории религия и церковь подрезали «крылья разуму», присутствует у Радищева. Впервые в России он заявил о вере, то есть о религиозном мировоззрении, как политическом союзнике царской власти в удушении вольности:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает.
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

И хотя радикальные мнения Радищева не характерны для современников, но от времени их не оторвешь, они им порождены.

Большую роль в формировании общественных настроений, в той или иной мере оппозиционных религии и церкви, сыграло достаточно широкое распространение в

России сочинений и идей французских просветителей, в первую очередь Вольтера. «Вольтерьянство» затронуло немалую часть русского образованного дворянства, на одних оно подействовало внешне и поверхностно, как мода, на других имело определенное идейное воздействие.

О распространении «вольтерьянства» свидетельствуют сами современники. «Екатерина маленькая», Екатерина Романовна Дашкова, директор Академии наук и президент Российской Академии, одна из самых замечательных русских женщин по одаренности и многообразию своих талантов, в своих мемуарах повествует о том, как к пятнадцати годам (тогда этот возраст считался уже совсем недетским) она прочла сочинения Вольтера, Бейля, Монтескье, Гельвеция. Но Дашкова по социальному положению и полученному в детстве воспитанию принадлежала к верхам образованного дворянства. Возьмем другое свидетельство. Г. С. Винский — мелкопоместный дворянин, сосланный в провинцию, зарабатывал там на хлеб, работая учителем, чему помогли полученные в детстве знания (вот она, примета века другого!). Винский пишет, что, готовясь к занятиям, он нашел в богатой библиотеке оренбургского губернатора, которую тот разрешил ему пользоваться, книги Вольтера и других французских просветителей: «Первый Вольтер заохотил меня читать и рассуждать, занимательный слог, важность вещесловия, смелые истины тотчас мною переведены и сообщены знакомым как новость»¹. Он сообщает, что его переводы «в Симбирске же и в Казани весьма многим были известны». Приведем еще одно свидетельство. Живший тогда в Москве М. Н. Муравьев в переписке с сестрою упоминает о чтении им романа Мармонтеля, «Персидских писем»

¹ Винский Г. С. Мое время. — Исторический архив, 1877, ч. 1, с. 183.

Монтескье и других произведений французских просветителей.

Общий антифеодальный характер идей французских просветителей не был осознан подавляющим большинством тех, кто испытал на себе их воздействие. Идеи французского Просвещения воспринимались прежде всего и более всего в антиклерикальном и атеистическом аспекте. Проницательный П. А. Вяземский, поэт, писатель, критик, близкий друг А. С. Пушкина, был первым биографом Д. И. Фонвизина. Он стремился понять время, создавшее героя его книги, много советовался с Пушкиным и живыми еще свидетелями «века былого» о характернейших чертах второй половины XVIII века. Он отметил в этом историческом отрезке развития России «признаки... нетерпеливых покушений ума разрешить себя от уз тягостной опеки давности». О влиянии «вольтерьянства» Вяземский писал: «Поветрие французского религиозного вольнодумства подействовало и у нас на людей», то есть и он отметил в «вольтерьянстве» лишь его антирелигиозность.

Косвенным свидетельством того, что отцы декабристов в некоторых случаях глубоко усваивали антирелигиозную, атеистическую сторону «вольтерьянства», являются материалы восстания 1825 года и мемуары его участников. Так, И. Д. Якушкин, один из наиболее видных декабристов, человек замечательный по уму и душевным качествам, вспоминал о товарище по движению Н. П. Репине, трагически погибшем в первые же годы сибирской ссылки: тот перенял у французских просветителей «их общие воззрения на предметы... отзывался о христианстве крайне неуважительно... Он никогда не читал Библии». Якушкин отмечал, что Репин имел «замечательные качества ума» и был воспитан «под руководством своего дяди, адмирала Карцева, отъявленного вольтерьянца».

Оппозиция феодально-крепостническому укладу в

России в целом только формировалась. За исключением Радищева, в какой-то мере Козельского, еще очень немногих, основная масса представителей общественной мысли России не покушалась на самые устои монархии. Просветители, несомненно, глубоко переживали несправедливость, беззаконие и произвол. Они активно обличали пороки крепостничества, деспотизм монархического правления, произвол власть имущих, взяточничество чиновничества и т. д. Но свои надежды они связывали прежде всего с просвещенной монархией, с пропагандой необходимости воспитания и образования, которые привели бы к формированию личности, сознающей свой долг перед отечеством и другими людьми, личности просвещенной и потому гуманной. Именно на воспитание такой личности просветители обращали свои силы, свою деятельность.

Большинство деятелей русского Просвещения разочаровалось в этих идеалах. Одни ушли из жизни, сломленные тюрьмой или опалой, другие прекратили свою деятельность. Как заметил Герцен: «Но власть и мысль, императорские указы и гуманное слово, самодержавие и цивилизация не могли больше идти рядом». Однако именно тогда, в конце XVIII века, родилась в лице Радищева революционная мысль, начавшая новое общественное движение в России. Роль русских просветителей, которые, расшатывая феодальные и религиозно-церковные основы самодержавия, «готовили умы» к грядущим переменам, не должна быть недооценена. Гимн разуму, который пели Новиков и Радищев, Козельский и Фонвизин, Бестужев и Муравьев, подхватили их прямые наследники — декабристы. Когда на следствии декабристов спрашивали, что, по их мнению, повлияло на формирование их убеждений, большинство обязательно называло сочинения как французских просветителей, так и русских — Новикова, Фонвизина (племянник писателя М. А. Фонвизин был видным деятелем движения), пье-

су Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», комедию В. В. Капниста «Ябеда», оду Г. Р. Державина «Власти-телям и судьям».

Если антифеодальная сущность идей французского Просвещения в целом не была воспринята в России, то для усвоения их антиклерикальной и антирелигиозной, атеистической направленности имелись веские исторические основания в самой русской жизни. Почва, куда падали зерна «вольтерьянства», была подготовлена ходом общественного развития в России, которое требовало нового подхода ко многим явлениям жизни, нуждалось в переосмыслении ряда важнейших вопросов. Среди них — вопрос об отношении к земной жизни, ее ценностям и интересам. По-новому встала проблема личности, оценки ее гражданских и нравственных качеств, путей ее формирования. Требовавшееся решение этих проблем вступало в конфликт с их традиционным христианским решением. А между тем эти вопросы являлись насущной заботой дня, они определяли пути развития общества.

Именно потому, что всем этим проблемам французские просветители уделяли в своих сочинениях перво-степенное внимание, русское свободомыслие, а если брать шире — русская общественная мысль и формировавшееся русское общественное мнение находили во французском Просвещении идеологическое обоснование, идейную опору, подтверждение своим мнениям и настроениям. Не просто мода на «вольтерьянство» (а она, несомненно, существовала, особенно до пугачевского восстания, насмерть напугавшего двор и большинство дворянства), не только блестящая литературная форма произведений Вольтера, Монтескье и других привлекали умы. В первую очередь и более всего интерес к этим авторам и их работам диктовался насущными потребностями русской действительности, порою осознанными, чаще подсознательными. Труды и идеи француз-

ских просветителей помогали обосновывать оппозицию и даже конфронтацию основным традиционным установкам христианства, в которую вступали рожденные временем веяния, тем, кто эти веяния отстаивал и проводил в жизнь. В России, как некогда в Европе во времена Возрождения, христианские ценности, соответствовавшие малоподвижному феодальному периоду развития, отбрасывались и пересматривались (хотя и медленнее, и не всегда столь открыто), как и другие феодальные установки, мешавшие поступательному общественному движению, общественному прогрессу. Это-то и вело к атеистическим воззрениям.

Интересный психологический анализ русского «вольтерьянства» дал А. И. Герцен, лично знавший многих из поколения отцов декабристов: «Почти все старики того времени, которых мы только знали, были вольтерьянцами или материалистами... Эта философия прививалась русским с тем большей легкостью, что уму их свойственна и трезвость, и ирония. Почва, завоеванная в России цивилизацией, была потеряна для церкви. Греческое православие властвует над душой славянина лишь в том случае, если находит в ней невежественность. По мере того как проникает в нее свет, тускнеет вера, внешний фетишизм уступает место полнейшему безразличию».

Разумеется, антирелигиозные, атеистические воззрения не носили характера массового явления. Но в силу самого хода прогресса, когда к образованию, научным знаниям и занятиям приобщалось все больше представителей дворянства и разночинцев, влияние антицерковных и атеистических идей росло и ширилось. Свободомыслие и атеизм формировались все отчетливее, наполнялись более глубоким содержанием.

Итак, атеистические воззрения не могли не формироваться в России во второй половине XVIII века, которая трудно и сложно шла вперед по пути обществен-

ного прогресса. По многим направлениям прогресс шел бурно, динамично. В ходе его рождались те же самые условия и причины для возникновения материалистической философии, науки, атеистических воззрений, что и во времена античности и Возрождения.

Прежде всего, общественное развитие приводило к пересмотру целого ряда «истин» обыденного сознания, устоявшихся мнений. Это сопровождалось переоценкой многих ценностей религиозного мировоззрения.

*„Куда ни обернусь,
везде я вижу глупость“*

Стремление не принимать на веру никаких истин, даже истин «священного писания» — одна из характернейших примет описываемого времени. Философы и естествоиспытатели, писатели и экономисты, принадлежавшие к прогрессивным кругам России, стремились к познанию и пониманию окружающего их мира, российской действительности, места человека в мире и обществе, чтобы найти пути к улучшению общественной жизни. Главными инструментами познания им виделись испытание и чувственный опыт, которыми должны быть измерены все «знаемые истины». Такому измерению, которое непременно вело к переосмыслению явления, прогрессивные мыслители подвергали в той или иной мере политическую жизнь, экономические отношения, господствовавшую мораль, религиозные установки и ценности.

Общая критическая оценка российской действительности со стороны демократических кругов особенно ярко дана в произведениях Фонвизина и Новикова. Их обличения были настолько глубоки и суровы, что после чтения их произведений нередко напрашивался вывод: необходим пересмотр существующих порядков. В упоминавшейся уже сатире «Послание слугам моим,

Шумилову, Ваньке и Петрушке» Фонвизин горько смеется над современной ему российской действительностью:

Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кашеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.

В 1768 году в Петербурге вышла в свет книга Я. П. Козельского «Философические предложения». В ней прозвучало требование переоценки сложившихся общественных отношений: «Если мы видим в каком народе мало добродетелей», то происходит это «от излишнего своевластия одной части того народа и от великого притеснения другой». Это было актом большого личного мужества. Козельский размышляет также о том, что писать «о политике, касающееся до начальствующих особ» весьма опасно, потому что ходячим мнением является то, что рассуждать о политике — «одних министров дело». Автор отвергает это общее мнение и доказывает необходимость пересмотра установившихся политических традиций в целях лучшего, более совершенного устройства общества. Он утверждает, что право на пересмотр общих мнений о политике и законах имеет прежде всего философия как «служительница мудрости». Настаивая на праве философии, руководствующейся разумом, пониманием общей пользы «переменять законы», Козельский писал: «Пороки народные сокрыты в самих законах, и ежели кто хочет истребить пороки в каком народе, не переменяя производящих их законов, тот ищет невозможного». Это был открытый, мужественный вызов феодально-крепостническим отношениям, монархическому деспотизму и произволу, фаворитизму императрицы, твердо соблюдаемым сословным перегородкам.

Требование переоценки, пересмотра «ходячих» политических мнений неизбежно оказывалось направленным против православной церкви и более того — в некоторых случаях против основ христианства и самой религиозной веры.

В Московском университете в 70—80-х годах работали талантливые ученые, в большинстве своем выходящие из разночинных кругов. Один из них — Дмитрий Сергеевич Аничков, написавший диссертацию «Рассуждения из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания». В ней он защищал сугубо материалистические позиции: «Противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно... Все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей». Выводы ученого приложимы не только к православию, его учению и практике, они ставили под сомнение само «божественное» происхождение веры, рассматривали ее как явление вполне земное, общественное, эволюционирующее в зависимости от изменения общественных условий. Ученый подвергся преследованиям со стороны православного духовенства. Церковники требовали публично сжечь богохульную диссертацию, а автора отдать на суд церкви. К счастью для ученого, судьба которого висела на волоске, этого не случилось. Однако работа его над диссертацией была прервана на долгие годы.

Другой ученый Московского университета Семен Ефимович Десницкий, также посвятивший проблемам религии специальную работу «Юридическое рассуждение о делах священных», пришел к чрезвычайно смелому по тем временам выводу, сделанному на материалах древних религий и католицизма: богов создало бесчисление людей перед правящими классами, суд «божий» служит усилению монархического правления. Он писал: «Защищаются святостию прав истязательных имя бо-

жие, святые угодники и особа монаршая от всякия хула и поношения». Вывод этот был вполне применим и к России, если над ним задуматься... В свое время роль религии в усилении монархической власти была вскрыта знаменитым голландским ученым Б. Спинозой, но в России такая «кощунственная» мысль никогда еще публично не звучала.

Это был открытый пересмотр общеустановленных взглядов на религию и церковь, на «богопочитание». Размышляя над тем, что мешает человеку понять необходимость борьбы против рабства, за лучшую жизнь, что делает его пассивным общественно, А. Н. Радищев пришел к выводу: одним из препятствий является «священное суеверие». Оно закрывает человеку истину, лишает его разума—«покрывши разум тмнотою», ведет к заблуждениям. Именно священное суеверие используется правящими классами, чтобы в интересах монархического правления усилить порабощение людей. Радищев назвал «священное суеверие» одной из важнейших причин рабства:

Закон се божий, — царь вешает;
Обман святой, — мудрец вызывает,
Народ давить что ты обрел.
Сей был, и есть, и будет вечной
Источник лют рабства оков.

Можно сказать, что передовые мыслители России уже в годы русского Просвещения вплотную подошли к раскрытию социальной роли религии и церкви.

Требование пересмотра общего мнения, ходячих взглядов особенно остро звучало в науке: она не могла развиваться в жестких рамках христианской картины мира. В православии, как и в католицизме, философия Аристотеля по церковной традиции считалась «непреложной истиной». Русские ученые объявили бой этой традиции. Ломоносов расценивал свержение аристотелизма Декартом и другими западными философами как

расширение пути к свободному мышлению и, следовательно, к расцвету наук: «Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней много зависят... Славный и первый из новых философов Картезий (Декарт.— З. К.) осмелился Аристотелеву философию опровергнуть... и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и вящему наук приращению». Ломоносов справедливо заметил, что учение Аристотеля, сделавшее застойное консервативное мышление в церкви каноном, стало оружием богословия, используемым в борьбе против мысли.

Взгляды Декарта и других западных философов, отрицавших «истины» аристотелизма, находились в России под запретом со стороны церкви и духовенства. Как правило, такой запрет поддерживался официальными властями, и требовалось немало усилий и много мужества, чтобы их отстоять и утвердить. Переосмысление на базе научных данных библейской картины мира, многих устоявшихся в рамках феодально-религиозного мировоззрения традиций и оценок для русской науки второй половины XVIII века явилось залогом успеха. И этим успехом она обязана принципиальности и личному мужеству М. В. Ломоносова, его учеников и последователей.

Ломоносов провозгласил смелость и свободу мысли основой, фундаментом самого познания как феномена, как явления. Он указывал, что ссылки на церковные догмы являются тормозом для развития: «Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного... хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: *«Бог так сотворил»* и сие дая в от-

вет вместо всех причин». Много сил и времени великий ученый посвятил раскрытию того факта из истории науки, что невежды и завистники всегда находили себе союзников в «святости» — в вере, и тем нанесли познанию мира огромный вред:

Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невооруженно!

Тема преследования науки церковью, стремление духовенства запретить само развитие мысли, поставить ее под контроль «богооткровенных истин» была животрепещущей для Ломоносова и его коллег. Аналогии в положении науки и ученых в античные времена или в средневековье, к которым прибегал Ломоносов в своих стихах, сменялись прямыми обличениями православной церкви, духовенства в его публичных выступлениях и статьях.

Для второй половины XVIII столетия характерно обращение прогрессивных мыслителей к философии, всяческое ее прославление и возвышение. Философия противопоставляется общему мнению, косности, невежеству как наука, побуждающая к рассуждению, к умствованиям. Утверждая ее ценность для всего человеческого общества, прогрессивные мыслители тем самым выступали против взглядов православной церкви, против коренных установок христианства в целом. Ведь учение христианства утверждает, что существует один предмет познания — бог. Но для его познания нужна только вера, ни философией, ни наукой бог не познается. Христианские, в том числе и православные, богословы вред философии всегда видели в том, что она «разрушает фундамент веры», осмысливая веру, религию с позиций разума. Русские просветители, цenia философию за то, что она ведет человеческую мысль в глу-

бины бытия, открывает путь в неведомое, ценили в ней способность видеть скрытое в уже, казалось бы, известном, побуждать к пересмотру непреложных на первый взгляд истин. Поэт М. М. Херасков, директор и куратор Московского университета, издатель ряда журналов, сотрудничавший с Новиковым, так воспел философию в одной из своих од:

Искусною рукою, с натуры сняв покров,
Нам прелести ее являет философ;
Он в книге естества сокрытый смысл читает,
Запутанны узлы находит, расплетает,
И сокровенное от наших тусклых глаз
Он учит осязать, внимать и видеть нас.

При открытии Московского университета в апреле 1765 года ученик Ломоносова магистр Антон Барсов произнес программную речь. Характерно, что в ней не было ни единого слова об «истинах веры», но был пропет настоящий гимн философии: «Философия приучает разум к твердому познанию истины... рассматривает силы и свойства наших душ», изучение же философии «подает нам в предводители премудрейших из древности людей».

Разумеется, переоценка существующих мнений и традиций с большим трудом пробивалась сквозь броню устоявшихся суждений, через сопротивление церкви и консервативных кругов.

*„Колико нам ты нужен,
из наших бедствий видно“*

Как и для периодов античности, Возрождения, Просвещения в целом, для русского Просвещения характерно уважение к разуму. Оно отличало прогрессивную мысль всего XVIII столетия, в особенности мысль французских просветителей, оно являлось важнейшей чертой убеждений их русских собратьев. Деятели русского Просвещения были уверены: призвать разум для оцен-

ки явлений, пробудить его у своих сограждан, чтобы они им руководствовались при подходе ко всему сущему,— значит способствовать исправлению общественных недостатков. Просветители верили, что осознание человеком недостатков и пороков, общественных и собственных, заставит его искать способы избавления от них. Поэтому идеологи русского Просвещения стремились избавить своих соотечественников от плена невежества, ложных истин, ложных кумиров, просветить их разум. Идеалистическое преувеличение силы и возможностей разума играло в ту эпоху прогрессивную роль, так как способствовало борьбе с косностью, с отжившими представлениями. Оно наносило удар и по религиозному мировоззрению, преуменьшавшему человеческие возможности. Восторженное отношение к разуму, пропаганда его силы, таящихся в нем перспектив способствовали увеличению авторитета знания, науки, воспитанию мыслящего человека, борющегося против неразумных общественных порядков, неразумного устройства общества.

Утверждая, что «истина всегда согласна с разумом», Н. И. Новиков доказывал, что знание, «просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели». Он писал, что разум является единственным «кормчим», делающим человека истинным патриотом, не жалеющим сил для Отечества и сограждан. В издаваемом им журнале «Живописец» Новиков беспощадно высмеивал тех, кто «не испытывал нужды в разуме». С грустью он показывал, что таковых вовсе не так уж мало. В журнале рассказывается, например, притча о том, как по приказанию Юпитера Аполлон послал к людям, чтобы принести им добро, муз. Каждая имела на плече ящик, «в котором находилась средства для человеческого благополучия». Первая муза — и это символично для Новикова и просветителей в целом — несла ящик с разумом. Придя в город, муза

начала кричать: «Государи мои, покупайте *разум!* Эй, разум, разум! Вы все кажется мне иметь в нем великую надобность». Но никто из людей разум не покупал, а надсмотрщик товаров побежал к начальству узнать, не принадлежит ли разум к запрещенным товарам. Таможенное же начальство решило «немедленно торговщицу сию выгнать из города. Ибо, по мнению судей, имели они довольно уже разума; гражданам же оный был бы бесполезен и выше их состояния...»

Гимн разуму мы находим в общественно-политических статьях и в научных трактатах, в литературных произведениях. М. М. Херасков так и назвал свою оду: «О силе разума». В ней, в частности, он писал:

О разум, сильный разум!
Царем ты человека
Над тварью мог поставить;
Его ты укрепляешь, его ты согреваешь...
Колико нам ты нужен,
Из наших бедствий видно.

Просветители особенно отстаивали тот тезис, что разум должен все подвергнуть сомнению и исследованию, ничего не принимать на веру, считать истинным только то, что доступно его восприятию. Под углом такой точки зрения переосмыслению подвергались и религиозные мнения, предрассудки, предубеждения и сами религиозные верования. А. Н. Радищев, рассматривая, например, в плане исторического развития различные формы религии, а также такие, по его выражению, «мечтания», как «ад, рай, сатана, бог», поддерживал мнение греческих философов о том, что люди в течение своей истории творили божества по образу своему и подобию. Он писал, что в ранние периоды человеческой истории люди остро зависели от могущественных сил природы и обожествляли их, но поскольку в силу развития мышления той поры и невысокого еще уровня знаний они руководствовались совершенно конкрет-

ными представлениями и образами, то и делали богов людьми: «...и что оно часто похоже на человека, то не удивительно: человек его изображает и, поелику он человек, за человека зреть не может». Придя к материалистическому выводу о том, что форма религиозной идеи меняется с развитием общественных условий, Радищев анализирует эти изменения в представлениях о богах, о сверхъестественном. Этот рационалистический анализ представлений о потусторонних силах наглядно показывает, что религия являлась важным объектом критического изучения и осмысления в пору русского Просвещения.

Русские вольнодумцы подвергли сомнению даже безошибочность самой Библии, «священного писания», «божественного слова». В написанном неизвестным автором в 1773—1774 годах трактате «Письма нравоучительные к друзьям» можно прочесть следующее: «Вы ни меня, ни другого кого не должны признавать не подверженным ошибке; то же надобно наблюдать и с книгою, называемой Библией. Сия книга, так же как и всякая другая книга, не может быть справедлива иначе, как поелику не противоречит разуму или тому свету, коим нас вечная любовь единственно только для того столь милосердно одарила, дабы испытать каждое дело»¹. Автор этих слов, как очевидно, стоял на философских позициях деизма. Деизм — передовое в XVII—XVIII веках философское направление, одним из виднейших представителей которого являлся Вольтер. Деизм допускал существование бога лишь как первопричины мира, «первотолчка». Он отрицал существование бога как личности, отрицал его вмешательство в дела природы и общества. Именно деизм противопоставил авторитету церкви авторитет разума, отрицая не только

¹ Цит. по кн.: Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, с. 308.

христианство, но и все другие известные религии как неразумные. Представители деизма утверждали, что все религии должны подвергнуться критическому анализу со стороны разума: именно с этих позиций французские философы-просветители дали блестящий критический анализ христианства, ислама, буддизма, языческих верований. В Англии и во Франции деизм был объявлен духовенством атеизмом, отрицанием бога и жестоко преследовался церковью. Маркс так характеризовал деизм: «Деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»¹. Вместе с «вольтерьянством» деистические представления распространялись в России в пору русского Просвещения, оказывали, как видно из вышеприведенных слов из «Писем нравоучительных», определенное влияние на русскую общественную мысль.

Развитие разума, ясной мысли во взглядах на общественные проблемы, стремление все оценить, рост просвещения явились одной из причин уменьшения влияния религии и церкви, усиления свободомыслия и атеистических взглядов в России во второй половине XVIII века. Анализируя этот этап русской истории, А. И. Герцен писал: «Здравый смысл и практический ум русского человека отвергают совместимость ясной мысли с мистицизмом. Русский способен долго быть набожным до ханжества, но только при условии никогда не размышлять о религии... освобождение от невежественности для него равносильно освобождению от религии».

*„И малейшего не должно
приписывать чуду“*

Подрыву религиозных ценностей и формированию свободомыслия и атеистических воззрений способствовали большие достижения русской науки. Они неизбеж-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 2, с. 144.

но сопровождалось утверждением материалистических взглядов на мир. В России во второй половине XVIII столетия шел бурный рост естественных наук — геологии, химии, физики, астрономии и других. Этот рост определялся потребностями экономики страны. Несмотря на то что еще при Петре I наука была официально выведена из-под контроля религии и церкви (в созданной Петром Академии наук не было ни отделения богословия, ни его представителей), ей еще и во второй половине века приходилось пробиваться сквозь церковное мракобесие, броню невежества и суеверий. Становление русской науки шло под знаком гения Ломоносова, который стоял на том, что «и малейшего не должно приписывать чуду».

Как и ученые Возрождения, как и английский философ XVII века Ф. Бэкон, работы которого Ломоносов ценил чрезвычайно высоко, великий русский ученый, его сподвижники и единомышленники отстаивали необходимость опытных, чувственных, основанных на непосредственных ощущениях и наблюдениях знаний, полученных экспериментальным путем. Но вместе с тем, как и все подлинные ученые, деятели русской науки утверждали важность сочетания эмпирических исследований с общепhilosophическими воззрениями, с научной теорией. «Один опыт,— писал Ломоносов,— я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением. Но считаю необходимым сообразовать опыт с нуждами физики... из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения».

Опытный метод исследования с неизбежностью вел к сомнениям в существовании потусторонних сил — они-то не познавались в ощущениях и наблюдениях! — и к выведению их за рамки создаваемой учеными научной картины мира. Русскими учеными, по существу, отвергалась «богосотворенность» мира, природа рассматривалась как многообразные формы развития вечной, не

имеющей начала и конца материи. «Первичное движение никогда не может иметь начала, но должно существовать извечно»,— писал М. В. Ломоносов.

Научные открытия, конкретные исследования подтверждали принцип всеобщей связи и взаимообусловленности явлений. Материалистические воззрения разделяли просвещенные люди того времени. Автор «Писем правоучительных к друзьям», например, констатирует: «Все, что ни есть, есть материальное». Только безумные (то есть глупые) и непросвещенные, пишет он, думают, что в мире есть что-то кроме материи. По его мнению, это нематериальное, «смешное и столь противное здравому смыслу» может быть выдуманно только «безмозглою головою».

Необходимость изучения природных условий страны с целью выявления ее природных богатств, сырьевой базы для развития мануфактур, создания путей сообщения между самыми далекими точками привела к тому, что Академия наук организовала ряд научных экспедиций. В 1768—1774 годах экспедиции работали в Сибири, Приуралье, на Алтае, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Кавказе, на берегах Северного Ледовитого океана, на Камчатке. Были собраны ценнейшие научные данные о животном и растительном мире, о полезных ископаемых, жизни и быте местного населения. Накопленный материал способствовал укреплению материалистических взглядов на мир, опровержению религиозной картины «творения» Земли и Вселенной. Так, наблюдения и специально поставленные опыты позволили ботаникам П. С. Палласу и И. И. Лепехину подойти вплотную к открытию эволюционного развития животных и растений, в частности сделать вывод о зависимости их развития от условий внешней среды, прежде всего от климата. Эта идея эволюционного развития, высказанная русскими учеными, хотя и не была сформулирована в виде всеобщего закона развития, как это

через сто лет сделал великий Дарвин, подрывала и опровергала тезис о «богосотворенности» животных и растений, их неизменяемости, зависимости их видов исключительно от «божьей воли».

Исследования природы, в частности астрономические наблюдения за извержением вулканов на Камчатке, за землетрясениями в сейсмически активных районах Кавказа, привели ученых к выводу: религиозные фантазии рождают страх перед стихиями природы и непонятными и грозными ее явлениями. Экспедиции побывали в отдаленных землях страны, где люди нередко жили еще первобытной жизнью, внимательнейшим образом изучили и описали религиозные верования народов Камчатки, берегов Ледовитого океана, горных племен Алтая и Кавказа. Многие из них обожествляли огонь и солнце — источники тепла и света, почитали сверкающие молнии и дымящиеся вулканы, наводящие ужас, и т. д.

Метод «установленной из наблюдений теории» был распространен русскими учеными и на изучение религии. Д. С. Аничков разделял взгляд на необходимость опытного, чувственного изучения вещей и явлений природы: «Все познание наше получает начало свое от чувств... нет ничего такого в разуме, чего прежде бы не находилось в чувстве». Эти сенсуалистские воззрения, как и использование материалов научных экспедиций, позволили Аничкову в его «богохульной» диссертации вскрыть материальные истоки верований, проанализировать причины их возникновения, показать зависимость формы религиозных воззрений от конкретной материальной причины. Он, например, подчеркивал, что страх, испытываемый человеком при извержении вулкана, может вызвать в организме чисто физиологический эффект и что этот эффект может привести к искажению восприятия внешней среды. Аничков проводил мысль, что под влиянием такого страха меняется сам характер

зрительных впечатлений, в мозгу напуганного человека могут возникать представления о «мнимых существах»: «Внезапно вскипевшее от страха в артериях кровообращение и сильное притом случившееся биение сердца, соединенное с ужасным трепетанием всего тела, довольно в состоянии воспричинствовать в оптических нервах такую перемену, от которой и глаза человеческие не могут представлять являемых во время страха вещей в собственном и натуральном их виде. Разум в таком случае уступает сам воображению, и будучи сим преодолен, признает за существо, какого, кроме как только в мыслях человеческих, нигде в натуре не обретается».

Подобное истолкование возникновения религиозных верований интересно еще и потому, что духовная деятельность в труде Аничкова связывается с физиологией, а не с деятельностью «божественной воли». Делается научная попытка раскрыть механизм материального воздействия на мозг, на нервную деятельность, на рождение представлений об условиях внешней среды.

Д. С. Аничков был не одинок в своем стремлении найти корни появления религиозных верований в психологии угнетенного человеческого сознания. Эту же проблему на материалах первобытных верований понимали в своих работах другие русские ученые, например Иван-Андреевич Третьяков, юрист, получивший правоведческое образование в Англии (где учился также и С. Е. Десницкий). Рассматривая происхождение государства и государственных институтов, он выводил происхождение религии из страха первобытных людей перед могучими силами природы: «...непросвещенные народы суеверию и легкомыслию подвержены бывают». Подчеркивая, какую неопределимую пользу приносят государствам науки, Третьяков в своих трудах неоднократно стремился показать, как «духовные», чтобы укрепить свою власть, боролись против знания, против науки.

Материалистические воззрения, которые вырабатывались в сфере точных наук, оказали влияние на ученых и мыслителей русского Просвещения, когда те рассматривали такие проблемы, как, например, бессмертие души. Христианское учение о бессмертии души и ее загробном существовании являлось могучим идейным оружием в руках правящих классов, помогавшим держать угнетенных в узде. Закономерно, что этим вопросом специально занимался первый русский революционер А. Н. Радищев. В трактате «О человеке, его смерти и бессмертии», написанном в сибирской ссылке и впервые опубликованном его сыновьями лишь в 1809 году, после смерти отца в 1802 году, Радищев пришел к материалистическому выводу: «чувственность и мысль», то есть душа, есть свойство материи. Он доказывал, что отделимо от тела существование она иметь не может и умирает вместе с ним. Идея о смертности души находилась в русле тех материалистических философских концепций, которые должны были способствовать избавлению от страха широких народных масс перед загробным миром, содействовать обращению мыслей и интересов людей к земной жизни, побуждать к ее переустройству.

Таким образом, расцвет естественных наук в России во второй половине XVIII века, подобно тому, как это происходило во времена античности и Возрождения, подводил ученых к пересмотру на материалистической основе широкого круга вопросов. Переосмысливалась христианская картина мира, ставился под сомнение «акт творения», выявлялись закономерные связи явлений в природе и обществе, подвергались переоценке сами формы религии и общепринятые суждения о них, переосмысливались в определенной мере и сами «богостановленные» догматы. То, что опытное изучение «натуры» приводило к отрицанию и пересмотру многих христианских идей, к умалению роли религиозных уста-

новок при поисках истины, особенно ясно может быть прослежено на примере М. В. Ломоносова.

Наш гениальный соотечественник своими научными открытиями и работами подтвердил множество материалистических концепций. Скажем лишь о некоторых. Ломоносов, руководствуясь имевшимися в его распоряжении астрономическими наблюдениями, выступил в защиту гелиоцентрического учения Коперника, провозгласив: «Коперник что учил, сомнения в том нет». Ломоносов не побоялся опровергнуть «библейскую истину» о неизменяемости «богосозданных» форм жизни, доказывая с фактами в руках, что все земные явления и виды жизни находятся в постоянном изменении и развитии и являются не чем иным, как очередным превращением материи. Когда на основании изучения земной поверхности, различных древностей и окаменелостей, найденных в толще доисторических эпох, Ломоносов и его ученики убедились в огромной древности земли и жизни на ней, ученый не поостерегся заявить, что «древность света больше выходит, чем по оным трудным выкладкам», имея в виду Библию и комментарии богословов к «дням творения».

Материалистические воззрения, рождавшиеся в ходе научных исследований природы, по мере развития науки оказывали все большее воздействие на широкие общественные круги. Быть может, одним из самых удивительных подтверждений такого воздействия является пример Петра Андреевича Словцова, человека весьма далекого от науки и естествознания. Он был преподавателем религиозной философии и красноречия в Тобольской семинарии. Словцов оказался одним из самых радикальных по своим воззрениям людей этого времени. Судя по дошедшим до нас документам, он выступал не только против крепостничества, но против социального неравенства в целом, против «самовластного своеправия» самодержцев, то есть деспотизма и произвола

российского самодержавия. Он же придерживался сугубо материалистических воззрений на природу, которые выразил в поэме «Материя», где доказывал, что мир раскрывается наукою как развитие многообразных и бесконечных форм материи:

Материя всему свой пульс дает
И, действуя от Солнца до Урана,
В себе катает миллион планет...
Она, в различны виды наряжаясь,
Живет и в насекомых, и в слоне;
И, в разноцветны краски изменяясь,
Сияет в ясной льдине и в огне...¹

«Своемыслие» Словцова было жестоко наказано. За обличения церкви и духовенства, которые поддерживали «властей предержажих» в угнетении бедняков, Словцов был заточен в Валаамский монастырь. После смерти Екатерины II он был выпущен оттуда и выслан в отдаленные места Сибири.

***„С неприятельми наук российских
бороться“***

Петровские установления, казалось, вывели науку из-под надзора церкви и духовенства, но их реальная роль в русской действительности оставалась столь велика, что преодоление духовного диктата церкви являлось насущной заботой ученых. Церковь, клир активно пытались мешать научным исследованиям. Недаром Ломоносов в составленном им для своего детища — Московского университета «Регламенте» выразил решительное требование: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях».

¹ Цит. по кн.: *Щипанов И. Я.* Философия русского Просвещения. М., 1971, с. 119.

Во всемогуществе науки Ломоносов, как и многие другие ученые того времени, видел способ принести благоденствие стране и своим согражданам, людям вообще и не устал петь ей гимны. С детства, кажется, известны нам его стихи:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде.

Ломоносов неустанно подчеркивал, что достижения науки могут принести пользу не только его родной стране, великим патриотом которой он был, но и всему человечеству, так как наука, по его словам, «к приращению всего человеческого рода благополучия» служит. Это мнение было не только личным его мнением, оно было характерно для большинства деятелей науки того времени. Оно отразило ту общественную оценку науки, которая складывалась в прогрессивных кругах в ожесточенной идейной борьбе с феодальными воззрениями, чьим оплотом являлись церковь и духовенство. Взгляды многочисленных простаковых и скотининых, отраженные Фонвизиним в монологе Простаковой, начинающемся со слов: «Без наук люди живут и жили», были распространены в самых широких кругах. Прогрессивная общественная мысль, публицистика, литература много сил потратили на борьбу с подобными взглядами. Н. И. Новиков язвительно высмеивал их: «Науками ли получают деньги, науками ли наживают деревни, науками ли приобретают себе покровителей, науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь, науками ли делают детей своих счастливыми? Нет... О ученые! ученые! вы-то прямые дураки». Такое положение, сложившееся

в феодальном обществе, являлось одной из преград, стоявшей на пути развития науки.

Ученым и самому Ломоносову нередко приходилось зависеть от высокопоставленных покровителей, трудно было получать деньги на научные исследования, и даже жалование из казны выплачивалось нерегулярно. Еще труднее было рассчитывать на поддержку, которая требовалась в случае конфликтов с невежественными чиновниками, церковью. Все давалось в непрестанной, непрерывной борьбе. Ломоносов писал об этом: «...что же до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться».

Среди этих неприятелей религия и церковь занимали одно из первых мест. Христианство, как мы уже говорили, отрицательно относилось к науке, к знанию, и эти общехристианские установки целиком и полностью разделяло русское православие. Православная церковь расценивала развитие науки как вызов вере, ибо оно, по мнению духовенства, означало стремление человека к независимости от бога, к равенству с ним. По словам Герцена, «византийская церковь питала отвращение ко всякой светской культуре. Она знала лишь одну науку: ведение богословских споров... Презирая всякую независимую живую мысль, она хотела только смиренной веры».

Духовенство понимало, что наука возвышает человека, ослабляет веру, учит полагаться на свои силы, верить в свои возможности. Не раз к церковному суду привлекались за «богохульные» взгляды русские ученые, которые должны были публиковать свои научные сообщения и делать публичные доклады всегда с оглядкой на духовенство.

Многие ученые времени русского Просвещения уже начинали понимать: церковь преследует науку не только потому, что духовенство в основной своей массе не-

вежественно, религиозное мировоззрение отвергает науку со своих основополагающих, принципиальных позиций. М. В. Ломоносов во многих своих произведениях, в том числе и в стихах, раскрыл принципиальную несовместимость науки и религии, в частности, в самом характере их воздействия на людей. Он отмечал вред религиозных суеверий не только для приращения наук, но и для «пользы и спокойствия людей» и, следовательно, для всего общества, прямо говоря, что вера в бога мешает людям стремиться к знаниям, к объяснению непонятных явлений и тем вызывает перед этими явлениями «ужас и нарушение покоя». Наука же, выясняющая причины явлений, «много способствует» освобождению человека от страха и тем служит пользе и спокойствию людей. Характеристику религиозной веры как тормоза на пути людей к изучению и исследованию мира он дает в «Письме о пользе стекла»:

Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
От гневного часа желает, где б укрыться;
Причины оного исследовать страшится;
Дабы истолковать, что молния и гром,
Такие мысли все считает он грехом.
На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
Когда грозит отец наш яростью своею.

И в России, как во времена античности или Возрождения, наука как явление общественной жизни, как форма общественного сознания противостояла религии. Под влиянием занятий наукой, научных знаний формировались яркие личности, опровергавшие религиозный идеал. Можно только восхищаться гением русской науки М. В. Ломоносовым, его самоотверженным, неукротимым, сознательным служением родине, обществу, науке, его мужеством в борьбе с преградами и препятствиями, его всепроникающим научным видением, много-

гранностью и масштабами его талантов. Замечательную характеристику дал Ломоносову А. С. Пушкин, испытывавший большой интерес к этой гениальной личности: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник».

Жажда знаний, стремление к познанию окружающей действительности, уважение к человеческому разуму, самоотверженность, бескорыстие, мужество при проведении научных исследований и обнародовании их результатов, желание принести пользу людям, наконец, преодолевающая все трудности любовь к истине — типичные черты личности ученого времени русского Просвещения. Ломоносов говорил в одной из своих публичных речей: «Испытание натуры трудно... однако, приятно, полезно, свято». Качества, перечисленные выше, были присущи С. П. Крашенинникову и И. И. Лепехину, П. С. Палласу и Д. С. Аничкову, С. Е. Десницкому и С. А. Третьякову, Н. Г. Курганову и И. Г. Гмелину, другим русским ученым. Вот какую характеристику дал Г. В. Стеллеру (его именем было названо открытое им для науки водное млекопитающее, истребленное людьми и ныне исчезнувшее с лица земли, — Стеллерова корова) его коллега по экспедиции И. Г. Гмелин: «Ему было нипочем проголодать целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-либо на пользу науки». Стеллер, проживший всего 36 лет (1709—1746), был, как и Гмелин, участником первой Камчатской экспедиции.

В России времен русского Просвещения общественный прогресс привел к утверждению величия и достоинства личности, что явилось вызовом христианским взглядам.

*„Означенного Ломоносова для
надлежащего в том увещания...“*

Из всего, о чем говорилось выше, с очевидностью вытекает: материалистические и атеистические идеи в России во второй половине XVIII века являлись составной частью идеологии прогрессивных кругов. Это лишний раз доказывает, что атеизм, утверждающий возможность человека устраивать жизнь своими силами, служит общественному прогрессу, которым он и порождается.

Закономерно поэтому, что в самодержавно-крепостническом государстве — России второй половины XVIII века открыто высказанные атеистические воззрения сурово преследовались. Они расценивались как угроза существующим устоям, как государственное преступление. Дела вольнодумцев проходили через Тайную канцелярию, ведавшую политическим сыском.

Преследовались и научно-материалистические взгляды, утверждавшиеся в ходе развития науки. Церковной цензуре подлежали все книги «морально-дидактического» характера, то есть по существу большинство научных изданий. В 1730 году Антиох Кантемир, один из первых русских поэтов, член «ученой дружины» Петра I, перевел на русский язык книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», в изящной, остроумной и увлекательной форме излагавшую идеи Коперника и Декарта. Успех книги Фонтенеля был огромным и во Франции, и во всей Европе. Но учение о множестве миров противоречило учению церкви, и при ее противодействии прекрасный перевод Кантемира увидел свет лишь в 1740 году (на титульном листе вышедшей книги Кантемир оставил дату — 1730, давая тем понять, что выход книги был задержан на десять лет не по его вине). Однако церковь продолжала преследовать «Коперникову ересь», и в 1756 году синод (управление по делам церкви) потребовал: «Дабы никто отнюдь ничего писать

и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном... не отваживался... находящуюся ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля... везде отобрать и прислать в синод». «Разговоры...» изымались и уничтожались как «богомерзкое произведение», «сатанинское коварство».

Больше трех лет синод не разрешал опубликование поэмы замечательного английского поэта первой половины XVIII века Александра Попа «Опыт о человеке». Перевод поэмы был сделан учеником Ломоносова, первым русским профессором (он получил это звание в 25 лет!) Н. Н. Поповским, читавшим философию в Московском университете. В 1754 году в обоснование своих «сумнительств» деятели синода писали: «Понеже по прочтении оной книги усмотрены многие, заключенные в ней основания такие, которые и св. Писанию противны, и с православной нашей христианской верой весьма несходны, следственно потому... соблазнительны быть могут, ибо издатель оной книги... единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему такою и мнение о множестве миров». Только после многочисленных купюр и правок, сделанных в синоде и не оставивших «ничего о множестве миров, Коперниковой системе и к натуризму склонного», поэма была выпущена в свет в 1757 году. И второе, и третье, и четвертое издания перевода Поповского, пользовавшиеся огромным успехом у образованных людей, выходили с теми же поправками, стремившимися свести на нет научные идеи о множественности миров. Синодские исправления перевода Поповского были напечатаны более крупным шрифтом, чем весь текст. Д. И. Фонвизин, высоко почитавший перевод, записал каламбур (как мнение статс-секретаря Екатерины II Г. Н. Теплова): попы, «дабы читатель не почел их стихов за переводчиков, то напечатали они их нарочно крупными буква-

ми, как будто читатель не мог различить стихов поповских от стихов Поповского».

В 1757 году ряд деятелей синода направил императрице Елизавете письмо с требованием «примерно» наказать Ломоносова за его насмешки над духовенством в стихах «Гимн бороде» и за нападки на «святые таинства». Послание это требовало «означенного Ломоносова для надлежащего в том увещания» выдать на суд церкви, для «исправления в синод отослать». Стихи эти явились поводом, которым воспользовалось духовенство, жаждавшее расправиться с великим ученым за пропаганду им материалистических взглядов и учений, за борьбу с религиозным мракобесием. Над ученым с мировым именем и громадным авторитетом нависла тень церковной расправы. Но Ломоносов был слишком знаменит и оказался вне пределов досягаемости церкви.

Духовенство рьяно требовало осуждения «богохульной» диссертации Аничкова, опубликованной в 1769 году. Мысль автора о земном происхождении религии была названа «соблазнительной и вредной». Диссертация Аничкова «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» была перепечатана с исправлениями (в заголовке были прибавлены слова: «...у разных, а особливо невежественных народов»). По некоторым сведениям, первоначальный экземпляр этой диссертации подвергся публичному сожжению. Против ученого было возбуждено дело в синоде, тянувшееся почти двадцать лет и прекращенное всего за несколько месяцев до смерти Аничкова.

Преследование ученых, их трудов церковью производило тяжелое впечатление на прогрессивную общественность, оно призвано было служить назиданием, предостережением, чтобы никто «не отваживался» ничего писать и публиковать «святой вере противное».

Среди тех, кого постиг церковный суд за «вольномудство», был и П. А. Словцов, Он писал из Валаам-

ского монастыря, где провел несколько лет в заключении:

Сию в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча.
Я болен весь, опух и силы ослабели.
Сказал бы более, но слезы одолели.

Несмотря на все преграды, которые церковь ставила вольнодумству, по мере развития общественного прогресса — ход истории всегда неодолим — свободомыслие и атеизм все глубже пускали корни в общественной мысли, в общественном сознании второй половины XVIII века,

***„Очисти, смертный, разум твой,
взгляни — твой рай перед тобой!“***

В XVIII веке вопреки противодействию церкви и духовенства в России крепло и развивалось светское искусство. Русское Просвещение оставило нам высокие образцы демократического искусства, составляющего и поныне предмет нашей национальной гордости, являющегося огромным вкладом в мировую культуру. Достаточно напомнить имена в литературе, которая в ту пору была очень популярной: Ломоносов, Фонвизин, Державин, Новиков, Крылов, Радищев, Карамзин. Подлинного расцвета достиг живописный портрет, связанный с именами таких выдающихся художников, как Рокотов, Левицкий, Боровиковский. К этим именам можно прибавить многие другие в иных сферах творческой художественной деятельности — в архитектуре, скульптуре, музыке, театре.

Для демократического искусства русского Просвещения характерна мировоззренческая оппозиция религиозным идеалам и ценностям. Подавляющее большинство деятелей искусства того времени было людьми ве-

рующими, сознательно на религиозные ценности не посягавшими. Тем символичнее тот факт, что их искусство объективно несло в себе идеалы и мысли, оппозиционные самой сути религиозного мировоззрения, отражало так или иначе прогрессивные представления и воззрения своего времени.

Мы выделим три основных аспекта, анализ которых показывает, что русское искусство второй половины XVIII века оказывалось в идеологической конфронтации с ценностями христианства. Это — утверждение интереса к земной жизни и ее ценностям; утверждение величия личности, ее возможностей; утверждение ценности земных человеческих чувств и страстей. В подтверждение приведем примеры прежде всего из литературы и искусства, нагляднее всего выразившие передовые идеалы времени.

„Изобрази Россию мне“

Эта строка из стихотворения Ломоносова «Разговор с Анакреоном» может стать в известной мере эпиграфом к характеристике искусства русского Просвещения. Главной, ведущей его темой являлась реальная русская действительность. Деятели искусства в своем подавляющем большинстве, как и представители общественной мысли, стремились к познанию и осмыслению окружающей жизни. Они горели желанием пробудить в современниках интерес к ней, к ее переустройству на началах гуманизма и справедливости. Передовое искусство той поры своим примером как бы предвосхищало слова, сказанные великим драматургом XX века Бертольдом Брехтом: «Все искусства служат одному, самому трудному из искусств — искусству жить». Отсюда — внимание к самым животрепещущим вопросам времени — социальным, политическим, к проблемам просвещения, воспитания, образования, культуры, науки. От-

сюда — желание средствами искусства раскрыть духовную жизнь современников, их интересы, чувства, сделать их более гуманными и просвещенными.

Великий баснописец И. А. Крылов, начинавший свой творческий путь в годы русского Просвещения, писал:

Очисти, смертный, разум твой,
Взгляни — твой рай перед тобой!

В этих строках он определял задачу литературы своего времени: пробудить интерес к земной жизни, к реальной действительности. Общим для передового искусства было утверждение ценности жизни, формирование идеалов, способных нацелить людей на неприятие общественного и нравственного зла. Эта ориентация на земные интересы противостояла самой сути христианского мировоззрения. Она умаляла общественное звучание религии и ее воздействие на жизнь людей.

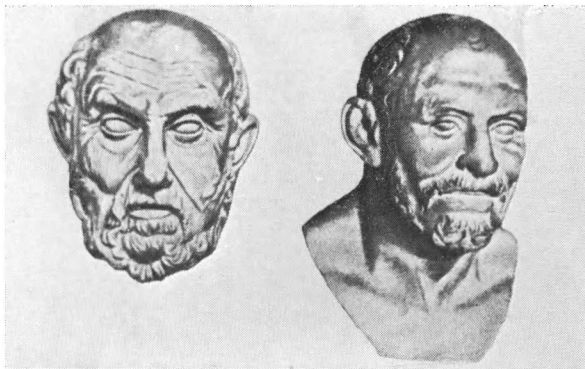
Обличение самодержавно-крепостнической российской системы так или иначе затрагивало православную церковь, било по ней как по оплоту господствовавшего правопорядка. Самодержавие и церковь оправдывали и освящали крепостное право как установленное богом. Это же относилось и к монархическому правлению, деспотизм и произвол которого также санкционировались именем всевышнего. В упоминавшейся книге для чтения в народных училищах «О должностях человека и гражданина» самодержавие провозглашало: «Общество сие господ и слуг богу отнюдь не противно, поелику есть заповеди божии, кои как господам, так и слугам, свободным и рабам должности их предписывают». И в подтверждение этих слов приводились библейские заповеди: «Нет власти еще не от бога» и т. д.

Интерес к жизни, поиски путей ее улучшения противоречили кардинальным устоям христианства. Земная направленность искусства противостояла христианской ориентации на первостепенную ценность мира «горнего»,

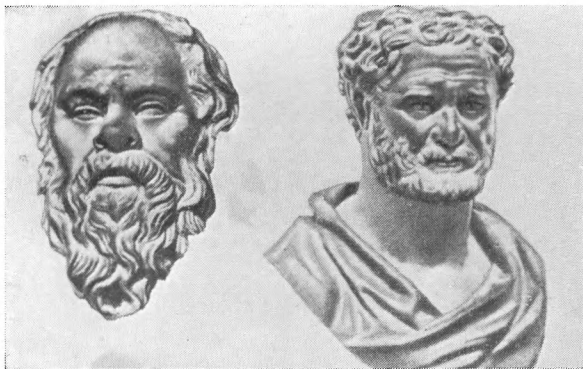
потустороннего, на «ничтожность», «суетность» земных интересов. Новый завет говорит: «Царство мое не от мира сего», «Не любите мира, ни того, что в мире». В мировоззренческую конфронтацию с этими идеалами и вступало искусство русского Просвещения.

С яростной, острой, талантливой критикой существующих порядков выступила прежде всего русская литература, которая в эпоху неограниченного монархического произвола, по образному выражению Герцена, «путаясь перевязанными ногами, ринулась вперед, насколько веревка позволяла». Фонвизин и Новиков, Крылов и Радищев бесстрашно обличали существующие пороки самодержавно-крепостнической системы, не боясь больно бить по самым верхам — Екатерине II и ее окружению. Критическое отношение к российским порядкам, борьба с феодальным миром пронизывали демократическую литературу той поры, превращали в заметное явление общественной жизни.

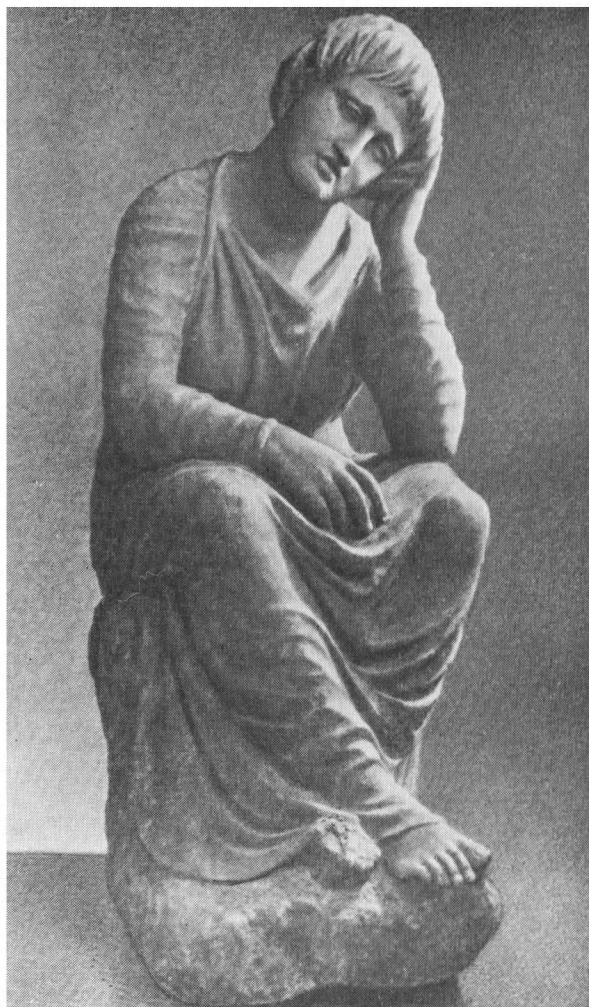
Прежде всего литература кинулась в бой против «секущего» дворянства, в защиту «угнетенного питателя», крепостного крестьянства. Во второй половине XVIII века крепостнический гнет стал в России особенно жестоким. Самодержавие полностью отдало крестьян на «милость и попечение» помещиков, которые в большинстве своем превратили крепостное право, свою власть над «душами» в дикое, ничем не ограниченное рабство. В ответ на жестокость самодержавия и помещиков все годы екатерининского царствования шли большие и малые выступления-бунты крестьян, вылившиеся в конце концов в потрясшее страну восстание Пугачева. Оно, как известно, закончилось трагическим поражением, а крепостной гнет продолжал существовать и усиливаться. Просветители отдали много сил защите крестьянства. В 1769 году Н. И. Новиков стал выпускать журнал «Трутенъ». Сам эпиграф, избранный Новиковым для журнала, недвусмысленно говорил о том,

Гиппократ (около 460—377 до н. э.). Гиппократа называют отцом научной медицины.
 Демокрит (около 460—350 до н. э.), один из основателей материалистической философии.

Сократ (около 470—399 до н. э.), мудрец, посвятивший свою жизнь поискам истины.
 Гераклит (конец VI — начало V в. до н. э.). Кому неизвестны принадлежащие ему слова: «Нельзя войти дважды в один и тот же поток»?

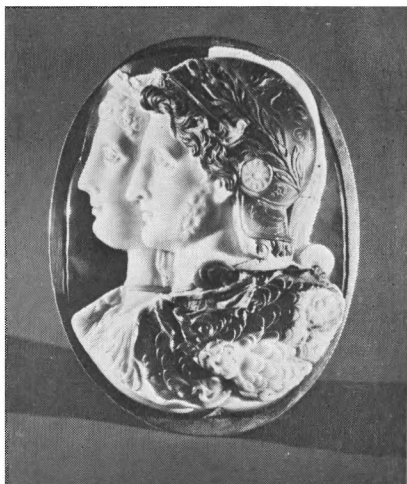

Афинская агора — торговая площадь, центр деловой и политической жизни Афин. Ее украшали храмы, общественные здания, статуи. Здесь устраивались и философские диспуты.

▷ Сидящая девушка. Статуя, мрамор, IV век до н. э.

Знаменитая камея Гонзага (III в. до н. э.) изображает монарха эллинистического Египта Птолемея II и его жену Арсиною. Созданная неизвестным мастером в Александрии и поражающая тонким художественным вкусом, камея наглядно свидетельствует о высоком расцвете эллинистического искусства.

Доменико Манчини. Работал в 1500—1520 годах. Мужской портрет (1512).

Тициан Вечеллио (1477—1576). Портрет венецианского дожа (между 1554 и 1556).

Микеланджело да Караваджо (1573—1610). Девушка с лютней (около 1595).

Доменико Гирландайо (1449—1494). Портрет старика с мальчиком (после 1483).

**Джованни Баттиста Морони
(около 1525—1578). Портрет
ученого.**

**Великое искусство итальянского
Возрождения оказало огромное
влияние на всех европейских
художников и своего, и после-
дующего времени.
Альбрехт Дюрер (1471—1528).
Автопортрет (1498).**

Питер Пауль Рубенс (1577—1640). Портрет камеристки инфанты Изабеллы (около 1625).

Антонис Ван Дейк (1599—1641). Автопортрет (между 1625 и 1630).

Гравюра Ф. Иордана с портрета работы С. Тончи (1756—1844).
Портрет Г. Р. Державина.

Неизвестный художник. Портрет М. В. Ломоносова (1780-е гг.).

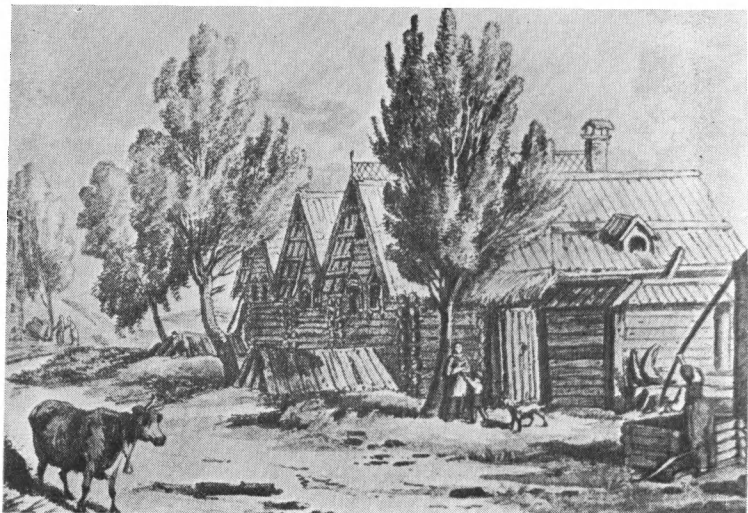
**Ф. С. Рокотов (1730-е — 1808). Портрет В. И. Майкова (1765).
По последним данным, портрет написан после 1775 года.**

Франт и франтиха. Офорт П. Н.
Чуваева. Конец XVIII века.

И. А. Ерменев (1746—48—?). Кре-
стьянский обед (1770-е гг.), аква-
рель.

Русская деревня. Лито-
графия А. Убигана с на-
турных зарисовок Д. Ат-
кисона 1780—1790-х годов.

Ф. С. Рокотов. Портрет
А. П. Струйской (1772). ▷

В. Л. Боровиковский
(1757—1825). Портрет
М. И. Лопухиной (1797). ▷

И. А. Ерменев. Поющие
слепцы. Акварель, 1770-е
годы.

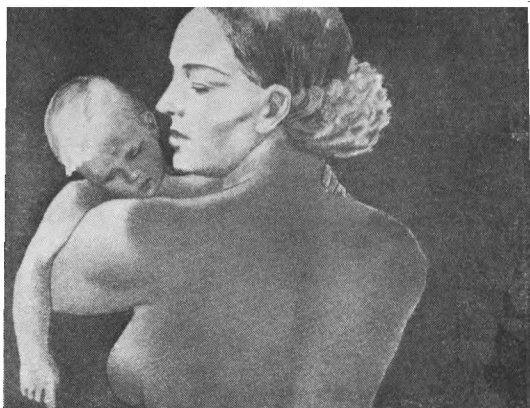

И. П. Аргунов (1727—1802).
Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме (1784).

Д. Г. Левицкий (1735—1822).
Портрет М. А. Дьяковой (1778).

А. А. Дейнека (1899—1969). Мать (1932).

**А. Н. Самохвалов (1894—1971).
Девушка в футболке.**

кто есть «трутень», и выражал отношение к крепостничеству: «Они работают, а вы их хлеб ядите». Важнейшее место на страницах этого журнала, как и следующего — «Живописца», заняло обличение ужасов крепостничества, раскрытие чудовищного бесправия «питателей» — крестьян и бесчеловечности «трутней» — помещиков-крепостников. Литература воспитывала уважение к труженику, его душевным качествам, утверждала сострадание и сочувствие народу.

Вот в «Трутне» с хватающей за душу силой и болью рисуется задавленный нуждой, повинностями, безмерным произволом барина крестьянин Филатка. Он пишет господину челобитную: «По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок... остался с четверыми ребятишками мал мала меньше... Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришлось пойти по миру»... Филатка просит барина помочь ему. Барин остался, однако, глух к его слезной мольбе. Новиков рассказывает, как Филаткины односельчане, такие же нищие и бесправные мужики, оказались куда добрее и сердечнее барина: отдав последние гроши, купили Филатке корову, чтобы «робята не померли».

А. Н. Радищев пишет, что называется «кровью сердца», в знаменитом своем «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы... Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!)... Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние.

Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет».

Убийственно страшно звучит письмо Скотинина к Простаковой в «Недоросле» Фонвизина. Скотинин пишет, что, потеряв любимую свинью Аксиныю, находит утешение лишь в порке мужиков: «Лишась моей Аксины, не буду знать ни пощады, ни жалости... Я хочу, чтоб действие надо мною столь великой потери ощутили все те, кои от меня зависят. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, колыми паче несчастье, над людьми моими вымещаю»...

Разве рвавшийся со страниц литературы русского Просвещения яростный протест против крепостного права находился в согласии с пронизавшими весь Новый завет призывами типа: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу»?

В произведениях Радищева упор делается на необходимости активного протеста против крепостничества и деспотизма монархического правления. Радищев отрицает правомерность революционной борьбы и отрицает — как калечащие личность, как выгодные правящим классам — смирение, терпение и покорность. Он видит в народе хозяина своей судьбы, который «многое может решить доселе гадательное в истории российской». В сочинениях Радищева все вопиет против учения и практики религии и церкви. Ведь единственным творцом истории христианское учение провозглашает бога, обладающего «абсолютно свободной волей», воздействовать на которую не может ни один человек. Социальные законы объявляются непознаваемыми, развитие общества непредсказуемым, а потому людям следует быть довольными всем в своей жизни. Радищев же звал народ к бунту, к переустройству своей судьбы, к

проявлению таившейся в людях силы. Недаром он предупреждал помещиков: «Не доводи до отчаяния души, страшись!»

П. А. Вяземский писал о Д. И. Фонвизине: «Фонвизин был большой знаток в словах и мастер составлять их по оттенкам. Не в его творениях искать примеров злоупотребления слов. В одном его отрывке, не изданном, представляя политическую картину государства, не управляемого положительными законами, он говорит: „Там никто не хочет заслужить, а всякий ищет выслужить; там, кто может, грабит, кто не может, крадет“»¹. Возможно, что человек государственного ума, полный жажды служить России, Денис Иванович Фонвизин не размышлял специально над тем, к каким нравственным результатам приводит следование ново-заветной заповеди: «Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить». Но именно потому, что Фонвизин болел за свою страну и ее людей, он создал образы огромной художественной силы, в которых раскрыл итог действия подобных наставлений. Вспомним Еремеевну в «Недоросле», покорную и безгласную слугу своих господ, идущую с готовностью по их приказу совершить преступление — похитить Софью, чтобы насильно сделать ее женой Митрофанушки и обогатить Простаковых.

Нет, не христианский дух смирения, равнодушия к земным делам владел тяжелобольным Фонвизиним (он умер в 47 лет). Не христианскую заповедь: «Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны» он претворял в своей жизни. Несправедливость, беззаконие терзали сердце Фонвизина, когда он обличал и высмеивал законы российские. В произведении «Письмо, най-

¹ Цит. по кн.: Гиллельсон Л. Б. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 75.

денное по блаженной кончине надворного советника Взяткина, к покойному его превосходительству». Взяткин прикладывает к письму «реестр цен», «клятвенно обещаемых его превосходительству за милостивую протекцию и покровительство».

Взяткин просит: «Ассессор Воров ищет места — в дальних наместничествах, дабы слух о производствах его не достигал никогда до столицы. Человек он кроткий и славы не любит. Через полгода по прибытии в его место не преминет он вашему превосходительству повергнуть через меня 500 руб.». «Его превосходительство» отвечает следующее: «Воров мне самому был приятелем с ребячества. Прилагаю об нем рекомендательное письмо, в твердом уповании, что он свой расчет сделал и обещаемое мне верно доставлять станет. А ты, мой приятель, уверь его, чтобы он никаких жалоб не опасался, ибо, пока я боярин, он, Воров, и вся его родня будут вести житие благоденственное». По другому делу Взяткин просит обуздать вдову Беднякову, ищущую защиты от притеснений. «Судья» отвечает: «Пока я боярин, по тех пор для всех Бедняковых Петербург будет тюрьма, а тюрьма — Петербург».

Обличая взяточничество и казнокрадство, произвол и беззаконие, Фонвизин не боялся разоблачать их истоки, раскрывать, что они порождены существующими законами. Взяткин пишет своему знатному приятелю, что его сын Митюшка приискал «на каждое дело по два указа, из коих по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелевается... Истинно милостивый государь и отец! теперь ваше, а по вас и наше время настало; а на первый случай, хотя народу и тяжело будет, да когда в производствах своих соблаговолите ссылаться на законы, к чему и убогие Митюшкины труды могут пригодиться, то поневоле замолчат наши недоброхоты».

Не во «всеобщей греховности» людей, а в общест-

венном устройстве, в крепостничестве, которое они называли рабовладением, находили писатели-просветители коренную причину существования простаковых, скотинных, взяточных. Они обличали их, потерявших человеческий облик, жестоких палачей и мучителей зависящих от них людей. В чувстве вседозволенности, порождаемом крепостничеством, видели они истоки произвола, беззакония, невежества народного и все свои силы тратили на активную борьбу со злом. Деятели русского Просвещения вопреки христианской концепции о «всеобщей греховности» людей продемонстрировали веру в человека, доброго от природы, способного к борьбе за справедливость. Ведь именно просвещением и воспитанием на началах разума стремились они достичь того, чтобы отзывчивость к человеческому горю, сострадание, равно как трудолюбие и честность, стали свойствами всеобщими.

В деятельности просветителей проблема воспитания занимала одно из центральных мест. Она была тесно связана с насущными потребностями общества, нуждами государства в образованных и нравственных людях. Вопрос о создании национальных кадров интеллигенции, творцов духовной культуры народа стоял в России той поры очень остро, и литература Просвещения не осталась в стороне. И комедия Фонвизина «Недоросль», положившая начало русской драматургии, и более ранняя его пьеса «Бригадир» были посвящены именно проблемам воспитания. В силу своего сатирического дарования Фонвизин выпукло и наглядно высвечивал отрицательное в российской жизни. В «Бригадире», ставшем одним из самых заметных явлений художественной литературы своего времени, драматург всей силой своего таланта обрушивается на ту часть русского дворянства, которая презрительно относилась к своей национальной культуре и слепо преклонялась перед всем иностранным, особенно французским.

Эта тема не раз поднималась и в публицистике. В новиковском «Трутне» можно было прочесть такое объявление: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума, который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть, могут видеть его безденежно по многим улицам сего города».

Обличая, высмеивая все отрицательное в русской жизни, просветители не обошли вниманием и «сильных мира сего», в том числе и приближенных императрицы. Гаврила Романович Державин, великий русский поэт, которого А. С. Пушкин назвал «бичом вельмож», в 1780 году написал оду на мотивы из 81-го псалма «Властителям и судиям» (журнал, где это стихотворение было впервые опубликовано, тотчас конфисковали по распоряжению властей):

«...Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг — спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков».

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Державин обличает «случайных», то есть вознесенных волею случая ко двору, к власти:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами.

Александр Николаевич Радищев, развивая тему о духовных достоинствах и качествах своих современни-

ков, сравнивает помещиков и крепостных и приходит к выводу, что крестьяне сердечнее своих господ, искреннее их. Описывая муки крепостных, «пленников в отечестве своем», он в «Путешествии» показывает, как крестьяне слушают пение слепого певца. Это пение, как заметил Радищев, обновляет и просветляет слушателей, несмотря на замученность их нуждой, страх перед произволом господ. Вспоминая равнодушных к искусству московских и петербургских дворян, чьи души «запечатаны мучительством», Радищев приходит к мысли, что крестьяне больше открыты прекрасному, сильнее чувствуют красоту.

Важной задачей русской литературы тех лет являлось ознакомление читателей с жизнью других стран и народов. И здесь особую роль сыграла публицистика. Информация способствовала дальнейшему, начатому еще Петром I, подрыву неколебимой «святоотеческой» традиции, на которой базировалось «древнее благочестие». Известно, что роль религии, церкви, духовенства всегда усиливается — на примере допетровской России это особенно наглядно просматривается — косностью и неподвижностью жизни. Эта косность и неподвижность, в свою очередь, религией и церковью сохраняются. Поэтому просветители, особенно Н. И. Новиков, много сделали для того, чтобы познакомить русского читателя обеих столиц, Москвы и Петербурга, и провинции с переводными произведениями. Издавались произведения античности, сочинения эпохи Возрождения, труды английских и французских авторов. Переводы затронули буквально все отрасли знания — переводились произведения художественной литературы, философские и научные трактаты, статьи по проблемам права и законодательства. Особенно популяризировались труды французских просветителей. При этом новиковские журналы, как и литература той поры, связывали публикуемый материал с задачами воспитания людей, пробуждения

в них гражданского самосознания, уважения к свободе. Так, в журналах 80-х годов большое внимание уделялось борьбе американских колоний с Англией за свою независимость в 1775—1783 годах. В публикациях подчеркивалось, что эта борьба ведется американцами за свою свободу, за независимость от ига британской короны, выражалось сочувствие им. Тем самым высказывалось неодобрение монархическому деспотизму, проводилась идея о возможности борьбы с ним, воспитывалось сознание необходимости сражаться за свои права.

В 1778—1779 годах Д. И. Фонвизин был во Франции и в письмах оттуда, адресованных своему другу П. И. Панину, но предназначенных для публикации, изложил впечатления о политической и социальной жизни, быте и нравах, культуре и экономике страны накануне Великой французской буржуазной революции 1789 года. В этих письмах, названных Фонвизиным «Записками первого путешествия», глубоко раскрывались общественные недуги страны, вызванные феодальным деспотическим правлением короля и развращенного паразитического дворянства. В. Г. Белинский так охарактеризовал суть фонвизинских описаний: «Читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником».

В 1791—1792 годах большой общественный резонанс и широкое распространение получили «Письма русского путешественника», написанные Н. М. Карамзиным, впоследствии известным русским историком. Эти письма знакомили русского читателя с жизнью западных стран, их культурой, бытом, законодательством и т. д.

Все силы писателей-просветителей, обличали ли они крепостное право, обращались ли в поисках ответа о путях развития России к ее историческому прошлому, воспевали ли победы ее полководцев или клеймили про-

извол и взяточничество, были направлены на утверждение ценности земной жизни, пробуждение интереса к ней, на развитие самосознания народа. Позднее Пушкин назовет Фонвизина «другом свободы», а про себя напишет: «Вслед Радищеву восславил я свободу».

В самом понимании свободы просветители оказались в мировоззренческой оппозиции с христианскими установками, с базировавшейся на них практикой православной церкви. Христианское учение свободу понимает как «внутреннюю свободу» человека, «свободу от греха». Просветители же боролись за «внешнюю», с точки зрения христианства, свободу — свободу общественную и индивидуальную от уз деспотического монархического произвола, за земную свободу личности, в первую очередь крестьянина — от крепостной зависимости. Своей жизнью, своей деятельностью отвергая новозаветные принципы покорности и послушания властям: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога», «Каждый оставайся в том звании, в котором призван», они утверждали стремление к земной социальной справедливости.

Большой вклад в познание различных сторон российской действительности того времени, в формирование высоких гуманистических идеалов внесла русская живопись.

Художник Иван Ерменев, чье дарование не получило признания при его жизни, — человек интересной судьбы. После окончания Академии художеств в Петербурге он попал в Париж и там участвовал во взятии Бастилии. Возвратясь на родину, он в целой серии сепий и акварелей изобразил крестьянскую жизнь. На одной из акварелей — нищие крестьяне, на другой — поющие на базаре слепцы, на третьей — крестьянская семья во время обеда. Работы Ерменева суровы. Художник не приукрашивает трудную жизнь, он изображает крестьян, а не идиллических «поселян», которых можно

увидеть на некоторых живописных полотнах того времени. В работах Ерменева мы отчетливо видим давившую крестьян нужду, беспросветность их существования, здесь нет умиленности страданиями изображенных. Поразительная жизненность, острота, правдивость изображения вызывают гнев, боль за людей, протест против их тяжелой доли. Разумеется, демократические работы Ерменева не принесли ему успеха, работодатели — знать, богачи — не спешили с заказами на изображения «угнетенного питателя».

Все более обращались к явлениям реальной жизни и другие русские художники, в первую очередь портретисты.

Замечательные русские живописцы Ф. С. Роков, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский создали живые образы людей своей эпохи, запечатлев не только сугубо индивидуальные черты изображенных на их портретах людей, но выделив и отметив типическое в них. Знаменательно и то, что в эту пору наряду с портретами знати и богачей, «сильных мира сего», создаются портреты людей, «России полезных», прогрессивных общественных деятелей — Н. И. Новикова, Н. А. Львова, писателей — Г. Р. Державина, В. И. Майкова, полководцев, ученых.

Одним из самых совершенных созданий Ф. С. Рокова (1735 или 1732—1808) является портрет поэта В. И. Майкова, написанный в 1765 году. Сложное и противоречивое время, сформировавшее облик Майкова, нашло интересное воплощение и раскрытие в портрете Рокотова.

В культуре русского Просвещения Василий Иванович Майков занимал заметное и своеобразное место. Друг Н. И. Новикова, один из видных представителей московской поэтической группы, он был близок к либеральным кругам. Но вместе с тем, являясь крупным чиновником (товарищем московского губернатора, про-

курором военной коллегии), Майков отличался и определенной реакционностью взглядов. Особенно «поправел» он после Пугачевского восстания.

Современники отмечали не только ум и замечательные дарования Майкова, но и крутой нрав, властность, даже жестокость. Его незаурядный поэтический талант раскрылся разнообразно, но опять-таки противоречиво, непоследовательно: то в высокопарных одах, то в грубоватых простонародных баснях, то в героико-комической поэме «Елисей, или раздраженный Вакх». Написанная в 1769 году, то есть через четыре года после создания Рокотовым портрета Майкова, поэма натуралистически, «сниженно» рисовала быт греческих богов. Вместе с тем поэт без идеализации и презрения изображал представителей «неблагородного» сословия, например главного героя — ямщика Елисея, предприимчивого, не унывающего, находящего выход из любого положения. А. С. Пушкин утверждал, что «Елисей истинно смешон». Приключения Елисея позволили Майкову показать многие подробности жизни той поры: быт крестьян, сенокос и кулачный бой, похороны и тюремный быт и т. д. Примером Майкову служил известный французский писатель XVII века, прославившийся своим остроумием, Поль Скаррон. Противник классицизма, Скаррон был автором героико-комической поэмы «Вергилий наизнанку». Майков писал:

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кошунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку...
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий¹ — шальной детина,
Нептун — как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

¹ Ермий — Гермес, по греческому мифу — глашатай воли богов, посланец Зевса.

На портрете Рокотова лицо Майкова цельно в своей противоречивости. Слегка откинута большая голова с высоким лбом, на лице — выражение высокомерия и надменной презрительности. Полные чувственные губы, чуть тронутые улыбкой, обрюзгшие щеки тридцатисемилетнего поэта — кажется, что перед нами типичный русский барин той поры, циничный и чувственный си-барит, понимающий свою власть над многими людьми, капризный и своенравный. Но в пристальном, слегка насмешливом взгляде, в высоком открытом лбе читаются внутренняя значительность, сила воли, острый ум, качества, характерные для представителей просветительской идеологии.

Идеи патриотизма и гражданственности, долга перед родиной составили основное содержание русской исторической живописи, складывавшейся в это время. Ее основоположником считается А. П. Лосенко (1737—1773). В одной из своих картин «Владимир и Рогнеда» он пытался художественно решить тему губительного воздействия деспотизма на судьбу человека. По силе образов и выразительности характеров значительна последняя картина художника «Прощание Гектора с Андромахой». Лосенко использовал сюжет из «Илиады» Гомера, когда Гектор отправляется на битву, чтобы защитить родной город Трои, и прощается с женой Андромахой и маленьким сыном. В образах Гектора и Андромахи художник утверждал необходимость исполнения долга перед родиной, героического самопожертвования во имя общественных интересов.

Литература, живопись, все искусство русского Просвещения провозглашали ответственность личности перед обществом. Это противоречило концепциям христианства. Христианское учение, которое легло в основу православных взглядов, формировалось как мировоззрение феодального периода и отразило феодальное мировосприятие. Общественные отношения при феода-

лизме не оставляли человеку никакой возможности выбора собственной участи или поведения, принятия индивидуальных решений. Все определялось принадлежностью к определенному сословию, в рамках которого человек функционировал. Поэтому общество воспринималось не как единый социальный организм, а как нечто чуждое и враждебное человеку. Эти настроения массового угнетенного сознания отразились в христианском учении об обществе. В свою очередь оно воспитывало равнодушие к общественным проблемам, способствовало примирению широких народных масс с социальной несправедливостью.

В христианстве общество рассматривается как большая или меньшая сумма лиц, индивидов, а законы развития общества сводятся к духовному, нравственному их «состоянию». Индивиды испытывают воздействие могучих космических сил — влияние «божественное» и влияние «дьявольское». Эти силы борются, по учению христианства, и внутри человека: с одной стороны, «образ божий», а с другой — «первородный грех». В итоге такой борьбы складывается определенный индивидуальный характер человека, определенное его жизненное поведение. От суммы таких поведений, согласно христианской концепции, и зависит характер данного общества. Всякого рода социальное зло, общественные противоречия, войны, бедность, страдания объясняются происками сатаны — результатом «грехопадения первочеловеков». Человек, согласно христианскому учению, существо не общественное, а глубоко индивидуальное, а общество появилось как результат извращения человеческой природы, все того же «грехопадения». «Спасение» человека, путь в рай — дело глубоко личное, никак не связанное с общественными проблемами или общественным служением человека. Оно обеспечивается лишь религиозно-нравственным совершенствованием. По православному учению оно достигается только с по-

мощью церкви и через нее. «Внутренний», религиозный человек противопоставляется всему общественному, мирскому, воспевается как чуждый всяких земных видов и побуждений.

Общественное развитие России на протяжении всего XVIII столетия, второй половины века, в частности, диктовало необходимость преодоления феодального мировоззрения, требовало выработки общенациональных идеологических ценностей. Складывалось большое национальное государство, которое, по словам Белинского, стало «судьбы мира держать на весах своего могущества». Это формировало потребность в идеалах — служение людям государству, патриотизм, чувство долга. Именно эти идеалы отстаивали деятели русского Просвещения. Но они были убеждены и в том, что, не воспитав в дворянстве чувства чести — способности и готовности к общественному служению, ненависти к порабощению, любви к «вольности», невозможно преодолеть общественные пороки крепостничества, деспотизм, произвол, взяточничество и т. д. Поэтому столько сил и внимания отдали они утверждению ценности земной жизни, пропаганде высоких нравственных идеалов.

***„Человек, человек потребен для ношения
имени сына Отечества!“***

В состоянии оппозиции к фундаментальным христианско-православным ценностям оказались и взгляды деятелей русского Просвещения на личность и ее качества, воплощенные в искусстве той поры. Искусство пропагандировало идею величия и достоинства личности, пробуждало интерес к человеку как к важнейшему объекту познания и воспитания. Эти взгляды были образно выражены Державиным в его знаменитой оде «Бог», где человек по своим возможностям уподобляется самому богу. Кажется, что при чтении этой оды, как

и многих других произведений той поры, звучат мотивы античности и Возрождения с их гимном человеку:

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт,
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод...

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.

Проблема личности — важнейшая проблема любого мировоззрения. Она является ключевой и в христианстве. Человек рассматривается им как «сосуд скудельный», а личностью объявляется лишь тогда, когда осознает свою ничтожность перед богом, свою неизбывную перед ним греховность.

Христианство, православие в частности, держится этих взглядов и поныне: «...высшая цель жизни неминуемо связана с крестоношением, скорбями, утратами, лишениями... Покорный раб своих страстей, человек разве только перед вратами смерти назовет жалким вздором то, что мнил себе счастьем земным» (Журнал Московской патриархии, 1977, № 3, с. 28).

Практические результаты такого учения о человеке, воздействие его на образ мыслей и поведение верующих могут быть продемонстрированы на примере тех сотен тысяч христиан, которые отвергали общественные интересы и общественное служение, в поисках индивидуального «спасения» уходили от жизни в монастыри и скиты, посты и молитвы, убивая в себе все человеческое. К. Маркс так оценил воздействие христианской концепции личности на поведение верующих и формирование их идеалов: «После того как человек начал рассматривать свои заблуждения как *бесконечные* преступления против бога, он может быть уверен в своем *спасении* и *милосердии* бога лишь в том случае, если

совершенно отдаст себя богу, совершенно умрет для мира и мирских интересов»¹.

Разумеется, идеалы христианства не могли быть осуществлены всеми верующими в их жизни. Для подавляющего большинства они остались так же далеки от реальной жизни, как монета, по выражению знаменитого английского писателя Д. Голсуорси, от покупаемого на нее хлеба. Но принципиальное значение христианской концепции личности заключается в акценте на ничтожности человека перед могучими провиденциальными силами, на его виновности перед ними и необходимости «благочестивым» поведением такую вину искупать.

Искусству русского Просвещения оказалось чуждо подобное «смиренномудрие», оно пропагандировало иные идеалы. В демократическом искусстве той поры критерием ценности личности провозглашалось служение человека не богу, а государству и людям в процессе активной практической деятельности. В литературных произведениях той поры мы не найдем интереса к проблемам «спасения» в потустороннем мире. Наоборот, в них всячески подчеркивается, что достоинства человека должны употребляться для пользы отечества и людей, для «исправления нравов и снискания добродетели на земле». Общераспространенной стала мысль: бессмертие человека в его служении государству. Эта идея ярко выражена в строках Державина:

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет...

Сами деятели Просвещения утверждали этот идеал своей практической деятельностью. Н. И. Новиков, преодолевая всевозможные преграды на своем пути, не страшась недвусмысленных угроз со стороны самой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 2, с. 192.

Екатерины II, вплоть до самого ареста в 1792 году продолжал свою напряженную и благородную работу по просвещению страны. Он, в частности, полемизируя с теми, кто утверждал, что «не от нас то зависит, какую роль играть нам, не от нас, но от бога», писал: «...еще и ныне находятся между человеками пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что если бы возможно им было поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком... Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мысли».

Формирование новой философии, рассматривающей человека как свободную личность, достоинство которой определяется не ее сословным происхождением, а личными качествами, демонстрирует еще и еще раз антифеодалную направленность идеологии русского Просвещения. Представление о личности, создаваемое общественной мыслью, оказало самое непосредственное влияние на искусство. Оно много впитало в себя от тех взглядов, которые ярко и талантливо формировали французские философы-просветители. Но в то же время идеал личности в русской общественной мысли, в русском искусстве складывался под воздействием конкретных социально-политических обстоятельств жизни. А они имели свою специфику. Французские просветители в основном адресовались к буржуазии, русские — к прогрессивному дворянству и народу.

Русские просветители, и деятели искусства в том числе, формировали складывавшийся в их убеждениях идеал личности, подобно французским просветителям, в ежедневной идейной борьбе с крепостным правом, с неограниченным произволом абсолютизма. В своих лучших произведениях демократическое искусство 60—90-х годов XVIII века отстаивало внесословную ценность личности, пропагандировало необходимость все-

мерной социальной активности ее, создавало уверенность в великой миссии человека на земле, которая заключалась в построении справедливых общественных отношений. В патриотическом, гражданском, общественном служении оно видело средство улучшения социальной жизни, главнейший путь воспитания личности, раскрытия ее духовных богатств.

Служение отечеству, как его понимали просветители, требовало в тех условиях немалого мужества, готовности к отречению от многих благ. И. А. Крылов писал:

За правду знатью нелюбим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден, и бесславен.

Просветители настаивали на том, что необходимо проявлять это мужество и трудиться для блага людей, не боясь ничего. Державин, одно время занимавший различные государственные должности, в частности губернатора, и пытавшийся бороться со взяточничеством, подкупами, видел задачу гражданина и поэта в служении людям:

О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять и правду говорить.

Русское самодержавие нуждалось в умных и деятельных людях. Но при этом им неизменно предъявлялось требование — повиновение и личная преданность престолу. Отталкиваясь от христианских заветов наподобие: «Всякая душа да будет покорна властям предержащим», русское самодержавие сформулировало свои понятия о «сыне отечества». Они содержатся все в той же книге «О должностях человека и гражданина», на которую мы неоднократно ссылались. Там, в частности, говорится: «Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и

законам. Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам... Каждый обязан повиноваться и в таком случае, когда повиновение кажется быть тяжело и когда думается, что законам инаковыми бы быть долженствовало».

Просветители отвергали официальный идеал. Полнее всего их представления о достойном сыне отечества были воплощены в образе Стародума в «Недоросле» и других сочинениях Фонвизина. Русская литература только создавала положительного героя, он еще не обладал полнокровным живым характером, ему, скорее, был присущ набор качеств и мыслей, которые представлялись просветителям необходимыми для сына отечества. Каковы же они? Первой мыслью Стародума являлась мысль о благе отечества. Он не приемлет крепостного права: «Угнетать рабством себе подобных незаконно». Необходимо быть честным человеком, хотя это и трудно. Стародуму пришлось оставить службу, как и Фонвизину, вступить в конфликт с мнениями двора и самой императрицы, как и Фонвизину. Кодекс честного человека — по Стародуму, по Фонвизину — включает активную деятельность на пользу стране, благонравие, разумность, просвещенность.

Идеал честного человека, созданный Фонвизиним, воплощал в себе его мысли о необходимости служения стране. Ведь это Фонвизин, обличая в сатирических комедиях, стихах и прозе пороки общественные и нравственные, доказывал, что писатели «имеют долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству», что они могут быть «иногда и спасителями сограждан своих и отечества».

В 1788 году Д. И. Фонвизин хотел приступить к изданию журнала «Друг честных людей, или Стародум», но Екатерина II этого издания не разрешила. В 90-х годах начинает выходить журнал И. А. Крылова «Почта

духов». В нем публиковалась переписка «духов» с арабским философом Маликульмульком, созданием фантазии Крылова, где «духи» сообщали Маликульмульку о событиях и нравах некоего «водяного» или «подземного» царств. Эта переписка позволила в сатирической форме обрисовать порядки в период екатерининского правления. «Почта духов» оказалась своего рода сатирической энциклопедией жизни и нравов русского общества конца XVIII века. В письмах показаны деспотизм и произвол монархического правления, лицемерие и развращенность светского общества, взяточничество чиновников, дворянская спесь и мотовство, бесправие и нищета бедняков, рабство крепостных и «мучительство» помещиков над ними. И всему этому противопоставлялся честный человек. В письме XXIV сеньор Дальновид, как бы продолжая мысли Фонвизина о честном человеке, так описывает достоинство его: «Истинно *честному человеку* надлежит быть полезным обществу во всех местах и во всяком случае, когда только он в состоянии оказать людям какое благодеяние... надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред отечеству, хотя бы чрез то должен он был лишиться милостей своего государя». Нет ли здесь явного противоречия со столь милой сердцу самодержавия христианской заповедью о «непрекословии властям»?

Крылов и в других своих произведениях высмеивал весьма прозрачно и едко российские порядки. Он, приближаясь в этом, как никто другой из литераторов того времени, к Радищеву, обличал не только отдельные недостатки, но и всю самодержавно-крепостническую систему в целом. Сын бедного пехотного офицера, он на себе с детства успел почувствовать, что такое феодально-сословное общество.

«Почта духов» просуществовала недолго. Журнал был закрыт за неблагонадежность. Но это не заставило

Крылова отказаться от своих взглядов. Позднее он будет «упаковывать» их в басни. В басне «Мор зверей», написанной в 1809 году, Крылов раскрыл, кажется, самую суть сословной системы. Мор, «наказание господне», постигает звериное царство. Царь Лев собирает зверей на совет, чтобы решить, кого во искупление грехов принести в жертву богам, дабы вернуть их благоволение. Все единодушно решают выбрать того, «кто всех виновен боле». На совете Лев, Медведь, Тигр, Волки, Лисица, все хищники, беззастенчиво грабившие и убивавшие кур, овец, других «меньших» братьев,

И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.

А на костер был взвален смиренный и работающий вол, простодушно признавшийся, что лет пять тому назад, во время страшного голода, постигшего звериное царство, он, чтобы спастись от голодной смерти, стащил клоч сена из копны.

Одна из самых характерных черт русского просветительства — демократизм. Крылов и его единомышленники особое внимание уделяли идее внесословной ценности честного человека. Эта мысль прямо-таки пронизывала литературу, публицистику. Крылов в «Почте духов» писал: «Мещанин добродетельный и честный крестьянин... для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до 30 дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева».

Н. И. Новиков во всех своих произведениях подчеркивал, что способность к служению отечеству никак не

связана с происхождением человека, она зависит исключительно от его личных достоинств. Отношение Новикова к проблеме внесословной ценности личности выражено в написанном им «Опыте исторического словаря российских писателей», где названо 317 фамилий и где великий просветитель дал оценку каждому по той пользе, которую называемый писатель принес стране. В «Опыте» особо выделяется незнатное происхождение большинства российских писателей. Вот, например, характеристика С. П. Крашенинникова, знаменитого исследователя Камчатки, автора книги «Описание земли Камчатской»: «Он был из числа тех, кои не знатностью породы, не благодеянием счастья, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными». Общий взгляд просветителей на проблему внесословного достоинства человека, на то, что его ценность определяется делами для общества, выразил Г. Р. Державин:

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;

Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

В «Беседе о том, что есть сын отечества», опубликованной в 1789 году, А. Н. Радищев вслед за Фонвизиным и Крыловым также обращается к проблеме личности, показывает те качества, которые делают ее полезной родине. Он провозглашает: «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» Радищевский идеал личности впервые содержит революционную мысль о том, что человека формирует прежде всего

борьба за свободу, пробуждающая чувство достоинства, любовь и уважение к другим людям, мужество. Как бы опровергая новозаветную заповедь: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван», Радищев главной добродетелью называет честь, которая не разрешает человеку смиряться с порабощением. Честь заставляет человека бороться за свое освобождение, не прощать «угнетающим его», а страстно их ненавидеть, честь призывает человека выступать против тех, кто отнимает у него вольность, распоряжается его жизнью, делает его бесправной вещью. Второй добродетелью Радищев провозглашает благонравие — способность и готовность человека к общественному служению. Если у него есть благонравие, тогда он «пламенеет нежнейшую любовью к целости и спокойствию своих соотичей... не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге... помогает несчастным... ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью».

Таким образом, в разработанном русскими просветителями идеале личности, вершиной которого стало учение Радищева о человеке-революционере, активном борце против несправедливости и угнетения, главным являлось утверждение ее социальной активности, общественной пользы.

Идея внесословной ценности и значимости личности пробивала себе права гражданства в произведениях русского искусства той поры в условиях, когда русское дворянство достигло еще не знаемой в истории России степени своего политического господства. Дворянское происхождение само по себе являлось залогом занятия целого ряда должностей. Карьера дворянина обеспечивалась от рождения: с детства его приписывали к какому-либо полку и там автоматически шли ему чины. Как это делалось, рисует нам Д. И. Фонвизин в «Письме от Стародума», написанном в 1788 году: «Первые осьмна-

дцать, сидя дома, служил я отечеству гвардии унтер-офицером. Покойник батюшка и покойница матушка выхаживали мне ежегодно паспорт для продолжения наук, которых я, слава богу, никогда не начинал. Как теперь, помню, что просительное письмо в Петербург о паспорте посылали они обыкновенно по ямской почте, потому что при письме следовала посылка с куском штофа... Как бы то ни было, я не знал, не ведал, как вдруг очутился в отставке капитаном».

Сословное разделение сказывалось на образовании, воспитании и образе жизни. Фонвизин язвительно заметил, что в большинстве случаев под воспитанием имели в виду питание. Один из героев того же «Письма от Стародума» говорит: «Чрез *воспитание* разумели они одно *питание*. Учить меня ничему не помышляли». Но если дворянин попадал в учебное заведение, то это было специальное дворянское учебное заведение, где воспитывали у человека «благородной крови» стремление вести такой образ жизни, который резко отличал бы его от крестьян и разночинцев, добывавших средства к существованию своим трудом. Дворянам прививалась идея, что для общего блага нации они должны жить «не только весело, но даже и пышно». Как расценивали многочисленные простаковы и скотинины указ о «вольности дворянской», предоставлявший им полную власть над своими «душами», прекрасно передано в «Недоросле»: «Г- жа Простакова... Разве я не властна и в своих людях?»

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г- жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что же дан нам указ-от о вольности дворянства?»

Развитие страны и ее производительных сил привело к росту слоя разночинцев в формировавшейся национальной интеллигенции, что способствовало усилению демократического начала русской культуры. Значительное число деятелей русского искусства вышло из народа, им пришлось в чрезвычайно трудных условиях добиваться признания, раскрывать свои возможности и таланты. Из крепостных крестьян — живописец Федор Рокотов, скрипач Иван Хандошкин, композитор Михаил Матинский, из крестьян-поморов — наш замечательный ученый Михаил Ломоносов и скульптор Федот Шубин, из купеческой семьи — основатель русского театра Федор Волков и т. д.

Ломоносов, Фонвизин, Новиков, Крылов и другие, критикуя российскую действительность, всей своей деятельностью отвергали новозаветные принципы: «блаженны плачущие», «блаженны кроткие», «а я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую». Активная борьба русских просветителей с общественным злом требовала немалого мужества. И они проявляли его. Возвышая голос против несправедливости, многие просветители лишались милости государя. Екатерина II не простила Фонвизину «Всеобщей придворной грамматики», где, обличая царский двор, он писал, например: «Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно... Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся пред ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*». Закономерным следствием подобных рассуждений явилось то, что знаменитый комедиограф был уволен в отставку и лишен возможности печататься. Сожжена была за содержащийся в ней гимн свободе трагедия драматурга Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский»,

воспевавшая народовластие в древнем Новгороде. Обыску подверглась типография, где печатался журнал И. А. Крылова, а издание журнала запрещено. Часть просветителей оказалась в тюрьме и ссылке. О «милостях» Екатерины II по отношению к деятелям русского Просвещения, отмечая ее редкостное лицемерие, А. С. Пушкин писал: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый луч его, перешел из рук Шешковского (правитель Тайной канцелярии, занимавшейся политическими делами.— З. К.) в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь, Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность».

Идеал личности деятельной, гуманной, разносторонне образованной, обращающей все свои достоинства на пользу стране и людям, нашел яркое, талантливое воплощение у художников того времени.

Кисть Д. Г. Левицкого оставила нам портрет Н. А. Львова (1751—1803), одного из самых ярких и характерных представителей времени русского Просвещения, его прогрессивных кругов. «Это был человек из породы Леонардо, Ломоносова — людей не так уж часто посещающих Землю, людей, которым интересно жить в этом мире, для которых увлеченность, страсть к познанию — высшая страсть в жизни. Он был из тех, кто смотрел на природу не восхищенными глазами наблюдателя, а преображал ее, заботясь прежде всего о пользе отечества», — эта восторженная характеристика Львова, данная нашим современником¹, как бы впитала в себя восторженные отзывы о Львове его современников — Державина, поэта Капниста и многих других.

Николай Александрович Львов не получил систематического образования, а добился всего своим трудом,

¹ Белые ночи. Л., 1980, с. 49—50.

проявив блестящие способности. Невозможно перечислить все, в чем он преуспел в свои неполные 52 года. Львов был поэтом, либреттистом, композитором, переводчиком, собирателем и издателем народных песен — по его инициативе в 1790 году был издан сборник «Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Прачем». Сборник этот сыграл большую роль в русской литературе и музыкально-песенном искусстве, в сохранении народной песни.

Н. А. Львов был и архитектором — до сегодняшнего дня сохранилось более тридцати построенных им зданий, в том числе здание Почтамта в Ленинграде, Приоратский дворец в Гатчине. Львов разведal залежи торфа под Москвой и нашел способ получения из угля кокса, а из кокса серы, изобрел новый строительный материал — каменный картон.

Портрет Левицкого передает не только внешнюю привлекательность Львова, его благородство, но раскрывает внутреннее богатство личности. В чертах лица читаются мягкость, сердечность и одновременно настойчивость, одушевленность и внутренний огонь. На портрете — цельная человеческая натура, живая, полнокровная, жизнелюбивая, полная благородных помыслов. Изображен человек, внутреннее богатство личности которого происходило от наполненности земными интересами, от деятельной активной жизни на благо отечества и людей.

Замечателен скульптурный портрет М. В. Ломоносова, созданный его земляком Ф. И. Шубиным. В этом портрете видны неукротимая воля, страстность и богатство натуры, одержимость высокими помыслами. И в этих, и в ряде других портретов раскрывается внутренняя красота людей того времени. Перед нами не милый христианству идеал человека «нищего духом», а человек, гордый своим величием и осознающий свои силы. Эта портретная живопись могла бы сказать о себе словами Державина:

Ум и сердце человецье
Были гением моим.

В передовом искусстве того времени, опять-таки прежде всего в литературе и живописи, появляется еще один мотив. Много внимания стало уделяться раскрытию и возвеличению богатого духовного мира женщины. Характерно, что в целом ряде портретов привлекательность изображенных моделей определялась не столько их внешней красотой, сколько красотой внутреннего мира.

Интерес к духовному миру женщины, ее интеллектуальным запросам был тесно связан с потребностями времени. Прогрессивная общественная мысль русского Просвещения была глубоко обеспокоена тем, что женщины, воспитательницы будущих поколений, не получали в большинстве дворянских семей достаточного воспитания и образования. Общественные идеалы у них не формировались существовавшей системой воспитания, а это грозило русскому обществу немалыми потерями. Многочисленные простаковы с их полным отсутствием знаний и культуры, с глубоко эгоистическими и сугубо потребительскими запросами воспитывали многочисленных митрофанушек. Общество же нуждалось в пополнении другого рода, и митрофанушки оказывались препятствием на пути общественного прогресса страны.

Прогрессивная общественная мысль, озабоченная существованием миллионов дворянских недорослей, воспитанных на идеалах служения лишь собственным эгоистическим страстишкам, была тревогу. Профессор Московского университета А. А. Прокопович-Антонский в публичной речи, произнесенной в конце века на торжественном университетском собрании, выразил не только свое мнение, когда заявил, что «польза общественная» требует «совершенно переменить физическое и нравственное воспитание женщин». Он говорил, что недостаток у женщин «полезных сведений» приводит к

духовной и душевной пустоте, к тому, что они «убивают время в праздности и бездействии».

Пустоту души, отсутствие духовных интересов многих женщин из дворянского и чиновничьего сословия высмеял в своем первом произведении — комической опере «Кофейница» — И. А. Крылов, которому в пору написания оперы было пятнадцать лет. Будущий баснописец изобразил жестокую и невежественную помещицу Новомодову, которая готова была отдать в рекруты молодого крестьянина, чтобы получить за него деньги на «ливрею, экипажи, мебели». Позднее Крылов развивал эту же тему в «Почте духов».

Идеи Просвещения нашли определенное практическое воплощение в русской жизни — к концу века уже немало женщин из дворянских семей получали неплохое домашнее воспитание, серьезно изучали литературу, языки, математику. Многие матери декабристов были хорошо образованы и стремились соответственно воспитывать своих детей. Заслуга искусства русского Просвещения в пропаганде и утверждении передовых общественных идеалов не должна быть недооценена и в этом вопросе.

Раскрывая особую, внутреннюю красоту духовно богатой женщины, русская портретная живопись второй половины XVIII века создала несколько настоящих шедевров. К их числу относится портрет Марии Алексеевны Дьяковой, жены Н. А. Львова, кисти Д. Г. Левицкого. Этот портрет передает зрителям ощущение радости от полноты едва сдерживаемых жизненных сил, испытываемых восемнадцатилетней девушкой, ее редкое обаяние и очарование, раскрывает гармонию душевной красоты, нравственного благородства и физического совершенства.

В то время, когда Левицкий создавал свой шедевр, Мария Алексеевна находилась в тайном браке с Н. А. Львовым, Богатые и родовитые ее родители не да-

вали согласия на брак дочери с незнатным и небогатым дворянином, поэтому с помощью друзей Мария Алексеевна и Николай Александрович обвенчались тайно. Мария Алексеевна отказывала всем сватавшимся к ней (их было немало), и только через три года после тайного венчания Львовы смогли получить согласие Дьяковых на свой брак. Во всех начинаниях жена всегда вдохновляла и поддерживала Львова. Она увлекалась музыкой, поэзией, была светлым, добрым, мягким, приветливым человеком. В знаменитом в последней трети XVIII века «львовском» кружке, членами которого были Державин, Капнист, живописец Боровиковский, другие талантливые люди, Мария Алексеевна занимала подобающее своему уму и одаренности место. Ее чарующее обаяние, доброту, так же как разносторонность интересов и знаний, отмечали все члены кружка.

Заслуживает внимания работа И. П. Аргунова «Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме», написанный в 1784 году. Крепостной художник графа Шереметева Аргунов изобразил на портрете крепостную актрису в русском национальном костюме. За внешним спокойствием женщины чувствуется внутреннее благородство, видится ощущение собственного достоинства. Этот портрет дает еще одну возможность убедиться — искусство второй половины XVIII века утверждало достоинство личности независимо от ее сословной принадлежности, признавало за всеми людьми одинаковые права на духовное благородство — ведь на полотне Аргунова на нравственный пьедестал возведена девушка из народа.

В возвеличении духовной красоты женщины кроется прямая оппозиция христианско-православному отношению к ней. Оно, это отношение, даже обосновано «теоретически» — в концепции об «особой греховности» женщины, якобы ввергшей все человечество в «первородный грех». Это обвинение, призванное унижить женщину,

обуздать ее волю, урезать ее права, оправдывало и освящало бесправное положение прекрасной половины рода человеческого в рабовладельческом, а позднее в феодальном обществе.

И в России библейские заветы вроде: «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит» ставили женщину в зависимое положение от отца, мужа, утверждали ее бесправие. Христианские установки теоретически освящали существовавшую в тех условиях жизни замкнутость женщины, ограничивали ее деятельность домашними интересами. Такое положение обедняло жизнь женщины, сужало ее кругозор, а при отсутствии образования и воспитания приводило к скудости интересов, знаний, к духовному убожеству, порой калечило и ее нравственный мир. Христианский идеал «нищей духом» «рабы божьей» вступил в противоречие с требованиями общественного прогресса во второй половине XVIII века. Искусство Просвещения, живопись в частности, становясь на сторону прогресса, утверждало оппозиционные христианским взглядам ценности и ориентации.

Своим содержанием, замечательными формами выражения этого содержания, приковывавшими внимание и интерес современников, живопись русского Просвещения усиливала внимание людей к земной жизни. Она воспевала и прославляла земные ценности, внутренний мир человека. Это объективно способствовало снижению интереса у современников к потусторонним, трансцендентным установкам и ценностям, уменьшало религиозное влияние на умы и души людей. Образы героев живописи, как и героев литературы, сатирической в том числе, будили гражданскую активность людей, их готовность бороться за идеалы добра и справедливости против зла социального и нравственного. Живописи той поры, как литературе и другим видам искусства, при-

надлежит немалая заслуга в создании идеала личности не как «смиренномудрого послушника» властей земных и небесных, а как человека, чья жизнь одухотворяется великими целями служения обществу.

*„Хорош сей мир, хорош; но без страстей
он кораблю б был равен без снастей“*

Искусство русского Просвещения пронизано исключительным вниманием к земным человеческим страстям и чувствам. В конце века на смену искусству классицизма с его типовыми характеристиками людей пришел сентиментализм. Для него было характерно обостренное внимание к индивидуальным чувствам отдельных людей. В ту пору это носило прогрессивный характер, знаменовало становление личности, уважение к ее внутренней жизни. По мере развития реалистического направления в произведениях искусства все заметнее чувства и переживания героев связывались с земной жизнью, ее обыденными событиями и явлениями. Искусство с пристальным вниманием останавливалось на неисчерпаемом богатстве человеческих чувств и эмоций, порожденных не верою в бога, а земной жизнью. Оно демонстрировало уважение к ним, необходимость считаться с ними. Такое отношение к эмоциональной сфере жизни никак не укладывалось в рамки взглядов ортодоксального христианства.

В феодальные времена именно христианские установки довлели над искусством. В нем не оказывалось места человеческим чувствам, не связанным с самою верою. В России русское искусство до XVII века воплощало в своих сюжетах только библейские мотивы и в основном прославляло мир «горний». В искусстве XVII века как ответ на потребности общественного развития начали формироваться светские тенденции, но сколько-нибудь значительного развития в допетровские времена они не

получили. Характерно, что в это время отсутствовала любовная лирика в поэзии, проза не знала любовных романов, в музыке не существовало лирических песен и романсов. В религиозной живописи героями являлись типовые, по единообразному строгому образцу — канону — написанные абстрактные подвижники или святые с их типовыми же, никак не индивидуализированными качествами. Особо прославлялись и возвеличивались христианские смирение, терпение, покорность.

Человек с его чувствами, связанными с земной жизнью, в искусстве допетровского времени отсутствовал. Христианство трактовало интимно-лирические чувства как греховные, плотские, низменные. Ставя интересы служения «миру горнему» на первый план, христианство первейшим и похвальнейшим чувством провозглашало любовь к богу. Разумеется, эту идею полностью разделяло русское православие, опиравшееся в своей деятельности на новозаветные заповеди, требовавшие «до ревности любить дух, живущий в нас». Земные чувства рассматривались лишь как проявление в разных формах любви к богу.

Любовь мужчины и женщины трактовалась христианством только как похоть, как нечто низменное, что надо подавлять, осуждать, как «дьявольское» в человеке. Отсюда — отсутствие темы земной любви в искусстве той поры, когда оно носило религиозный характер или находилось под контролем церкви. Теоретической основой для создания презрительного, уничижающего отношения к земной любви как к «греху» стала ветхозаветная легенда о «первочеловеках» Адаме и Еве. Согласно этому мифу именно земная любовь нарушила невинность «перволюдей», вызвала «гнев божий», изгнание Адама и Евы из рая, предопределила всю дальнейшую тяжелую жизнь людей как результат «божьего проклятия» за грех. Сама эта легенда уходит корнями в экономические и бытовые условия жизни патриархального

мира — времени создания Ветхого завета Библии, когда семья по преимуществу возникала и держалась не на любви. Да и позднее, во времена феодализма, семья как институт в целом создавалась отнюдь не по любви. Первейшую роль играли сословные, материальные и прочие соображения. От членов семьи требовались покорность долгу, отказ от личных чувств во имя его, примирение с существующим положением, терпение и т. д. Любовь же нередко рвала все эти узы, бросала вызов им.

Христианство воспевало страдания. Поэтому радостные чувства оно рассматривало как проявление «гордыни» перед богом. Отсюда в христианском искусстве — прославление страданий. Христианская идеология отражала и освятила опыт вековых страданий людей. В то же время она дала людям утешение в их страданиях, придав им осмысленность, поскольку христианство рассматривает земные страдания как залог, как право на будущие радости в загробной жизни. Тем самым оно делает страдания желанными, дающими надежду на «небесное спасение». И новозаветный призыв: «Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость в печаль», казалось, указывал один из путей к «спасению».

Воспитываемые и пропагандируемые христианской религией радостное принятие страданий, презрение к земным чувствам как к «суете сует», страх перед земными радостями как «гордыней» в глазах всевышнего имели и имеют четкое социальное звучание. Они примиряли (примиряют и сейчас) верующих с несправедливостями земной жизни, учили и учат их равнодушию к ее ценностям. Укреплению феодально-патриархальных устоев русской старины служили распространенные в допетровские времена жизнеописания мучеников, в которых возвеличивались страдания святых и подвижников.

Со становлением светского искусства в первые десятилетия XVIII века, освобождением его из-под контроля церкви начинает развиваться любовная лирика в поэзии, появляются романсы, лирические песни. Внимание к любовно-интимной стороне жизни людей, к их переживаниям в литературе и живописи было обусловлено формированием устойчивого и все более растущего интереса к человеческой индивидуальности, ее чувствам и переживаниям.

Во второй половине XVIII века наметившийся интерес искусства к земным чувствам, к эмоциональной сфере жизни резко усилился. Это было вызвано конкретными социально-политическими обстоятельствами, о которых мы говорили выше. Эпоха все острее нуждалась в личностях, ей требовались во все возраставшем числе люди с государственным умом, с дарованиями, знаниями, профессиональными умениями, люди, которые могли бы двигать вперед производство, науку, политику. «Без „человеческих эмоций“, — писал В. И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹. Недаром вторая половина века при всей своей сложности и противоречивости устойчиво выдвигала на арену общественной жизни все больше людей талантливых, самобытных, оригинальных, личностей в полном смысле этого слова. Этот спрос эпохи определил и настроенность искусства как формы отражения и раскрытия действительности в образах.

Демократическое искусство пропагандировало такой идеал личности, которая бы верно служила Родине, свято исполняла свой долг, была социально активна. Но одновременно, и особенно в конце века, подчеркивалось — человек богат единством общественной и личной жизни.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

Литература, поэзия, живопись, театр, музыка все активнее интересовались «жизнью сердца» людей. Утверждение красоты земной жизни — один из важнейших мотивов поэзии русского Просвещения. Многократно повторяются эти мотивы в поэзии Н. М. Карамзина:

И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бременил.

Среди лирических стихов И. А. Крылова той поры (очень немногочисленных, кстати) — «Письмо о пользе желаний», «Письмо о пользе страстей». В последнем Крылов развивает мысль о полезности желаний и страстей не только для отдельного человека, но и для общества в целом, видя в них один из важнейших стимулов общественного развития. В полемике с теми, кто порочил людские страсти, отвергал их ценность, Крылов доказывал, что не двигай страсти и желания людьми, они продолжали бы жить в пещерах, полуголодные, недалеко уйдя в своем развитии от Адама и Евы. Он писал:

И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.
Тогда пути небесны им открылись,
Художества, науки водворились...

Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут — науки к совершенству,
Глупца ко злу, философа к блаженству.
Хорош сей мир, хорош; но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.

Наиболее талантливо, ярко, полно выразил радость человека от наслаждения всем тем богатством, которое предоставляет в его распоряжение земная жизнь, самый большой поэт допушкинской поры Г. Р. Державин. Он воспел прелесть русской природы — краски утра и заката, пение птиц и неброскую красоту полей и лугов

в пору их цветения, рассказал о том, какие богатейшие эмоции все это вызывает в человеке. Он описывал удовольствие, которое можно получить от самых простых, повседневных вещей — например, от танца крестьянских девушек, которые «ходят, башмачками в лад стучат», от пения. Он писал о радостях дружеского общения, восторгах земной любви, о боли потерь близких людей. В силу таланта Державина в его поэзии красочнее и многостороннее, чем в стихах других поэтов, прозвучало восхищение многообразием жизни, которое было характерно для всей поэзии той поры.

Лирический герой Державина испытывал негодование по поводу самодурства глупых и чванливых вельмож, возмущался обидами, чинимыми ими народу. Он радовался военным победам России, не проходил и мимо женской красоты, восхищаясь ею:

Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь.

Его охватывал ужас перед смертью, исчезновением из жизни, он испытывал горечь при мысли, что имя его не будет вспоминаться потомками. Но он же впадал в восторг при виде красиво убранного стола и умел радоваться самым простым вещам:

Я озреваю стол, — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны.

Поэзия рассказывала о повседневной жизни людей, рисовала их быт, переживания и чувства, раскрывала их потребность в счастье. Люди независимо от происхождения, провозглашало искусство русского Просвещения, поэзия в частности, равно способны пламенно любить и наслаждаться, негодовать и восторгаться, находить прелесть в природе. Раскрывая удивительное

богатство человеческих эмоций, искусство учило способности видеть и чувствовать многообразие жизни, радоваться ей, любить ее, оно утверждало, что упоение прекрасным естественно для человека. Но оно же учило преодолевать трудности, горе и печаль, ориентируя своих современников на эмоциональное, жизнеутверждающее восприятие действительности. Эта направленность искусства служила углубленному познанию мира, человека в нем, делала восприятие жизни богаче, ярче, интереснее.

Разумеется, верующий Г. Р. Державин сознательно не отрицал и не опровергал ценности религиозного мировоззрения. Но как большой поэт, отразивший в своих стихах современную ему русскую жизнь, он вдохновлялся ее запросами, проблемами, интересами. Независимо от его субъективных намерений объективная значимость его произведений, как и произведений многих других деятелей русского искусства той поры, такова, что их смело можно расценивать как идеологическую оппозицию христианским ценностям и ориентациям.

Именно сближение искусства с жизнью во второй половине XVIII века, отказ от ориентации на возвеличение религиозных ценностей и установок привели к расцвету русской культуры, к полнокровности и реалистичности образов искусства, к жизненной их достоверности. В русской литературе особенно сильным было сатирическое направление, его развитию способствовал богатейший выбор жизненного материала. С Фонвизина — в этом великое новаторство его¹ — открывается в

¹ Чрезвычайно высоко оценивал личность и творчество Фонвизина А. С. Пушкин: «Есть высшая смелость, смелость воображения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию; такова смелость Шекспира, Dante, Milton, Гете в *Фаусте*, Мольера в *Тартюфе*, Фонвизина в „*Недоросле*“». В другом месте читаем: «...пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы»,

русской сатирической литературе галерея живых, полнокровных, мучимых земными страстями, вовсе не одноплановых героев, столь характерных для литературы классицизма. Ведь сатирически страшный в своей жестокости и невежестве, корыстолюбии и отсутствии нравственных начал образ Простаковой несет еще одну черту, делающую ее человечески живой: фанатическую материнскую любовь к сыну Митрофанушке. Ради нее, этой страсти, готова она на любое преступление, на любые жертвы. И омерзительная Простакова вдруг становится фигурой страдающей, трагической, когда в финале пьесы Митрофанушка равнодушно отвергает ее, как ненужную вещь: «Да отвяжись, матушка, как навязалась...»

Сатирическая струя в литературе той поры была характерна и для творчества других литераторов. Вот перед нами «Письма к Фалалею», которые публиковались Н. И. Новиковым в журнале «Живописец». В одном из них сатирически и в то же время художественно интересно показаны многие черты действительности того времени. В письмах отражено появление в российской жизни новых, преимущественно молодых, людей с их интересом к науке и высокими нравственными требованиями; здесь же раскрывается и то, как «герои» из породы скотининых сопротивлялись этой новой струе, всеми силами борясь с нею. Христианские нормы и заповеди не только не сдерживали простаковых и скотининых в совершении безнравственных поступков, но использовались ими для оправдания своих подлостей. Разумеется, Новиков вовсе не думал намеренно обвинять христианство, но, отражая реальную роль религиозных заповедей, показал, что христианские нормы не способствовали становлению высокой морали людей и общества. Итак, дядя пишет: «Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет; аггели мра-

ка радуются, а силы небесные рыдают о твоей гибели, ежели то правда, что я о тебе слышал, сказывали мне, будто ты... оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный улаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из тех книг? Веры ли несомненной, без нея же человек спасен быть не может? Любве ли к богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быть в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно».

Вослед своим нотациям дядя перечисляет дела, кои он совершал и кои сам он осознал как подлости. Но он вполне оправдывает себя тем, что делал их «по слабости человеческой», в которой, конечно, виноват дьявол: «Я сам, грешник, ведаю... что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде; и короче сказать, грешил... и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу... Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу Божию слушаю в день раз по пяти с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю... и в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пребыть без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможен остеречься от искушения...»

И далее дядя, вольно или невольно вскрывает в самой сути христианства тот его пласт, который делал христианскую мораль столь удобной ширмой для прикрытия и оправдания любой безнравственности. Он пишет, что пороки человеческие угодны богу, потому что тогда человек чувствует себя немощным перед могущественным всевышним и испытывает чувство вины и покаяния. Именно эти чувства, настаивает дядя, угодны

богу, а все иные расцениваются им как гордость. Гордость же, как и иные чувства человека, идущие от сознания своей силы, бог жестоко наказывает: «И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: *за взятки надлежит наказывать; надлежит исправлять слабости, чтобы не родились из них пороки и преступления.* Ведаете ли вы, бессмысленные... что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного токмо духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взяток.* Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость*? Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земле, гордитесь не свойственною сложению вашему твердостью? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюсь, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, разверзшись, не пожрет во свое недро... Опомнись, племянничек... Оставь сии развращающие разумы ваши науки... оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать.* Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедывают добродетель...»

Вот, оказывается, как могут быть использованы христианские заповеди — в качестве теоретического обоснования взяточничества, любых неблагоприятных дел!

Искусство русского Просвещения второй половины XVIII века утверждало внесловные ценности личности — добрые, благородные чувства могут испытывать люди любого происхождения, принадлежащие к любому слою общества. Ранее, например, в произведениях известных представителей литературы классицизма

А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и других незабываемым являлся постулат — благородные чувства могут испытывать лишь представители «благородных» сословий. К слову сказать, Сумароков был женат вторым браком на крепостной крестьянке, за что был отвержен дворянской средой, так что в своих произведениях он утверждал не свое личное отношение к другим сословиям, а господствовавшие представления. Чтобы почувствовать всю силу господствовавших представлений о том, что «низшие» бесчувственны или чувствуют исключительно неблагородно, вспомним еще один диалог из «Недоросля». Он показывает, через какую толщу предубеждений и убеждений тысяч простаковых и скотинных приходилось пробиваться мнению, что крепостные крестьяне, «души», могут хоть в чем-то быть равными с господами. Эти последние отрицали за «душами» не только «жизнь сердца», но даже право просто болеть.

Г- жа Простакова. ...Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.
Г- жа Простакова. Лежит! Ах она бестия! Лежит! Как будто благородная!

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит...

Г- жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная...»

Благодаря формировавшемуся общественному мнению, воздействию искусства способность чувствовать как признак человека с богатой духовной жизнью стала рассматриваться важным достоинством личности. Огромный успех имела опубликованная Н. М. Карамзиным в 1792 году повесть «Бедная Лиза», в которой он раскрыл глубину, силу, тонкость чувств простой крестьянки, впечатляюще показал ее душевное благородство.

Следует обратить особое внимание на то, что способность к чувствованию просветители теснейшим образом связывали с протестом против неравенства и кре-

постничества. В этом плане заслуживают пристального внимания взгляды А. Н. Радищева, который развил, довел до логического конца то, что в произведениях его современников звучало лишь как надежда, как вера в социальную справедливость. Радищев звал к протесту, к сознательной борьбе за вольность. В «Путешествии из Петербурга в Москву» он заявил, что учителем человека, зовущим его к протесту против рабства, является «чувствительность, столь мощно его вождающая». Именно она заставляет путешественника сострадать замученным крепостным крестьянам: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Гнев, возмущение произволом помещиков, жалость побуждали героя произведения действовать — он стал подсказывать крестьянам пути и возможности борьбы с помещичьим беззаконием. В своих произведениях Радищев оценивал человеческие эмоции как один из важнейших стимулов к борьбе за социальную справедливость. В «Путешествии» он неоднократно указывал, что чаша терпения крестьян обязательно переполнится от мучений и истязательств, чинимых их «господами», именно потому, что крестьяне обладают бóльшим чувством собственного достоинства, способностью глубоко и преданно любить, сильно страдать. Во всех главах «Путешествия» показано присущее крестьянам чувство справедливости, которое приводит их к глубокому возмущению произволом господ, становится причиной выступлений против крепостного рабства.

Проза и поэзия русского Просвещения с большим вниманием относились к чувствам человека, его страстям и переживаниям, вызванным земной, реальной жизнью и связанным именно с ней. Но нельзя не остановиться подробнее на отношении к чувствам человека писателей реалистического направления литературы, которое начало активно формироваться в России во второй половине XVIII века, и сентиментализма, воз-

никшего в конце века и одно время пользовавшегося огромным успехом у русской образованной публики. Два этих течения литературы стояли на разных позициях в оценке значимости чувств и страстей для личности и в том, во имя чего они обращались к эмоциям и переживаниям людей.

С расцветом просветительного этапа в русской литературе связано прежде всего реалистическое направление. Свойственный просветительской идеологии рационализм оказал на писателей-реалистов большое влияние, что, быть может, более всего сказалось на изображении именно чувств в их произведениях. При всей талантливости Фонвизина и Крылова, наиболее ярких писателей той поры, мы не видим тонкой психологической проработки образов их весьма достоверных героев (что так характерно для реалистической литературы XIX века). Главное же — мы не заметим авторского внимания к духовной эволюции данной личности, к тончайшим и глубоко индивидуальным особенностям психики, эмоциям героев. Жизнь чувства лишь очерчена и раскрывается прежде всего в отношениях с миром, с обществом. Самые скучные страницы «Недоросля» — те, где Софья и Милон говорят о своей любви. На начальном этапе развития реализма даже самых талантливых его представителей более всего волновали общественные проблемы, лирические чувства героев отступали на второй план. Отсюда некоторая холодность в освещении лирических чувств. Пример тому — произведение Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум». Софья, вышедшая замуж за Милона, узнала, что он изменяет ей. Она пишет дяде своему Стародуму: «Сердце мое терзается день и ночь. Я ревную до безумия. Ум мой занят вымыслами об отлучении». Что же пишет в ответ Стародум — фонвизинский идеал честного человека? «Остерегись, друг мой! Ты неблагоприятно поступаешь... Познай все свое неразумие... Муж твой не умедлит почу-

вствовать, что он вредит сам себе... Он имеет столько рассудка, что не пойдет упорно на свою гибель...»

Борясь за уничтожение «рабовладения», за демократизацию русской жизни, писатели-реалисты все свои силы отдавали тому, чтобы их искусство служило могучим орудием борьбы против существовавших общественных порядков. Гражданские идеалы, гражданская страсть были поставлены во главу угла в их произведениях. В изображении чувств отличительным было то, что они рисовались, обнажались как общественно обусловленные. На примерах повседневной жизни, в тесной связи с нею они раскрывались как следствие бесправных условий жизни или, наоборот, вседозволенности, неограниченной власти над людьми, что не меньше убивало и развращало личность, калечило ее морально. Что такое Простакова? Тиран своих людей, но в моральном плане и жертва ничем не ограниченного дворянского произвола, ее развратившего и искалечившего, царящих общественных порядков, корыстолюбия, невежества, взяточничества и т. д. Такое раскрытие «жизни чувств» — огромное достижение в реализме, в литературе русского Просвещения. Насколько писатели-реалисты в самой своей сокровенной сущности были тесно связаны с жизнью, позволяют оценить стихотворения раннего Крылова, в частности «К другу моему», написанное в 1793 году. Влюбленный Крылов не просто исповедуется другу в своих чувствах. Вольно или невольно, в силу своего внутреннего видения вещей, он раскрывает жесточайший общественный конфликт неимущего влюбленного и царящих общественных представлений, в которых на первом месте — богатство и знатность (кстати, родители реальной Анюты, предмета любви Крылова, сочли его, незнатного бедняка, неподходящей партией для дочери...). Крылов показывает (вот она, характерная позиция реалистической литературы русского Просвещения!), что власть чувства вовсе не ограничивается

душами влюбленных, она способна изменить и общественную позицию человека. Поэт рисует себя до встречи с Анютой:

Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе, --
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе, —
Чин человека...

Крылов с грустью говорит о том, что эти его взгляды на бедность и богатство, на ценности бытия отнюдь не разделяются той, в которую он влюблен:

Но все ведь женщина она.
Для них магниты, талисманы —
Жилеты, пряжки и кафтаны,
Нередко пуговка одна.

И поэт задумывается над тем, что чувства способны изменить его отношение к жизни, к ценностям ее:

Честь выше злата я считал;
С богатством совесть не равнял
И к деньгам был ничуть не падок,
Теперь хотел бы Крезом быть,
Чтоб Аннушки любовь купить.

.

Чтобы иметь большую славу
Анюту в золоте водить,
Анюту с золота кормить,
Ее на золоте поить
И деньги сыпать ей в забаву.

Как видим, интимные, лирические чувства волнуют просветителей прежде всего как неотрывные от общественных отношений и ценностей, в свою очередь влияющие на них, на общественные идеалы и жизненное поведение личности.

Писатели-просветители выносили на общественное

обсуждение главных социальных конфликты русской действительности того времени, стремились сформировать идейную оппозицию крепостничеству, социальным и нравственным порокам общества. На чувства персонажей в своих произведениях они смотрели как на одно из важных средств формирования и воспитания общественного мнения. Это — важная особенность реалистического направления русской литературы той поры.

Фонвизин, Новиков, Крылов, Радищев, многие другие просветители видели в чувствах, в «чувствительности», одну из важнейших основ нравственных ориентиров людей, их жизненной позиции, их оценок добра и зла. Своими произведениями они стремились вызвать «возмущение чувств» читателей, сострадание, жалость или сочувствие к герою, презрение, ненависть к подлецам, тем самым воспитывая жажду активного вмешательства в происходящее, жажду личной помощи улучшению общественного устройства. Они не боялись вызывать у читателей отвращение к окружающей их действительности, не боялись лечить болью, вызывая приток новых сил для изменения ее.

Писатели-реалисты утверждали необходимость «чувствования», обращались к «жизни сердца» своих читателей, пробуждали и формировали в них чувства, с тем чтобы они определили прежде всего свою гражданскую позицию. Силы и талант эти писатели отдавали прежде всего делу формирования гражданственности соотечественников, то есть тому, чтобы люди свои нравственные добродетели, свои чувства — ненависть к злу, сострадание к обиженным и т. д. — распространяли не только на семейный круг, но и на все общество.

Как известно, у Гегеля есть размышления о том, что на развитие искусства воздействуют различные состояния мира. Он считал наиболее благоприятным «героическое состояние мира», на почве которого, по его мнению, выросло, например, классическое искусство антич-

ности. Нет, Россия второй половины XVIII века не переживала того «героического состояния», которое имел в виду Гегель. Но одному признаку этого состояния вполне отвечало демократическое искусство русского Просвещения — наличию «высокой цели, затрагивающей данный народ или все человечество». Писатели отдавали свои силы борьбе против общественного зла, старались вызвать общественный протест. Они понимали высокое предназначение литературы. Позднее В. Г. Белинский так сформулирует задачи, стоявшие перед писателями: «Питайте и развивайте в них (читателях. — З. К.) чувства, возбуждайте чистую, а не корыстную любовь к добру, заставляйте их любить добро для самого добра, а не из награды, не из выгоды быть добрым; возвышайте их душу примером самоотвержения и высоты в делах...»

Сентиментализм не ставил своей задачей формирование гражданских чувств, гражданских добродетелей личности. Однако и он внес немалую лепту в воспитание уважения к земным чувствам личности, к богатству ее страстей и переживаний, к духовно богатой личности, живущей земными, реальными, «мирскими» эмоциями. Сентиментализм стал формироваться и набирать силу в искусстве русского Просвещения с конца 1780-х годов. Отношения к человеческим чувствам, сфере их жизни и воздействия возникли под влиянием европейского сентиментализма, но нашли свои социальные основания в особенностях русской жизни той поры. Главой сентиментализма в России стал Николай Михайлович Карамзин. С 1784 года Карамзин был близок к московскому просветительскому кружку Н. И. Новикова, сотрудничал в издаваемом им с 1787 года журнале для детей «Детское чтение для сердца и разума», первом в России. Человек талантливый, благородный, Карамзин придерживался весьма умеренных политических взглядов. В основном они выработались в нем, как и в немалом числе представителей русского дворян-

ства, под воздействием напугавшего его восстания Пугачева и событий якобинского этапа Великой французской буржуазной революции, которые он наблюдал, находясь в 1789 году во Франции. Они скажутся и в великом его труде «История государства Российского», которым он занимался с 1804 года по самый день смерти в 1826 году. Карамзин посвятил свою «Историю...» Александру I. Полемизируя с Карамзиным, декабрист Никита Муравьев начал свою записку «Мысли об „Истории...“ Карамзина» со слов: «История принадлежит народам». А. С. Пушкин, глубоко чтивший и любивший Карамзина, напишет:

В его истории изящность, простота,
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

В России сентиментализм выразил настроения той части русского дворянства, которая находилась в идеологической оппозиции к правлению Екатерины II с его политикой подлинного рабовладения, ничем не сдержанным монархическим произволом, фаворитизмом. Это дворянство, однако, не жаждало вступать в борьбу с общественным злом, оно предпочитало уединение в своих усадьбах в «тихом семейном кругу». Под влиянием преследований со стороны самодержавия в 1790-х годах замолкли голоса Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, других граждански активных просветителей. В «тишине» громче зазвучали голоса русских сентименталистов. В Европе сентиментализм был рожден идеологией Просвещения, являлся передовым, демократическим искусством, создал произведения, по-новому осветившие жизнь, внутренний мир человека, его психологию, его чувства. И в России опиравшийся на просветительскую философию сентиментализм отстаивал внесловную ценность личности, воспитывал в человеке

внутреннее достоинство, уважение к своим силам, способностям, талантам, чувствам. Обращая все внимание на человека, его эмоции, его интересы, сентиментализм способствовал утверждению интереса к личности — в этом проявлялись его антифеодалная направленность, его демократизм.

Но в то же время сентиментализм сделал эмоциональную жизнь героя основной целью своего изображения. Погружая читателя в мир нравственной и эмоциональной жизни героев, сентиментализм в своих произведениях как бы изолировал этих героев от реальной жизни, конкретных социальных обстоятельств. Раскрывая переживания личности, он не связывал человека с окружающим миром, не показывал зависимость и обусловленность его характера обстоятельствами бытия. Писатели-сентименталисты не ставили перед собой задачи воспитания активной гражданской позиции личности, выхода ее добродетелей за рамки узкого семейного круга, хотя в воспитании человеческой порядочности, нравственности, сострадательности видели свою важнейшую цель. Герой произведения сентименталистов противопоставляет имущественному богатству богатство чувства, нравственной жизни, но он не борется против гнетущих его обстоятельств за свое самоутверждение, свою самореализацию.

Герой у сентименталистов изображается обычно как жертва, как беглец из реального мира, причем нередко трудно понять, что это за действительность, где все происходит, каковы реальные черты окружающего героя бытия. Оно, это бытие, жестоко, оно давит героя, но в то же время эта жестокость абстрактна, не обусловлена реальными отношениями.

Естественно, возникает вопрос: в чем же можно видеть атеистические тенденции в таком изображении жизни? Особенность сентиментализма, прежде всего интересующего нас русского сентиментализма, в том,

что на практике он так или иначе не только утверждал «милые сердцу» ценности семейного очага, тихого уюта «уединения» в кругу близких людей. Он отвергал конкретное зло конкретной русской действительности и тем воспитывал неприятие не просто «мирских» ценностей, а мерзостей российской действительности. Да, у себя дома, в своем отъединении от общества, герой в своих личных страстях и переживаниях «велик своим чувством», по выражению Ж.-Ж. Руссо. Ну а в чем он не хочет участвовать, чему сопереживать, от чего отъединяться? Вот стихотворение одного из поэтов русского сентиментализма (который не дал крупных имен в поэзии) В. В. Пупугаева «Счастье» (1801):

Счастли́в, кто злато презирает,
Смеется пышности честям,
Богатств огромных избегает,
Не ходит знатных по домам.

.
В угодность знатну господину
Кто ставит в стыд себе ласкак,
Из уваженья к роду, к чину
Несчастных в бедстве повергать...
Но в тихом круге обитает
Семейства милых и родных
И боле счастья не знает,
Как быть в объятиях драгих.

Общественные симпатии и антипатии героя этого стихотворения совершенно очевидны, совершенно очевидны и его чувства по отношению к знатым и «несчастливым в бедстве», так что можно и должно говорить о гражданской позиции писателей русского сентиментализма. Она была иной, чем у представителей реалистического течения, но она существовала — вот что несомненно, вот что важно. Поэтому атеистические тенденции в русском сентиментализме, как и в реализме, мы видим в уважении к земным чувствам людей. Писатели-сентименталисты восхищались их многообразием, про-

являя повышенное внимание к внутреннему духовному миру героя, к его страстям и переживаниям. Всем своим творчеством они способствовали утверждению личности во всем ее богатстве чувств, мыслей, порожденных земной жизнью, на нее откликающихся.

Интенсивная внутренняя жизнь людей отразилась и в живописи той поры, прежде всего портретной. Прекрасен портрет Г. Р. Державина, написанный его другом В. Л. Боровиковским. Великий поэт изображен в расцвете сил, он полон радости жизни, уверенности в себе, готовности к жизненной борьбе, к преодолению преград. А вот другой, романтический по стилю, но не менее замечательный портрет кисти Ф. С. Рокотова. Это портрет А. П. Струйской, молодой женщины, в четырнадцатилетнем возрасте выданной за богатого, на много старше ее человека, известного своим экстравагантным и тяжелым характером. С портрета на нас смотрит земная женщина со своей, возможно, несбывшейся мечтой о счастье, своими желаниями, размышлениями, чувствами, как бы затаившимися. Загадочная, мерцающая земная красота изображенной женщины родила к жизни другое произведение искусства. Известный советский поэт Н. А. Заболоцкий посвятил портрету Струйской одно из своих лучших стихотворений. Вот строки из него:

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Можно только представить, как волновал этот портрет современников, как много говорил им!

Нельзя не остановиться перед другим женским портретом кисти В. Л. Боровиковского, написанным в 1797 году. На нем — восемнадцатилетняя Мария Лопухина, урожденная Толстая, сестра известного бретера и дуэлянта Ф. И. Толстого, Американца, как его называли, прославившегося своими авантюрными историями. Этот портрет многие специалисты считают как бы поворотным пунктом в истории русской портретной живописи. Именно с него отмечается повышенное внимание к миру чувств человека. Овеянный поэтической женственностью, портрет представляет нам мыслящего и, несомненно, глубоко и тонко чувствующего человека. Разумеется, каждый читает этот портрет по-своему, но нельзя не отметить удивительную одухотворенность облика Лопухиной, тень страдания на лице — она умерла двадцати четырех лет от скоротечной чахотки. В лице Лопухиной художник подчеркнул национальный русский тип. И пейзаж тоже типично русский — белые стволы берез, васильки, спелые колосья ржи. Портрет пронизан мыслью о единстве человека и природы.

Мастера парадного портрета XVIII века рисовали своих персонажей в окружении атрибутов, призванных указать их социальное положение, общественное значение. Боровиковский также окружил Лопухину изображениями предметов, помогающих раскрыть ее образ, но они призваны подчеркнуть глубоко интимные стороны ее характера, раскрыть жизнь ее чувств.

Популярен в конце XVIII века был и такой вид искусства, как музыка, и прежде всего комическая опера. Это объясняется ее демократичностью, относительной доступностью широким слоям населения. Грамотны в ту пору в стране были очень немногие, так что круг читателей литературы был неширок. Картины художников выставлялись для обозрения и вовсе узкому кругу лиц, поэтому литература и живопись для широких масс были малодоступны.

Комическая опера большое внимание уделяла внутреннему миру человека, его чувствам и переживаниям, именно поэтому она воспринималась сотнями людей в разных городах страны. Комические оперы ставились в Москве, Петербурге, во многих крупных дворянских усадьбах — Шереметевых, Шаховских, Голицыных и других. Театральные труппы существовали и в ряде провинциальных городов. Нередко комическая опера сочетала в себе сильную обличительную струю, задевая самые злободневные темы — произвол «сильных мира сего», ужасы крепостного права, невежество и мотовство дворянства и т. д. — с непринужденным весельем. Тогда легкое в целом зрелище рождало нередко серьезное чувство возмущения существующими порядками. Разумеется, цензура свирепствовала, запрещая все, что могло быть истолковано как осуждение существующих общественных отношений. Но все-таки крамольные вещи иногда просачивались сквозь сито цензуры и ее запретов. Вспомним произведения известного драматурга Я. Б. Княжнина, первые комедии И. А. Крылова.

В очень популярной в последней трети XVIII века опере композитора В. А. Пашкевича на либретто Я. Б. Княжнина «Несчастье от кареты» рассказывалось о помещике, который пожелал приобрести модную карету. Но денег на покупку у него не было, и он решил продать своих крепостных в разные руки — разлучить влюбленных. Спектакль кончился благополучно — помещик одумался и не стал разлучать молодых людей, оценив их душевное благородство, ум, силу чувств. Но мысль о том, что судьба крепостных зависит от произвола и прихоти их хозяев, пронизывала всю оперу, зрители переживали за героев, сочувствовали им. Кого-то такая опера, вероятно, заставляла задуматься над несправедливостью существующих общественных отношений. Страдания молодой пары были раскрыты с большой теплотой и сочувствием. Молодые крепостные — и

это следует особо подчеркнуть — выглядели более умными, более благородными, более душевно щедрыми людьми, чем их господа.

В первой русской комической опере М. Попова «Анюта», поставленной в 1772 году, показаны бесконечные жизненные заботы мужика, «сушащие» и мучающие его. Старый крестьянин Мирон пел в своих куплетах:

Боярская забота:
Пить, есть, гулять и спать,
И вся их в том работа,
Штоб деньги обирать.

Мужик сушись, крушися,
Потей и работай,
А после хошь взбесися,
А денежки давай.

По мере становления реалистического начала в искусстве в театральных спектаклях усиливается обличительная струя, все больше внимания уделяется простому человеку, его духовной жизни, утверждается и пропагандируется внесловная ценность личности.

Во второй половине XVIII столетия получил развитие такой литературный жанр, как романс. Либретто комических опер, тексты многих романсов и песен были написаны литераторами-разночинцами, на себе испытавшими тяготы существования в феодально-сословном обществе. В текстах этих авторов особенно настойчиво звучал мотив равенства всех людей независимо от происхождения.

Ведущей темой романсов и песен была любовная. Радости и горести земной — а не к богу — любви, страдания разлуки, измены вдохновляли авторов. Огромной популярностью пользовались музыкальные произведения на стихи известного поэта И. И. Дмитриева (1760—1837). Особенно был известен его романс «Стонет сизый голубочек». Дмитриев в своих стихах воспевал радости жизни, любовь к простым повседневным вещам:

Кто, быв молод, не смеялся,
Не плясал и не певал,
Тот ничем не наслаждался,
В жизни не жил, а дышал.

В романсах и песнях с авторскими текстами прославление лирических чувств, интимной стороны жизни как бы подразумевало отрицание христианского аскетизма. В народных же песнях открыто высмеивались и влюбленные монахи, и развеселые монашенки, их лицемерие, ханжество. Отрывок из известной в конце века песни «За святыми воротами» рисует далеко не аскетические нравы «братьев и сестер во Христе»:

Черничка гуляла, молодая плясала,
А сказали черничке, что поп Матвей идет,
Она так скачет, она так пляшет.

Светские мотивы, воплощенные в лучших произведениях демократического искусства русского Просвещения, с непреходящей силой и талантливостью доказывают, вопреки утверждениям апологетов религии, что это искусство вдохновлялось не религиозными идеалами, а реальной жизнью. Реальная жизнь того времени несла в себе идеологическую оппозицию мировоззренческим установкам христианства, религии вообще. Она способствовала формированию атеистических тенденций, поскольку ход общественного прогресса вел к росту научного мировоззрения, к материализму, усиливал внимание и интерес к ценностям земной жизни, предъявлял спрос на личность, ее неповторимую индивидуальность. Усваивая и отражая потребности времени, передовое искусство сыграло огромную роль в уменьшении влияния религиозного мировоззрения на умы людей, оно объективно заключало в себе атеистические по сути мотивы и тенденции.

Традиции передового искусства XVIII века были продолжены русским искусством XIX столетия. В великой русской литературе этого периода, прежде всего первой половины, явственно прослеживается связь времен. Первая половина XIX века — это А. С. Пушкин. Мы уже приводили факты его особого внимания, уважительного отношения к деятелям русского Просвещения — Д. И. Фонвизину, Н. И. Новикову. Со многими — Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым, другими — поэт был близко знаком. Свободолюбие и свободомыслие личности и творчества А. С. Пушкина, воспитанного французским и русским «вольтерьянством», — тема особо и большого разговора.

Здесь скажем только, что с лицейских лет А. С. Пушкин высоко ценил литераторов русского Просвещения, читал и изучал их наряду с великими писателями всех времен. В 1815 году пятнадцатилетний поэт в стихотворении «Городок» говорит об авторах книг, которые окружают его, начиная, конечно, с Вольтера:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!

Державина он читает вместе с Горацием:

Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.

Пушкин отдает Крылову пальму первенства перед известным французским баснописцем Лафонтеном:

О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!

В его библиотеке — произведения русского драматурга-трагика В. А. Озерова (1769—1816), Карамзина, Фонвизина, Княжнина:

Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин,

Мятежная поэзия декабристов — А. И. Одоевского, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера — шла в русле радищевской борьбы за вольность, объявляя «вражду и брань временщикам, царей трепещущим рабам, тиранам, нас угнесть готовым». Служение людям, Отечеству декабристы видели в борьбе за свободу, отвергая догматы христианского «смирennemудрия». Рылеев писал:

Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Поэзия декабристов вослед поэзии русского Просвещения утверждала могущество человека:

...дивный, дерзкий человек
(Он обымает круги звездны,
Он мерит небо, сходит в бездны,
Ему доступны все места)...

Кюхельбекер

Внутреннюю жизнь людей, мир лирических страстей и чувств раскрывали стихи крупнейших после Пушкина поэтов той поры — Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. А. Дельвига. В своих знаменитых баснях И. А. Крылов продолжает обличение существующих порядков, начатое им в годы русского Просвещения. Генеральная сатира Н. В. Гоголя на крепостническую Россию с царящими в ней социальными и нравственными пороками и бессмертная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» напрямую вели свою родословную от нови-

ковских журналов, от фонвизинских «Недоросля» и писем Взяткина к знатному судье... В реальной жизни находило искусство XIX века свои сюжеты, в нее всматривалось, ее стремилось понять, изучить, улучшить, подобно искусству русского Просвещения. Эти мировоззренческие основы характерны для всех видов художественного творчества того времени.

Живопись первой половины XIX столетия также углубила традиции и принципы живописи Ерменева, Левицкого, Боровиковского. Блестящий портретист О. А. Кипренский создавал поэтические и возвышенные образы со страстной и напряженной жизнью чувств. Эту жизнь открывают нам и прекрасные, простые, интимные портреты В. А. Тропинина. Неповторимые индивидуальности запечатлены кистью К. И. Брюллова. Родоначальник национального сатирического жанра П. А. Федотов изображал невеселую жизнь простого люда («Вдовушка», сцены из солдатской жизни), с демократических позиций высмеивал купеческие и дворянские нравы. Кому неизвестно его «Сватовство майора», наводящее на мысль о преемственности новиковских, фонвизинских, крыловских сатирических традиций...

Идеи искусства русского Просвещения прослеживаются в художественном творчестве и второй половины XIX века, с огромной силой утверждавшем ценности земной жизни, интерес к личности и ее внутреннему миру. Продолжая и углубляя революционно-демократическую традицию А. Н. Радищева, это искусство — достаточно вспомнить А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина в литературе, В. Г. Перова, И. Е. Репина в живописи — уже открыто выражало антицерковные и атеистические устремления. Выросшее на базе революционно-демократического движения, оно ясно видело в религии и церкви верного союзника самодержавия и крепостничества и сознательно шло в атаку на этот идейный оплот реакции и мракобесия,

И сегодня, в наши дни, когда проблема формирования в сознании масс научно-материалистического (а значит, и атеистического) мировоззрения является одной из насущных задач воспитания советского человека, важное место в таком воспитании занимает искусство. На протяжении без малого семидесяти лет советское искусство различных жанров утверждает ценности атеистического миропонимания. С одной стороны, оно борется против всех и всяческих религиозных пережитков. С другой — решает проблемы морали, борьбы нового и старого, раскрывает могущество и возможности человеческой личности, внутреннее ее богатство. Лучшие произведения современной прозы, например В. Распутина, Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Тендрякова, поэзии — Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, Е. Евтушенко, Д. Самойлова, живописи — Н. Самохвалова, А. Дейнеки, П. Корина посвящены утверждению гуманистических идеалов социалистического общества. Как пишет Е. Евтушенко в «Монологе бывшего попа, ставшего боцманом на Лене»:

Я верю в звезды, женщин, травы,
В штурвал и кореша плечо.
Я верю в Родину и правду...

Вместо заключения.

„По существу ли эти споры?“

Гёте есть высказывание о том, что между двумя противоположными мнениями лежит проблема. Атеизм и религия являются собой пример двух противоположных мнений. Между двумя мировоззрениями лежит глубокая и сложная проблема перехода от разрыва с религией к сознательному атеизму, к усвоению и претворению в практической деятельности атеистического сознания. В этом переходе отрицание религии — лишь первый шаг, лишь начало длительного и сложного пути к атеистическим убеждениям, которые рождаются в труде, в размышлениях, в верности поставленным идеалам. У известного советского поэта Леонида Мартынова есть такие строчки:

По существу ли
Эти споры?
Конечно же, по существу!
Рассудок может сдвинуть горы,
Когда мешают эти горы
Увидеть правду наяву.

Человек может многое. В проводимом ныне курсе КПСС на ускорение социально-экономического развития страны особое внимание уделяется активизации человеческого фактора. В Политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева XXVII съезду партии говорится: **«Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека».**

Перестройка общественного сознания неразрывно связана с формированием у советских людей научно-материалистического, то есть атеистического, мировоззрения. Оно является важнейшим фактором в воспитании активной жизненной позиции. Вот почему стоит еще и еще раз возвращаться к истории атеизма, вновь и вновь знакомиться с его ролью в духовной культуре человечества, понимать его закономерность и неизбежность, о чем зримо говорят материалы и давно ушедших эпох.

Оглавление

Предисловие	3
«ПРИШЕДШИЕ ДОРОГОЙ МНОГОТРУДНОЙ...»	7
«На небе боги есть... Нет! Нет! Нет их!»	7
«Судьба Олимпа была решена»	13
«Вначале было Дело!»	13
«Мы свободные люди, а не рабы Ксанфа»	23
«Подлинная доблесть сопряжена с разумом»	27
«Тогда наука черпалась из жизни»	29
«Поступать иначе я не буду»	31
«Все высшее, чем человек могуч...»	34
«Чудотворны бывают в истории мгновенья»	37
«Настала эпоха переделывания»	50
«Разум — вот вождь правильной воли...»	55
«И правду точностью явлений доказал»	62
«Дорога в космос шла через костер»	66
«Мощь человека почти подобна божественной природе»	74
«ДЛЯ ЖИЗНИ ЖИЗНЬ ЛЮБЯ...»	84
«Он выше всех на свете благ общественное благо ставил»	84
«Куда ни обернусь, везде я вижу глупость»	100
«Колико нам ты нужен, из наших бедствий видно»	106
«И малейшего не должно приписывать чуду»	110
«С неприятельми наук российских бороться»	117
«Означенного Ломоносова для надлежащего в том увещания...»	122
«Очисти, смертный, разум твой, взгляни — твой рай перед тобой!»	125
«Изобрази Россию мне»	126
«Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества»	142
«Хорош сей мир, хорош; но без страстей он кораблю б был равен без снастей»	160
Вместо заключения. «По существу ли эти споры?»	189
	191

Калиничева З. В.

К17 «Кристалл небес мне не преграда боле...»: Исторические очерки о закономерностях возникновения и развития атеизма. — Л.: Лениздат, 1986. — 191 с., ил.

В книге на материалах античности, эпохи европейского Возрождения и русского Просвещения показано формирование атеистических воззрений.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

0400000000—193
К **М171(03)—86** 287—86

86.1

Зоя Васильевна Калиничева

**„Кристалл небес
мне не преграда боле...“**

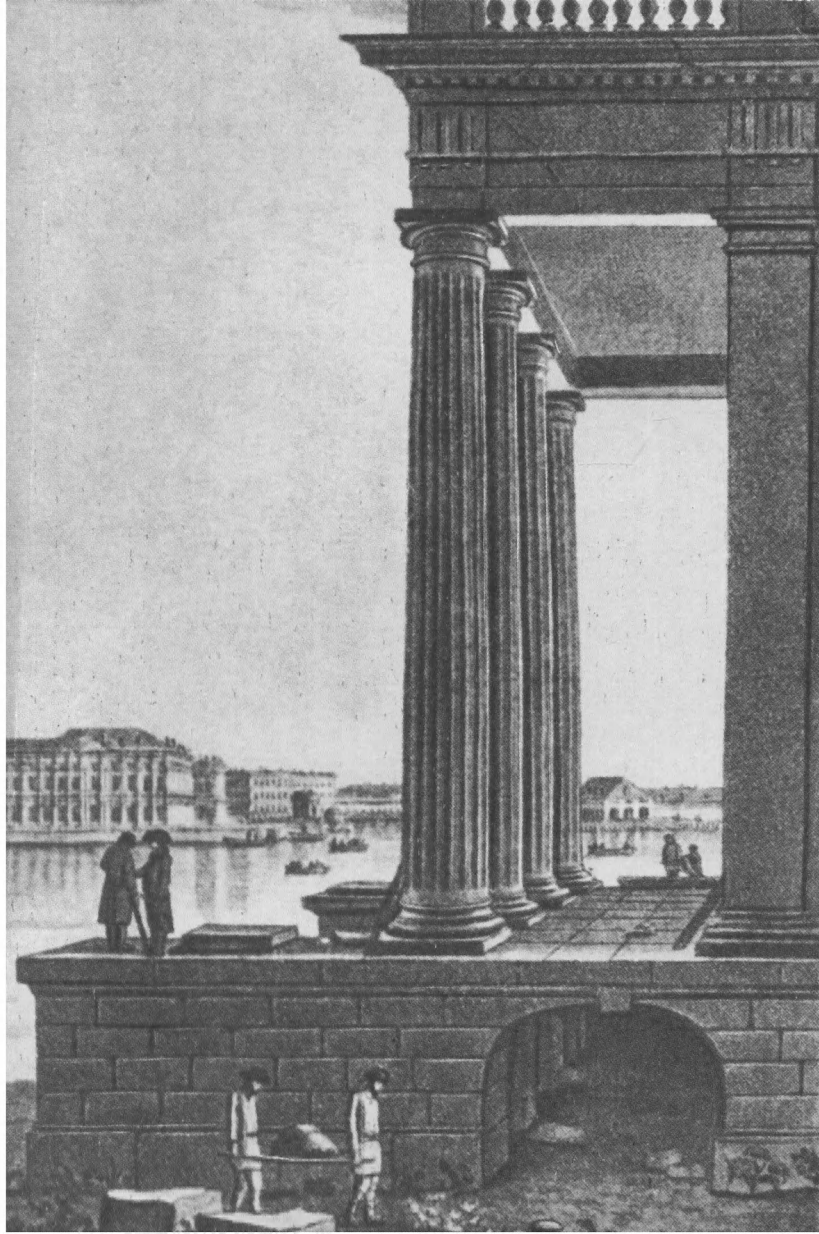
*Исторические очерки
о закономерностях возникновения
и развития атеизма*

Заведующий редакцией *А. В. Коротнян*. Редактор *Т. Н. Зенюк*. Младший редактор *И. Г. Чекина*. Художник *И. В. Зарубина*. Художественный редактор *И. З. Семенцов*. Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *М. В. Иванова*.

ИБ № 4088

Сдано в набор 23.05.86. Подписано к печати 15.10.86. М-29749. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40+вкл. 0,70. Усл. кр.-отт. 9,80. Уч.-изд. л. 8,62+вкл. 0,61 = 9,23. Тираж 50 000 экз. Заказ № 456. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЛЕНИЗДАТ

